ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 51 ДЕКАБРЬ 1987

РАССКАЗЫ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

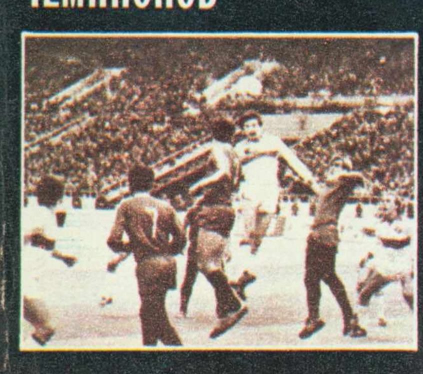
АКТРИСА АЛЛА ДЕМИДОВА

ФИНЛЯНДИЯ — НАШ СОСЕД

СКОРО НОВАЯ ПЕРЕПИСЬ

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ЧЕМПИОНОВ

ПЛАМЯ НА ЛЬДУ

ПЕРЕД ПОДПИСАНИЕМ ДОГОВОРА.

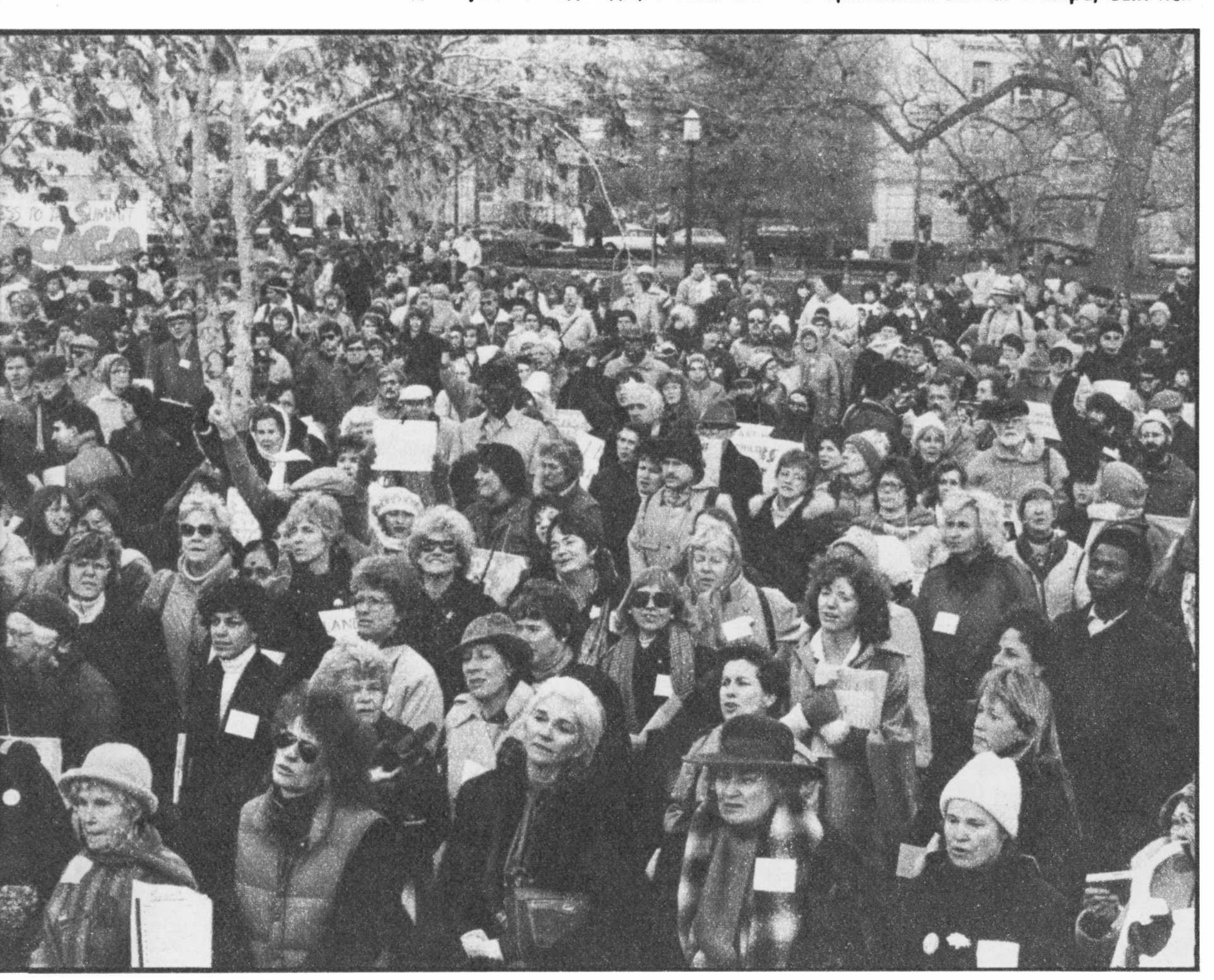
ЛАФАЙЕТ-ПАРК. МИТИНГ В ЗАЩИТУ ЖИЗНИ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ.

ВЕЛИКАЯ НАДЕЖДА

Виталий КОРОТИЧ,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

В вашингтонской гостинице, принявшей часть представителей СССР в дни недавней встречи на высшем уровне, транслировали напрямую по одному из телеканалов советские информационные программы. Однажды вечером я включил телевизор и увидел, как в углу экрана мелькают цифры московского времени — шла передача «90 минут» из дня, который здесь, в Вашингтоне, еще не начался. Знакомые московские дикторы рассказывали о происходящем в американской столице. Оттуда, из завтрашнего дня, они говорили о растущем в людях чувстве надежды, о том, что невозможно жить и выжить в ужасе ракетных частоколов, на горах взрывчатки, в океанах ненависти.

Да, одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год заканчивается прекрасным событием: руководители двух самых мощных держав на планете подписали соглашение, ликвидирующее ракеты средней и меньшей дальности. Многое еще предстоит сделать, слова о доброй ссоре и плохом мире, звучавшие в Белом доме во время подписания соглашения, напоминали о том, что не все просто. Но знаменитый американский ученый Карл Саган, разыскавший корреспондентов «Огонька» вскоре после этого события и передавший нам статью о проблемах войны и мира, был иск-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (3152)

19—26 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Сцена из спектакля театра ледовых миниатюр «Немое кино».
(См. в номере материал «Актеры на льду».)
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 27.11.87. Подписано к печати 15.12.87. А 00477. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2702. Заказ № 1612.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ренне потрясен. «Это величайшее событие,— сказал он.— И то, как достойно вел себя советский руководитель перед взорами всего человечества, и то, что сделан огромный шаг по направлению к миру,— все это незабываемые уроки политики реалистической, ответственной, дарящей надежду вполне реальную».

Что и говорить, все мы, кто шаг за шагом прослеживал усилия Советской страны, стремившейся воплотить идеи сотрудничества и добрососедства в параграфы Договора, искренне рады. Сегодня речь уже идет о реальных проектах сокращения стратегических вооружений, о договорах завтрашнего дня; сколько новых надежд в канун Нового года!

Сегодня, как никогда, ясно, сколько терпения и доброй воли воплотилось в подписанном соглашении. Мы никогда не теряли надежды — и осуществляем ее.

Сколько довелось прочесть газет и листовок, плакатов и призывов разного рода в дни встречи на высшем уровне! Почувствовать, как слова усиливали или уничтожали друг друга!

— Мы обязаны быть последовательны,— сказал Уолтер Андерсон, главный редактор известного читателям «Огонька» журнала «Пэрейд», по-прежнему выходящего тридцатидвухмиллионным тиражом.— Начав делать хорошее дело, надо продолжать его. Народ Америки, все народы на свете устали от ненависти; сделаны уже и первый, и последующие шаги на добром пути разрядки. Произошло огромное событие, надо его и оценить, и развить.

Каждые трое из четверых американцев, опрошенных накануне визита М. С. Горбачева в Вашингтон, сказали, что ожидают дальнейших соглашений о контроле над вооружениями. Американское руководство выплачивает один из главных своих долгов человечеству незадолго до ухода в отставку, и тем не менее шестьдесят четыре из ста участников упомянутого опроса констатировали, что их президент не ушел очень уж далеко по пути достижения контроля над вооружениями. Американцы заждались мира и требуют его все настойчивее. В дни встречи руководителей великих держав по Соединенным Штатам, особенно по их столице, прокатилась волна миролюбивых манифестаций. Люди брались за руки, выстраивая многокилометровые «цепи мира», в соборах возносились молебны за мир. Политики, актеры, ученые, журналисты, священники, представляющие две великие страны, в очередной раз пытались лучше услышать и понять друг друга. Встреча руководителей держав стала вершиной огромной пирамиды, где на разных уровнях были желанны процессы сближения, лучшего узнавания друг друга, хотя и сохранились серьезные различия во взглядах.

В своих выступлениях Михаил Сергеевич Горбачев говорил о великом опыте нашего прошлого сотрудничества, о том, что во всем мире ждут, когда же СССР и США договорятся и жизнь человечества станет более надежной и безопасной. Современная политика еще раз обращалась ко всем, выходила из зашторенных кабинетов; было видно, как многомиллионные массы хотят принять и принимают участие в ней. Я спросил у бывшего многие годы одним из самых авторитетных политиков США, однажды претендента на президентский пост А. Крэнстона, как он относится к происходящему. «Это — великое начало,— сказал он.— Сделанное должно быть продолжено, и поскорее...» 62-летняя Лили Смит из Калифорнии, пикетировавшая в эти дни Белый дом с плакатом, где было написано, сколь она бесправна, го-

ВО ВРЕМЯ БЕСЕДЫ М. С. ГОРБАЧЕВА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ США.

НА ПЕРЕГОВОРЫ...

ворила корреспондентам, что лишь в условиях мира она видит шанс к осуществлению своих надежд.

В день прилета Михаила Сергеевича Горбачева в американскую столицу позади Белого дома зажигали огни на главной рождественской елке Соединенных Штатов. Выполнял эту процедуру президент, а торжественность усиливалась концертом прекрасной музыки и надписью с пожеланием мира и благополучия всем людям доброй воли, выгнувшейся аркой над огромной толпой.

В канун Нового года среди людей усилилось ожидание радости; всем ясно, что без мира, без разоружения не будут реализованы человеческие права и главнейшее из них — право на жизнь.

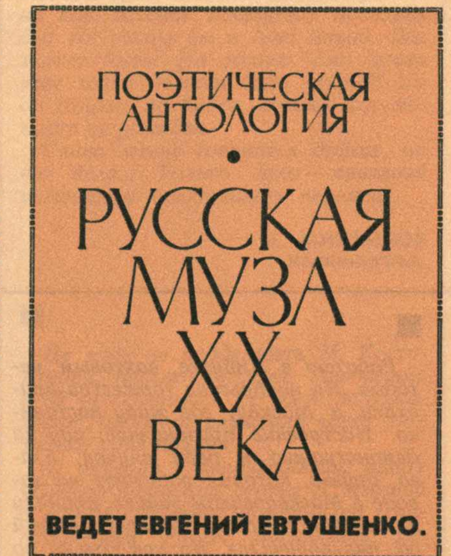
Не могу сказать, что все американцы в предновогодние дни только и говорили, что о состоявшемся договоре. Но интерес к результатам встречи на высшем уровне так или иначе вписывался в их слова и поступки. Несколько университетов предложили встретиться и выступить у них в дискуссиях о связи борьбы за мир с культурным обменом. Ряд самых авторитетных журналов США предложил «Огоньку» договоры о постоянном сотрудничестве. Академик Аганбегян отвечал в вашингтонском пресс-клубе на вопросы, связанные с перспективами развития экономики после соглашений о разоружении. На пресс-конференции, где обсуждались права человека в СССР и США, говорилось, насколько свободнее и спокойнее станет в мире, если убавится оружия. Никто не воспринимал соглашение, ликвидирующее целый класс ракет, исключительно как таковое. Договор соизмеряли со всем происходящим на свете и с тем, что еще должно произойти.

— Сегодня стыдно работать вне идей сотрудничества и мира,— сказал нам Джон Несбит, видный американский общественный деятель, основавший еще одну ассоциацию борцов за сотрудничество между нашими странами.— Вы не можете представить, сколько приветственных посланий и денежных взносов получили мы после показа первого же рекламного киноролика ассоциации по американскому телевидению!

Впрочем, и противники разрядки активны сегодня, как никогда, ведь вопреки им крепчают ветры доверия и надежды. Будто со дна времен на вашингтонских улицах и телеэкранах всплывали лозунги и лица из прошлого. Нам пытались предъявить требования, стуча при этом каблуками, выводили на улицу антисоветчиков и пикеты. Борьба за мир остается борьбой в самом жестком значении этого слова. И тем важнее любой успех, достигнутый в ней.

Сколько еще страха на свете! Человека перед человеком, страны перед страной, мысли перед мыслью... Выискивание потаенных врагов, приписывание друг другу неимоверных злодейств выжигает души изнутри, испепеляет их, творит атмосферу недоверия, в которой невозможно отдышаться ни человеку, ни человечеству. Надо учиться новому мышлению, новой культуре взаимоотношений и между разными странами, и между собой. Те, кто умеет жить лишь в спертом воздухе сведения счетов, не должен получить шанса. То, как М. С. Горбачев вел переговоры в Вашингтоне, весьма поучительно; политики, журналисты и наблюдатели с огромным уважением отметили и оценили это.

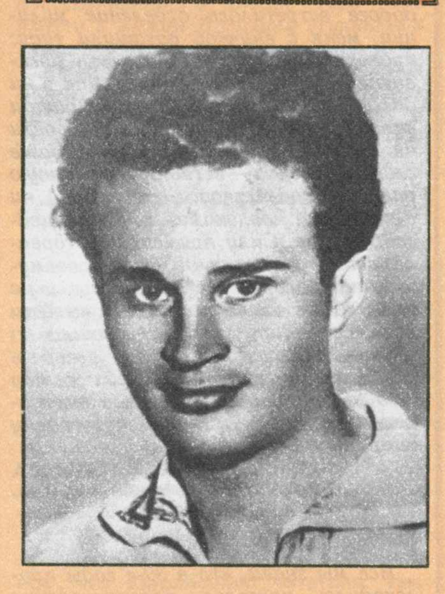
Все меньше времени остается до двадцать первого века, до третьего тысячелетия нашей эры. В предновогодье тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года был сделан огромный шаг по направлению к доброму и взыскательному миру завтрашнего дня. Столько еще надо трудиться во имя его, но первые шаги сделаны!

Павел ВАСИЛЬЕВ

1910—1937

Отец и мать Павла Васильева — выходцы из семиреченских казаков. Сам он был матросом, старателем на Лене, о чем написал две книги очерков. В 1928 году переехал в Москву, учился в Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова. Васильев — поэт буйной живописной экспрессии. Лучшее произведение — поэма «Соляной бунт». Погиб в результате необоснованных репрессий. Посмертно реабилитирован.

СОЛЯНОЙ БУНТ
(отрывок)

1. Свадьба

Желтыми крыльями машет крыльцо,
Желтым крылом
Собирает народ,
Гроздью серебряных бубенцов
Свадьба
Над головою
Трясет.

Легок бубенец,
Мала тягота,—
Любой бубенец —
Божья ягода.
На дуге растет,
На березовой,
А крыта дуга
Краской розовой,
В Куяндах дуга
Облюбована,
Розой крупною
Размалевана.

Свадебный хмель
Тяжелей венцов,
День-от свадебный
Вдосталь пьян.
Горстью серебряных бубенцов
Свадьба швыряется
В синь туман.

Девьей косой
Перекручен бич,
Сбруя в звездах,
В татарских, литых.
Встал на телеге
Корнила Ильич.
— Батюшки-светы! Чем не жених!
Синий пиджак, что небо, на нем,
Будто одет на дерево,—
Андель с приказчиком вдвоем
Плечи ему обмеривал.
Кудерь табашний —
На самую бровь,
Да на лампасах —
Собачья кровь.

Кони! Нестоялые,
Буланые, чалые...
Для забавы жарки
Пегаши да карьки,
Проплясали целый день —
Хорошая масть игрень:
У черта подкована,
Цыганом ворована,
Бочкой не калечена,
Бабьим пальцем мечена,
Собакам не вынюхать
Тропота да иноходь!
А у невестоньки
Личико бе-е-ло,
Глазыньки те-емные...
— Видно, ждет...
— Ты бы, Анастасьюшка, песню спела?
— Голос у невестоньки — чистый мед...
—Ты бы, Анастасьюшка, лучше спела?
— Сколько лет невесте?
— Шашнадцатый год.

Шестнадцатый год. Девка босая,
Трепаная коса,
Самая белая в Атбасаре,
Самая спелая, хоть боса.
Самая смородина Настя Босая:
Родинка у губ,
До пяты коса.
Самый чубатый в Атбасаре
Гармонист ушел на баса.

Он там ходил,
Размалина,
Долга-а,
На нижних водах,
На басах,
И потом
Вывел саратовскую,
Чтобы Волга
Взаплески здоровалась с Иртышом.

И за те басы,
За тоску-грустёбу
Поднесли чубатому
Водки бас [1],
Чтобы, размалина,
Взаплески, чтобы
Пальцы по ладам,
Размалина,
В пляс:

Сапоги за юбкою,
Голубь за голубкою,
Зоб раздув,
Голубь за голубкою,
Сапоги за юбкою,
За ситцевой вьюгою,
Голубь за подругою,
Книзу клюв.
Сапоги за юбкою
Напролом,
Голубь за голубкою,
Чертя крылом.
Каблуки — тонки,
На полет легки,
Поднялась на носки —
Все увидела!

А гостей понаехало полный дом:
Устюжанины,
Меньшиковы,
Ярковы,
Машет свадьба
Узорчатым подолом,
И в ушах у нее
Не серьги — подковы.

1933.

[1] Бас (вернее — бос) — кружка для водки. (Прим. автора.)

СТИХИ В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

В наши окна, щурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок нету,
Ветреных, веселых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И еще прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твое яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка — ведь какая малость!—
Но хочу, чтоб вечно улыбалась —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Все в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ.
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идет, что ветви зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,
Так идет, что облака стоят.
Так идет, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идет, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бедра крыты кожею гусиной,
На ногах мозоли от обнов.

Лето пьет в глазах ее из брашен.
Нам пока Вертинский ваш
не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране веселое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный
возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава.
Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального надень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

1934.

В «БЕРЕЗКУ»—ТЕ, КТО РАБОТАЕТ КАЧЕСТВЕННО ●
ПРОГОРИТ ЛИ ТЕАТР ПУГАЧЕВОЙ? ●
МЫ ДОЛЖНЫ С «ДЕДОВЩИНОЙ» СПРАВИТЬСЯ ●
КАК ПОМОЧЬ МОСКОВСКИМ ХУДОЖНИКАМ? ●

■

Прочитала письмо об орденах Л. Подгорной из Харькова (№ 36) и расстроилась. Разве не говорит в ней зависть к живым? Был бы жив ее отец, и он бы получил орден Отечественной войны. Я считаю, беда в другом: эту награду нужно было вручать намного раньше.

Что сейчас только не услышат ветераны (без очереди не бери, у вас есть свой магазин, понавешали железок и т. д.)! И все как бы забыли, что пришлось терпеть этим людям на фронтах, что не было у них юности. Мне обидно и больно за всех фронтовиков. Противно читать такие статьи.

Немного о себе. Я из города Ленинграда. Перенесла дистрофию третьей степени, эвакуировалась из Ленинграда в 18 лет с матерью, которая по дороге умерла. А меня на «скорой помощи» привезли в эвакогоспиталь в Вологде, где я лежала два с половиной месяца. Сейчас мне 63 года. На фронте не была. Но всех фронтовиков: и тех, кто головы сложил, и тех, кто остался жить,— я бесконечно уважаю. И прошу вас: не нужно публиковать злые письма. Люди не виноваты в том, что остались живы.

И. С. ФЕДОТОВА
Алма-Ата.

■

Выравнивая цены на продукты питания, надо подумать и о том, что предприятия и ведомства в буквальном смысле слова грабят нас, продавая товары народного потребления. Все знают, как росли цены, скажем, на женские сапоги — этот пример когда-нибудь станет хрестоматийным. Кстати, это самый яркий показатель того, как разнуздались предприятия, когда им разрешили устанавливать свою цену на товары, пользующиеся повышенным спросом. По-моему, здесь нет ничего общего с научно обоснованным ценообразованием, с простой человеческой этикой, социализмом. Пример: новосибирское обувное объединение «Обь» выпустило прошлой зимой сапожки — 90 рублей. Их (был сезон) расхватали за два часа. И тогда обувщики обратились в облисполком, где им пошли навстречу: сапожки стали стоить 160 рублей! Теперь они находятся в свободной продаже: чтобы покупать по такой грабительской цене, надо самому кого-нибудь ограбить! А предприятию хорошо. Не надо голову ломать, новые линии устанавливать... Один росчерк пера дал им такую прибыль, которую не даст ни детская обувь, ни модельная. Сшили один раз удачно, и несколько лет — «на коне»!

Если удастся установить реальные цены на товары промышленные, бог с ним, с мясом, пусть дорожает... Но когда самая скромная одежка стоит больше месячного оклада инженера, когда аванса не хватает на босоножки, когда на зимнее пальто приходится копить полгода, когда экономишь на питании, все разговоры о социальной справедливости начинают терять смысл.

С. ДРОЗДОВА
Новосибирск.

■

Работаю в Ямбурге, вахтовым методом. На ноябрьские торжества приехала в Москву, где живу постоянно. Настроение праздничное: иду на демонстрацию и беру внучку, благо, друзья, которые работают на заводе в Москворецком районе, приняли нас в свою колонну. Правофланговый за нас поручился. Но как только по дороге встретилось отделение милиции, меня с внучкой потащили туда: проверили, что я действительно москвичка, а работаю в Ямбурге. Как я ни доказывала, что по Красной площади колонна ямбургских рабочих пройти не может,— за рукав и вон! И даже слезы ребенка, вставшего в такую рань, не подействовали на людей ни с красными повязками, ни в милицейской форме. Силу применяли, оторвали рукав у плаща, да только возмущенная колонна встала в круг и не дала «блюстителям порядка» вывести нас. Благодаря им мы прошли по Красной площади, но обида и горечь до сих пор в сердце. До каких же пор люди, облеченные властью, с партбилетами в кармане, будут гнуть палку так, как им хочется?

Т. АХМАТУКАЕВА
Ямбург Тюменской области.

■

Все мы знаем, что в 30-е годы происходило массовое переименование городов и гигантским стройкам давались имена в честь здравствовавших в то время партийных, советских и государственных деятелей. Нельзя забывать, что в новых названиях закреплялось не только имя Сталина. Орджоникидзе ездил на «Уралмаш», который носил его имя. Уже при жизни Ворошилова существовал Ворошиловград, бесконечно переименовывавшийся в зависимости от отношения к этому военачальнику, что порождало кривотолки, сплетни и злопыхательские разговоры. Имя Калинина, который остался в сердцах людей как честный и добропорядочный человек, тоже в момент нахождения его у верховной власти было присвоено старинному городу. А московское метро, если не изменяет память, было названо в честь Л. М. Кагановича. За четыре года до смерти Горького Нижний Новгород нарекли его именем. Но таким возвеличиванием поощрялись не только те, кто занимал ключевые посты. Не гнушались этого и на более низком уровне власти. Член ЦК, секретарь Уральского, а затем Свердловского обкомов партии И. Д. Кабаков еще при жизни лицезрел город Кабаковск, который, правда, после репрессий на партийного работника был вновь переименован в Серов. И эти примеры можно множить и множить.

Был ли в этом какой-то дальний умысел Сталина, не располагая подлинными документами, трудно судить. Но невольно возникает мысль: культ внедрялся сначала для всех выдающихся деятелей, а затем для одного — Сталина. Переименование, мне кажется, было одним из приемов, который парализовал в коммунистах подлинную бдительность, перенастраивал их на мнимую. Ведь, как известно из законов драматургии, короля играет окружение.

Раздаются голоса о вреде публикаций об этом периоде нашей истории. Мое мнение: они не от жажды очернительства, а в них стремление предостеречь новые поколения от возможного повторения. В конце концов волюнтаризм Хрущева и непомерно раздутое тщеславие Брежнева берут начало из тех же корней, что и культ личности.

В. МОНАХОВ
Братск Иркутской области.

■

Я мать двоих сыновей. Старший пришел из армии в 1982 году, младшего ждем домой этой весной. Поэтому я с особым пристрастием прочитала письмо Ю. Полякова в «Огоньке» № 44. В свое время я читала материалы XX съезда комсомола и не скрою, что меня покоробили слова Героя Советского Союза И. Чмурова о том, что «дедовщина — явление частное, нетипичное, умирающее». Счастье, что он, видимо, попал служить в здоровый коллектив.

Я ездила на службу к сыновьям и многое увидела сама. Ребята мои не нытики, постоять за себя могут, а те, кто послабее, ломаются. Младший сын писал после «учебки»: «Мама, не волнуйся, самое страшное позади». После перевода на новую службу он признался, что испытал на себе эту самую «дедовщину», сколько ему пришлось перенести, чтобы не дать себя растоптать! Физически сильные (занимались в школе ДОСААФ), их друзья и однокашники, с которыми призывались, переписываясь, желают друг другу иметь «квадратные железные кулаки». Из Казахстана пишет мне друг сына, как в первый же день «деды» сняли у него часы, домой он строго наказал не присылать ни денег, ни посылок — массовое воровство. Только что вернулась из Читы моя сотрудница, как мы все считаем, железного характера женщина. Видели бы вы ее, опухшую от слез и горя. Сына ее избили так, что живого места не осталось: отказался стирать «дедам» портянки. Били новобранцев пряжками от ремней, чтобы на ягодицах отпечатались звезды.

Где командиры, где политработники? Глубоко сомневаюсь, что они не знают ничего. Никто не говорит, что нужны солдатам тепличные условия. Закалять их надо в работе, армейских учениях, походах, а не через унижение человеческого достоинства и мордобой. Надо срочно менять что-то в армии, а не рассуждать о типичности или нетипичности «дедовщины».

КУЗНЕЦОВА
Челябинск.

■

Прочитал в «Огоньке» письмо писателя Ю. Полякова. И свое письмо вынужден начать стереотипным словосочетанием: «Вашей повести не читал, но скажу...».

Так вот, скажу! Я тоже служил в армии, знаю все нравы казармы и, лишь услышав название книги «За сто дней до приказа», уже понял, о чем идет речь. Да, и меня «гоняли», и я «гонял» молодых, когда пришло мое время, как ни стыдно в этом признаться. Но до поры до времени. Уже ближе к осени, когда шли эти сто дней, я глянул в глаза одному молодому бойцу и ужаснулся: как же он нас, «стариков», ненавидел!

Мне тоже пришлось посмотреть телепередачу «Служу Советскому Союзу» от 25 октября, в которой группа солдат и офицеров, видимо, после долгих репетиций, бодро произносила, что явления, описанные в повести, нетипичные, частные и умирающие. Так вот, я служил в 1980—1982 годах, а сейчас в армии мой брат. Скажу мягко: служится ему очень нелегко. И не потому, что нагрузки тяжелы или питание недомашнее. Нет, опять «старики» и «деды», которые издеваются над молодыми.

Передача «Служу Советскому Союзу» от 25 октября демонстрирует, по какому пути может пойти перестройка в армии. По какому? А вот по такому — наведение «шмона и марафета» перед высокой инспекторской комиссией (все выдраить, вычистить, листья на деревьях и траву покрасить зеленой краской, солдатам выдать новое х/б, выстроиться на плацу, тянуться в струнку и «жрать» глазами начальство, «замазать» глаза инспектирующим, а свои болячки подождут). А «деду» в такой части хорошо и спокойно. Он умеет вытянуться как нужно, рапорт с приветствием отгавкать, он нужен в какой-то степени горе-командирам.

Если решили в армии перестраиваться, то не отвергать нужно повесть «За сто дней до приказа», а брать ее на вооружение. Ведь коммунисты всегда были сильны тем, что, как ни тяжела была правда, как ни горька, ее не скрывали от народа, тем более правду об армии.

У меня растет сын. Придет время и ему служить в армии. И мне не хочется, чтобы он испробовал то же, что и его отец. С такой плесенью, как «дедовщина», мы должны справиться.

Геннадий САДИНОВ,
27 лет
Люберецкий район
Московской области.

■

Я постоянный читатель «Огонька». Но последнее время мне становится очень обидно, когда вы печатаете необдуманные мысли наших читателей. Особенно когда говорят о Сталине.

Ведь такие люди, как Сталин, нужны сегодняшней перестройке. За нарушения и преступления в обществе он строго наказывал. И очень правильно делал. Так и нужно. Что только сейчас не делается у нас: больше нарушений, преступлений, сплошь да рядом проституция и наркомания. И ноль внимания на это. А при Сталине такого не было.

Интересно знать, почему сегодня так раскричались против Сталина? А я отвечу: при имени его у всех по телу мурашки пробегают. Ответьте, пожалуйста, позволил бы И. Сталин, чтобы девятнадцатилетний пацан приземлил свой самолет у нас на Красной площади? Да никогда! Ни за что!

О том, что к Сталину относятся с большим уважением, говорит и тот факт, что большинство граждан Советского Союза бережно хранят портреты Сталина. А портреты других бывших руководителей валяются где угодно. Разве это не всенародная любовь к Сталину?

К. Г. МАЛЛАКУРБАНОВ,
учитель
русского языка и
литературы
с. Ляхля, Дагестанская АССР.

Хотим рассказать об одном безнадежно затянувшемся конфликте и бросить в пространство несколько риторических вопросов, так как не знаем, кто бы мог на них ответить.

Почему в Главном управлении культуры Мосгорисполкома руководителями изобразительного искусства остаются все те же лица (тт. Григорьева, Колупаева и Кирюшова), которые во времена, предшествующие перестройке, сыграли самую черную роль в выставочном процессе Москвы? Ни одна выставка не прошла без немотивированных чисток экспозиции. Мнения выставкомов не принимались в расчет, а художники не допускались на процедуру приема собственных персональных выставок. Достаточно привести два таких примера. На персональной выставке Аркадия Петрова (1984 г.) было снято с экспозиции более трети работ, сам же автор был выставлен за дверь во избежание каких-либо объяснений. У художника Г. Басырова (1983 г.) была снята с экспозиции почти половина работ, и тоже без всяких объяснений.

Ровно год назад организаторы выставки «Фольклорные традиции в профессиональном и самодеятельном искусстве» на улице Миллионщикова (так называемая «Каширка») попросили письменный протокол согласования, чтобы уяснить мотивы, по которым требовалось снять со стен ряд работ. В ответ они услышали: «Никаких протоколов!». И выставка за этот «бунт» была запрещена по телефону. Но она все же состоялась благодаря настойчивости директора зала и имела большой успех. Почему директору зала Наталье Владимировне Цигикало, человеку инициативному, сделавшему за короткий срок свой зал одним из самых популярных в Москве, почему ей за выставку «Художник и современность» объявлен выговор вместо благодарности?

В сегодняшних условиях эти люди сменили тактику, «перестроились». Если выставку нельзя «просто так» закрыть, то ее можно попытаться «просто так» не допустить. Если раньше цензурировались экспозиции, то теперь цензурируются заранее списки предполагаемых участников, причем задолго до формирования выставки. Заместитель начальника Главного управления культуры Мосгорисполкома тов. Лазарев ответил нам, что Управление культуры вольно само устанавливать подобного рода правила. Выходит, что канцелярские процедуры только усложняются, и лишь для того, чтобы нейтрализовать «нежелательных» Л. А. Григорьевой художников. В ходу запугивание, а то и просто травля директоров залов и начальников районных отделов культуры.

Совсем недавно была запрещена к проведению выставка «НТР и искусство», которая должна была по плану выставочного зала на улице Миллионщикова открыться 23 октября 1987 года. Району было предложено заменить ее выставкой детского рисунка — и это за десять дней до открытия! В данном случае на наши «почему?» ответил сам Лазарев. Время праздничное, объяснил он, и он не хочет никаких «котов в мешке», так как у него всего лишь один партбилет в кармане, а не два или больше, и на праздники он не может брать на себя такую ответственность.

Очевидно, существует какое-то принципиальное отличие между ответственностью будничной и праздничной, и тов. Лазарев считает, что процесс перестройки происходит только в будни, а по праздникам объявляется перерыв.

До каких пор все это будет продолжаться?

Члены МОСХа Г. Брускин, Е. Вахтангов, П. Малиновский, В. Мейланд, Б. Орлов, Д. Пригов

Мы шарахаемся из крайности в крайность: сначала полагали, что экономические законы, объективные закономерности развития общества можно отменять. Теперь же объективность эта трактуется чуть ли не механически: вот запустим механизм, закрутятся винтики хозрасчета и колесики самофинансирования, и только успевай открывать рот да подставлять руки. Предприятие заинтересовано, коллектив заинтересован... Ну, а рабочий? В чем заинтересован производитель материальных благ? Иметь больше добротных товаров и услуг. За деньги их не купишь, этот «полный идиотизм» в статье В. Выжутовича «Власть рубля» («Огонек» № 44) описан достаточно красочно. А если вспомнить, что эти самые товары производятся трудом того самого рабочего, то получается порочный круг. Сегодня я напрягся, получил за это N рублей сверху — и куда их?

Меж тем выход из заколдованного круга у нас уже есть. Первоначальное «накопление товаров» нужно создать другим путем — закупить за границей. У нас есть даже готовый механизм их распределения — магазины «Березка», только принцип распределения должен быть радикально изменен. В магазине «Березка» будут отовариваться только те работники предприятий, которые выпускают товары высшего качества. Процент качественного труда будет определять процент сертификатов в общем заработке. Ну, а дальше как по нотам: рынок будет постепенно насыщаться качественными товарами заинтересованного труда, потому что у каждого будет немедленная возможность получить по труду. Когда рынок насытится, потребность в особых магазинах и дензнаках с отдельными каналами обращения отпадет.

Е. ЗАРУДНЫЙ,
формовщик Харьковского ПО «Завод имени Малышева», аспирант Института философии АН СССР

Первый раз в своей жизни я и моя семья встретили праздник без пирогов. Да-да, без пирогов. А почему? Нет дрожжей. Скоро у меня день рождения, 69 лет, а чем я буду встречать гостей? Пирога не испеку, торт у нас в городе не купишь, печенья нет, конфет тоже, что делать? Дрожжей нет, потому что ведут борьбу с пьянством. Я тоже против пьянства, но как-то по-другому надо вести эту борьбу, чтобы не страдали люди, которые к этому злу не имеют никакого отношения.

А. Д. ЧЕРНЫШОВА
Боровск Калужской области.

Наконец-то и у нас министры культуры стали давать интервью и говорить о культуре. Спрашивают министра: «Когда будет создан в Москве театр песни под руководством А. Пугачевой?» (Чувствуете, как время переменилось? Еще совсем недавно спросили бы когда-нибудь вдруг при случае, можно ли организовать нечто подобное...) И министр совершенно в духе времени отвечает: «А надо ли создавать такой театр? Я лично в этом еще не убежден». И хотя сам министр не убежден, ответ его более чем убедителен.

Я лично не министр культуры. Более того, к творчеству А. Пугачевой отношусь более чем прохладно. Хотя понимаю, что певица уже вписала свое имя в историю советской эстрады и театр песни не повредил бы ни ей, ни эстраде, ни любителям песни. Возможно, даже помог бы певице открыть какие-то новые грани своего творчества, помог бы эстрадной песне, вообще советской эстраде. А может быть, и не состоялся театр песни как явление искусства, прогорел бы! Не пошел бы в него народ. Все может быть! Но только для этого этот театр должен быть открыт. Но он открыт не будет, потому что министр не убежден.

Слова ныне говорятся другие, но вот дела... Только дела — критерий истинности сегодняшних перемен.

А. МИХАЙЛОВ
Калининград.

Не могу не поддержать М. Костоломова, письмо которого напечатано в № 44 «Огонька». Со мной, к сожалению, подобное случалось часто. Вот только один пример.

31 октября в ленинградской газете «Смена» появилась статья Л. Агеевой о судьбе известной комсомолки и писательницы Раисы Васильевой, репрессированной в январе 1935 года вместе с мужем Василием Лукиным в связи с убийством Кирова.

Из этой статьи я узнал с радостью о том, что Васильева реабилитирована (посмертно) в 1957 году, что в 31-м году она написала книгу «Первые комсомолки», а через год благодаря содействию С. Я. Маршака вышла в свет эта книга.

Я последовал благородному призыву Агеевой знать историю не по парадам и после Октябрьских праздников приехал в библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, чтобы сделать заказ на эту книгу. Заявка моя вернулась, на обратной стороне стоял знакомый штамп: «Выдается по специальному разрешению, комната 84».

Получив отказ на книгу Васильевой «Первые комсомолки», я изумился: «Как так? 30 лет прошло после реабилитации автора, о котором так прекрасно пишут в газетах, а на деле получается, что репрессии против него продолжаются?!»

Не буду описывать подробности моих хождений, но если бы это был единственный случай! У меня лежат 18 заявок с 18 отказами, в том числе на книги Суханова, Урицкого, Луначарского и других.

Очень хочется знать, что ответит «Огоньку» дирекция библиотеки. А может быть, зря пишу, уже, как говорится, меры приняты по письму Костоломова?

И. ОДИНЦОВ
Ленинград.

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЮТ

ПИСЬМА НА КОНТРОЛЕ

Сегодняшний разговор — об ответах на письма, опубликованные под рубрикой «Слово читателя», о принятых мерах.

Читая конкретное, деловое сообщение генерального директора ПО «Усть-Илимский лесопромышленный комплекс» В. Н. Семенова, мы поняли, какой серьезный резонанс нашли на месте проблемы, поднятые в письме тракториста Ю. Г. Хвостовым («Огонек» № 31).

К сожалению, часто руководители организаций обходят стороной главное, что взволновало читателя. Так, заместитель начальника Главмосавтотранса А. А. Карякин, мягко говоря, «не заметил» в письме москвича Г. Рысина («Огонек» № 30) вот эти слова: «Почти сорок минут начальник управления кадров А. А. Симоненко поясняла мне, что, по всем данным, для вышеуказанной работы я подхожу, но... взять меня на работу не представляется возможным, так как моя фамилия упоминается в «Огоньке»! Напомним, Б. Смирнов в материале «Себе в услугу» (№ 27) отмечал Рысина как знающего специалиста. К тому же и автор письма сообщал, что он практически был принят на должность, осталось пройти оформление в управлении кадров. Весьма обтекаемый ответ А. А. Карякина о профессиональной ненадобности Рысина с подробным перечнем прежних мест работы, «согласно анкетных данных», только заронил сомнение: а не родился ли действительно довод об «отсутствии опыта» после публикации в «Огоньке»?

Благодаря выступлениям «Огонька» жителям станицы Красноармейской наконец-то разрешено достроить молитвенный дом с возведением куполов над кровлей. Церковь без купола? Не удивляйтесь, оказывается, бывает. Кстати, из официального ответа заместителя председателя Краснодарского крайисполкома Р. П. Степановой понять существо дела оказалось непросто. Разобраться в принятых исполкомом мерах мы смогли, только созвонившись с А. Михалицыной, автором опубликованного в № 39 письма.

Ответы обтекаемые, формальные отписки, когда существо дела исчезает за гладкими строчками, или, напротив, столь пространные объяснения, что и до сути-то добраться невозможно, приходят в «Огонек», к сожалению, часто. И тем не менее они свидетельствуют, что письмо нашло отклик, на него отреагировали. Но, увы, некоторые письма остаются вовсе без ответа. Незамеченным осталось письмо генерал-майора в отставке И. Л. Жебрунова (№ 36). Да и как разглядеть маленькое письмецо, если на столь серьезную многострочную публикацию Ю. Черниченко «Мускат белый Красного камня» (№ 33) до сих пор нет официального ответа ни от Крымского обкома партии, ни от областного Агропрома. Напомним, прошло уже четыре месяца. Молчат и Академия наук СССР по поводу письма доктора физико-математических наук Э. Медведева (№ 37), и ГПБ имени Салтыкова-Щедрина, к которой обращено не только письмо М. Костоломова (№ 44), но и публикуемое в сегодняшней подборке сообщение И. Одинцова.

И все-таки смеем надеяться, что ответы на ваши письма, дорогие читатели, уже на подходе и следующая почта их обязательно принесет. Только взаимная принципиальность, гласность, доверие помогут наладить обратную связь ЧИТАТЕЛЬ—ВЕДОМСТВО—ЧИТАТЕЛЬ. Безусловно, говоря о действенности выступлений журнала, мы хотим иметь конкретный, деловой результат. Например, как этот: «В настоящее время подписка на издания, о которых идет речь в письме библиотекарей Харьковского института общественного питания, опубликованном в № 39 «Огонька», институту оформлена». (Из ответа заместителя начальника управления «Союзпечать» Минсвязи УССР В. П. Луценко.)

Зоя ЗОЛОТОВА,
корреспондент отдела морали и писем

Наш адрес:
101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14

ПОПРАВКА В № 48 «Огонька» в подписи под фото на стр. 29 следует читать: «Н. И. Бухарин и М. И. Ульянова».

404 ДНЯ

ПОСЛЕ ВЫХОДА КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «В ЗАЩИТУ ЗАЩИТНИКА» («ОГОНЕК» № 11) РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА МНОГО ПИСЕМ-ОТКЛИКОВ. ОДНО ПИСЬМО ЗАИНТЕРЕСОВАЛО ОСОБО, И МЫ ПОПРОСИЛИ НАШЕГО АВТОРА — АДВОКАТА М. МУРАВЬЕВА — ПРОВЕРИТЬ ЕГО. НАД МАТЕРИАЛОМ ОН РАБОТАЛ, КАК ВСЕГДА, ПРОФЕССИОНАЛЬНО, ТЩАТЕЛЬНО. КОГДА СТАТЬЯ БЫЛА ПОДГОТОВЛЕНА К ПЕЧАТИ И СДАНА В НАБОР, АВТОРА НЕ СТАЛО. СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ПОСЛЕДНЮЮ ЖУРНАЛИСТСКУЮ РАБОТУ Михаила МУРАВЬЕВА.

ИСПЫТАНИЕ

Во времена юности Лидия Ивановна Леонова видела следователей только в кино: они, как правило, подвижники, забывая о себе, денно и нощно обезвреживают опасных преступников. Разоблачив очередного, бросив негромкое «уведите», подходят к окну, задумчиво смотрят на спящий город: это благодаря их бдению люди счастливы и отдых безмятежен.

В зрелом возрасте, став заместителем начальника главного управления Министерства плодоовощного хозяйства РСФСР, секретарем партийной организации, она не раз говорила в кругу своих друзей и близких, что у нас зря никого не арестовывают, даже в кино...

Но вот пришло в редакцию ее письмо:

«20 марта 1986 года в разгар рабочего дня ко мне в кабинет вошли трое молодых людей и деловито перевернули все вверх дном. В ответ на недоуменный вопрос показали ордер на обыск, подписанный заместителем прокурора Горьковской области.

Под взорами изумленных сослуживцев меня посадили на заднее сиденье «Волги», по бокам — два молодца. В дороге они шутили: в Горьком, мол, определят в первоклассную гостиницу...

Поздно ночью остановились у здания с массивными железными воротами. Ввели в один кабинет, другой и потом — в подвал. Раздели догола, тщательно (точнее — унизительно) обыскали и втолкнули в камеру. Цементный пол, одноразовое скудное питание, ограниченное количество кипяченой воды, круглосуточный лязг запоров, грохот окованных железом дверей, вши, клопы — все это ввергает в панический ужас...»

Увезли Лидию Ивановну из Москвы в город на Волге (без санкции прокурора на арест, без оформления задержания) следователь следственного управления УВД Горьковского облисполкома А. А. Киреев, старший оперуполномоченный ГУБХСС МВД СССР А. Г. Горелов и старший оперуполномоченный УБХСС Горьковского облисполкома С. С. Харламов.

Между тем при обыске не обнаружилось ничего компрометирующего, то есть не было обстоятельств, которые бы диктовали решительные и неотложные меры задержания. Зная в общих чертах законы, Леонова полагала, что утром ее выпустят и она потребует публичного извинения. Но шли вторые, третьи сутки, а прокурор не приходил и не вызывал. Наконец, ее вывели из камеры и дали расписаться в постановлении об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей.

Эту меру (по смыслу статьи 89 УПК РСФСР) применяют для предотвращения дальнейшей преступной деятельности или когда есть опасения, что обвиняемый скроется от следствия или воспрепятствует «установлению истины». Во всех остальных случаях получают подписку о явке по первому вызову, обязанности сообщить о перемене места жительства...

На ход «установления истины» Лидия Ивановна влиять не могла, ибо единственным источником ее, как считал прокурор, была жительница города Дзержинска Горьковской области директор горплодоовощторга Н. А. Макарьева. После того, как ее арестовали, она сообщила, что брала взятки, а однажды (по просьбе ответственной сотрудницы «Горькийплодовощхоза» А. В. Киселевой) передала Леоновой тысячу рублей за выделение сверхфондовой продукции.

Увы, есть в Уголовно-процессуальном кодексе статья, которая разрешает заключать под стражу «по мотивам лишь одной опасности преступления» и указывает более семидесяти таких случаев, в их ряду и получение взятки. Так что по навету, по недоразумению сегодня в принципе можно любого водворить в камеру и захлопнуть за ним кованую дверь с глазком посредине.

В таких обстоятельствах нелепость (выразимся возможно мягче) на этом не кончается, а начинает как бы самоутверждаться. Теперь первейшей заботой следователя и прокурора становится не поиск истины, но добыча доказательств правомерности моральных унижений, причиняемых арестованному, иначе им самим несдобровать. Так что водворение в ИВС (изолятор временного содержания) Леоновой и трех свидетелей-обвиняемых было прежде всего способом получения желаемых показаний. Иначе зачем бы их держать там неделями, если закон разрешает всего трое суток, к тому же условия содержания, описанные Леоновой,— отнюдь не преувеличение?

В печати подобное иногда называют «незаконным воздействием на обвиняемого», ведь «комфорт» ИВС влияет (да еще как!) на человека, особенно впервые попавшего туда. Он безошибочно подействовал и на Макарьеву, Киселеву, Бройловскую, имевших отношение к «делу Леоновой», показания которых в конце концов оказались вздором. Отмечу такую деталь: когда Лидию Ивановну перевезли в следственный изолятор, в ее личном деле в разделе «словесный портрет» записали: «волосы седые». Шли девятнадцатые сутки...

Но вернемся к письму Леоновой:

«Я обращалась с многочисленными жалобами и заявлениями к прокурору области, прокурору РСФСР и СССР, но ответы получала лишь от заместителя прокурора Горьковской области Л. Г. Видонова и прокурора следственного управления Г. А. Шутовой».

В соответствии с нормами нынешнего УПК и Положения о порядке содержания временно задержанных лиц любое послание, кому бы оно ни было адресовано, приходит к следователю. Исключение составляют жалобы на имя прокурора, которые следователь должен препроводить по назначению. Но что толку в жалобе на имя прокурора, если он сам в ответе за санкционированный арест? О том, насколько бывает сильна «круговая порука», можно судить по эпизоду, происшедшему в начале расследования.

Уголовное преследование Н. А. Макарьевой за передачу взяток было первоначально прекращено: она якобы добровольно сообщила о преступлении. Однако заместитель прокурора области Л. Г. Видонов через пару недель санкционировал документ, где указывалось, что никакого добровольного сообщения о даче взятки не было — «явка с повинной» сделана после интенсивных допросов, когда женщина была уже под стражей. Кроме того, говорилось в документе, Макарьева передала взятку не от себя лично, а посредник не освобождается от ответственности, даже если добровольно сообщит о случившемся. Так возникла ситуация, когда надо предъявлять обвинение в посредничестве, за которое грозит наказание до пятнадцати лет. Как поведет себя в новых обстоятельствах Макарьева, главная свидетельница против Леоновой? Это никому не известно, и тогда Л. Г. Видонов, памятуя, что санкция на арест Леоновой дана им, подписывает новое постановление. И на сей раз указывает, что Макарьева правильно освобождена от уголовной ответственности, так что быть ей свидетелем по делу Леоновой.

Не берусь гадать, как прокурор объяснил подчиненным поворот на сто восемьдесят градусов— «пользой дела», «требованием текущего момента»,— но пагубные последствия его решения очевидны: ведь еще тогда, в апреле 1986 года, истина могла бы восторжествовать.

Между тем Лидию Ивановну продолжали допрашивать.

«Генерал Панкин В. К.,— пишет она,— начальник УВД Горьковского облисполкома, Сибирев П. И.— начальник УБХСС, Комаров В. И.— заместитель начальника Следственного управления — понуждали дать показания против руководства министерства. Объясняли и чертили «ростовскую схему», убеждали, что я должна помочь «раскрутить» подобную схему по Минплодовощхозу... Как бы между прочим сообщали, что муж меня бросит, его собираются уволить со службы. Моя старенькая мама умирает от горя, которое я ей причинила. Имеются данные, что я имела любовников, об этом станет известно всем, в том числе и мужу. Но если я напишу явку с повинной...»

Непонимание Лидией Ивановной «собственной выгоды», как говорили следователи, несколько их разочаровывало. Громкого дела не получалось. Ни вширь, ни ввысь оно не шло. Смущало не только упорство Леоновой, не все ладно было и с вопросом — за что же она получала взятки? Поэтому на всякий случай Лидии Ивановне предъявили обвинение в... мошенничестве: симулировала, мол, вегето-сосудистую дистонию, обострение хронического холецистита, острого трахеита и получила по трем больничным листам, выданным двумя врачами, 341 рубль 53 копейки.

«В конце следствия,— пишет Лидия Ивановна,— я, наконец, встретилась с прокурором Шутовой, которая была старшей следственной группы. Изложила ей все, что накопилось на душе. В ответ она утешила: «Не расстраивайтесь, от сумы и от тюрьмы не отказываются...».

На исходе был сто девяносто четвертый день пребывания в изоляторе.

СУД И ДЕЛО

В Горьковском областном суде на первом процессе Леоновой было воздано сполна. Даже несмотря на то, что прокурор в суде отказался от обвинения в незаконном получении пособия по временной нетрудоспособности, ее осудили и за это! В совокупности пять лет лишения свободы с конфискацией имущества, запрещением занимать должности, связанные с распорядительными функциями, еще на пять лет.

Когда зачитывалось решение суда, шел двести двадцать восьмой день неволи.

С приговором многие были не согласны. Но аргументированную жалобу на приговор суда нельзя составить, не прочитав протокол судебного заседания, он зеркало процесса. Там показания свидетелей, объяснения подсудимых, ответы экспертов и т. д. Увы, документ этот вызывает сегодня массу нареканий. Поскольку возможности обычного способа записи разговорной речи (пером на бумаге) весьма ограничены, то неизбежен отбор — «важно» или «не очень». Его делает, как правило, девушка за секретарским столиком, не имеющая ни специальной подготовки, ни жизненного опыта. Посадить на столь важное место стенографистку, не говоря уже о человеке с юридическим образованием, невозможно из-за низких окладов технических работников судов. В результате протокол не более чем вольное изложение всего услышанного секретарем.

Однако это еще не все. В законе говорится, что протокол «должен быть изготовлен и подписан не позднее, чем через трое суток». Выражение «изготовлен» некоторые судьи толкуют не мудрствуя лукаво: подгоняют содержание показаний под приговор. Противостоять подобному произволу осужденный и его защитник практически не в состоянии. Можно письменно указать на пробелы, искажения, неточности, но замечания эти только тогда станут частью протокола, когда их утвердят. В нашем случае замечания, поданные защитником Р. Г. Штукатуровой, суд отклонил все до единого.

Выходит, одно из двух: либо адвокат на пяти машинописных листах изложил отсебятину, либо судья и секретарь исказили то, что прозвучало в суде, а протокол если и зеркало, то кривое. Расставить точки над «i» по делу Леоновой было нетрудно: защитник имел магнитофонную запись процесса. Однако его не вызвали на заседание, где рассматривались замечания на протокол, сам же он являться без вызова не вправе.

Более двадцати лет назад в Уголовно-процессуальный кодекс было введено правило, согласно которому наряду с протоколом суд может пользоваться звукозаписью. Однако в областных и городских судах эта техника применяется в исключительных случаях. И давно поговаривают, что дело не в ограниченной материальной базе, а в «неуправляемости» магнитофонной записи и трудностях, возникающих при «изготовлении» протокола.

По жалобам осужденных и их защитников судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 16 января 1987 года отменила приговор и дело передала на новое рассмотрение в тот же суд, но из-под стражи Леонову и двух других женщин не освободили. Минули триста первые сутки...

Через два с половиной месяца состоялось повторное разбирательство под председательством В. И. Васякина. До 10 апреля все шло, как и на первом суде. Макарьева по-прежнему заявляла, что, получив от Киселевой сумму в 1000 рублей, передала их Леоновой в коридоре министерства. Правда, была уличена в несуразностях. Не узнала на фотографии фасад здания министерства, не могла объяснить, для чего передавала взятку, ибо Леонова по своему должностному положению при всем желании услуг оказать не могла.

В тот день адвокат Р. Г. Штукатурова заявила ходатайство: просила приобщить к делу фотографии, а также огласить и приобщить письмо Попова Германа Михайловича. Оно, как утверждал защитник, поможет дать правильную оценку показаниям Макарьевой. Германа Михайловича знали в городе. Это по его инициативе была построена одна из лучших в республике овощная база. Он был депутатом городского Совета. Его также оговорила Макарьева. Вернувшись домой после очередного допроса, он покончил жизнь самоубийством. Теперь, когда развеяны какие бы то ни было подозрения относительно имени покойного, можно предать гласности ту часть предсмертного письма, которую зачитал адвокат:

«Родные мои и горячо любимые, простите меня, что покидаю вас, но нет больше сил бороться за жизнь. Пусть будет проклята эта работа и трижды — с... Макарьева. Всего, чего она наговорила, не хватит и на остаток моей жизни. Доченька, прости, что не сдержал данного тебе слова. Всю жизнь я прожил честно. Береги маму, Андрея...

Еще раз простите, прощайте, похороните в ограде матери.

Герман Попов 13.00. 7.04.86 г.».

Печальная судьба трагически ушедшего из жизни человека заслуживает отдельного разговора. А написал я о нем потому, что образ Германа Михайловича активно жил в тот день в судебном процессе. Женщины вытирали слезы, прокурор говорил, что на копии письма нет печати... Суд все же приобщил документ к делу, и председательствующий после некоторого замешательства объявил перерыв до понедельника.

13 апреля разбирательство шло обычным порядком, допрашивали свидетелей, когда вдруг поднялась Макарьева и глухо произнесла: «Хочу дать искренние показания...»

Председательствующий вскинул брови и сказал, что суд внимательно ее слушает.

Женщина стала рассказывать, как сидела в одиночной камере, как следователь Киреев уговаривал дать показания на Киселеву и на кого-нибудь из работников министерства. Леонову она видела на одном из совещаний, поэтому и назвала ее...

Судья и прокурор спрашивали, почему не призналась во лжи раньше, хотя бы в прошлую пятницу. Макарьева отвечала, что верила обещаниям, а тут ночь не спала, и теперь — пусть будет что будет. Обернувшись к Леоновой, произнесла: «Простите меня».

А через десять дней, когда были допрошены свидетели и оглашены документы, прокурор Е. В. Годухин заявил, что имеет ходатайство. Он пространно говорил о фондах, плановых и неплановых поставках, о том, что выводы ревизора у него вызывают сомнение и он считает необходимым проведение планово-экономической экспертизы, а для этого просит возвратить дело на дополнительное расследование.

Защитники недоумевали: обвинение в передаче взяток практически отпало, поэтому были нарушения в поставках или нет — теперь не имело значения. А уж если экспертиза, ее надо проводить в суде, по этому поводу были неоднократные указания... Тем не менее заключительная фраза прокурора вызвала оживление среди подсудимых: «освободить из-под стражи»...

Закончился четыреста четвертый день нелепого и унизительного заточения. Впереди намечалось новое следствие.

Закон установил двухмесячный, в особо сложных случаях — шестимесячный, в исключительных — девятимесячный срок расследования. Почему бы не ввести и такое правило — коль следственные органы исчерпали свои возможности, разрешать доследование лишь в случаях, специально оговоренных законом? Например, обнаружилось новое преступление или обстоятельства, свидетельствующие о более тяжкой вине. Но тогда, когда обвинение не подтвердилось, давать следствию шанс (просто помогать избежать ответственности за ошибку) — это, на мой взгляд, безнравственно.

Отказ от оправдательного приговора обкрадывает общество и в прямом смысле. В двух процессах по «делу Леоновой» допросили около полутораста свидетелей. При доследовании многих из них нужно передопрашивать, затем в суде снова повторять допрос. Громоздкая и дорогая процедура! Плюс зарплата прокурорским чинам, которые будут заниматься доследованием. Все это выливается в сумму, которая далеко не безразлична народу.

И еще. Определение о доследовании нельзя обжаловать. Прокурор может опротестовать, а подсудимый и защитник нет. Но как же состязательность, равенство сторон? Дело тут не только в отстаивании абстрактных принципов,— лишение возможности обжаловать доследование снижает порог охраны граждан от противозаконных посягательств.

Тягостная неопределенность, ограничение свободы в виде подписки о невыезде тянулись еще полгода. А потом, как и следовало ожидать, сообщение: дело прекращено «на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР (за отсутствием состава преступления)».

Юрист и тот, кто пробыл более года в учреждении, где держат людей под стражей, поймут смысл написанного в официальной бумаге. Но гораздо важнее, чтоб знали об этом близкие, дети, товарищи по работе. И если уж публичное провозглашение невиновности именем республики не состоялось, то пусть запоздалое сожаление, извинения за страдания, за вычеркнутый из жизни год должны были бы в уведомлении прокуратуры Горьковской области прозвучать, но там, кроме «состава преступления» и «УПК» ничего. А ведь могла, обязана донести официальная бумага простые человеческие слова: «Уважаемая Лидия Ивановна, тщательная проверка установила полную вашу невиновность... Выражаем сожаление и приносим свои...»

В начале расследования по информационному письму следователя А. А. Киреева Лидию Ивановну исключили из партии. Почему бы теперь не сообщить в партийную организацию о драматическом недоразумении с коммунистом? Увы, это не просто досадное упущение. Стиль. По поручению редакции мне довелось беседовать с заместителем областного прокурора Леонидом Георгиевичем Видоновым. Это он «превращал» Макарьеву из свидетеля в обвиняемую, а потом обратно в свидетеля. Леонид Георгиевич охотно рассуждал о трудностях и проблемах следствия в нынешнее время. Но едва заходила речь о Лидии Ивановне, лицо его становилось отчужденным. Или выражало досаду, легкую тревогу. Не за тех, кто страдал, а за ведомство, за тех, кому могут грозить неприятности...

ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ

Так мы назвали наш блиц-конкурс, который продолжался всего три недели и тем не менее собрал 4408 открыток от болельщиков со всех концов страны.

«Наконец-то «Огонек» принял демократичное и мудрое решение — объявил читательский конкурс. Конечно, мы, болельщики, доверяли и специалистам, с которыми советовалась редакция, и вкусам огоньковцев,— видимо, за ними было всегда последнее слово, но все равно, каждый раз думалось: есть здесь элемент субъективизма. А вот такой всесоюзный совет с футбольными болельщиками — он объективен. И в духе сегодняшнего времени. Всем миром мы действительно выберем самого лучшего вратаря сезона. А. П. Котлов, Донецк».

Должны честно сказать: не только время виновато в том, что редакция объявила этот конкурс. В конце футбольного сезона, глядя на неуверенную игру наших голкиперов, мы несколько растерялись. Может быть, в этом году приз вообще никому не вручать?

«Правильно, вручение приза в сезоне-87 было бы его прямой девальвацией. Все вратари играли с ошибками, повлиявшими на результат матча. А за прошлые заслуги этот приз не вручают. М. Кузьмин, Москва».

Открыток, поддерживающих это предложение, пришло мало, всего пятьдесят семь. Футбольные болельщики категорически настаивали на том, чтобы «любимый, традиционный, очень престижный приз «Огонька» лучшему вратарю и в 1987 году нашел своего лауреата», как написал нам А. Калугин из Перми. Среди тех, кого болельщики называли среди лучших: Андрей Сацункевич из минского «Динамо», Дмитрий Харин («Торпедо», Москва), Виктор Чанов («Динамо», Киев), Михаил Бирюков («Зенит», Ленинград).

И все же...

«Нас просто удивил «Огонек»! Он не может определить лучшего вратаря сезона? А кто уверенно отыграл все матчи в составе сборной страны? Кто спокойно, четко стоял в воротах весь чемпионат, и во многом благодаря его мастерству клуб занял первое место? Какие могут быть сомнения? Ринат Дасаев! Двадцать футбольных болельщиков, Иваново».

«Голосую за Р. Дасаева. Он безупречно провел все игры в этом году. Осечку в матче с «Вердером» можно оправдать усталостью после тяжелейшего сезона. Г. Гутов, Валмиера, Латвийская ССР».

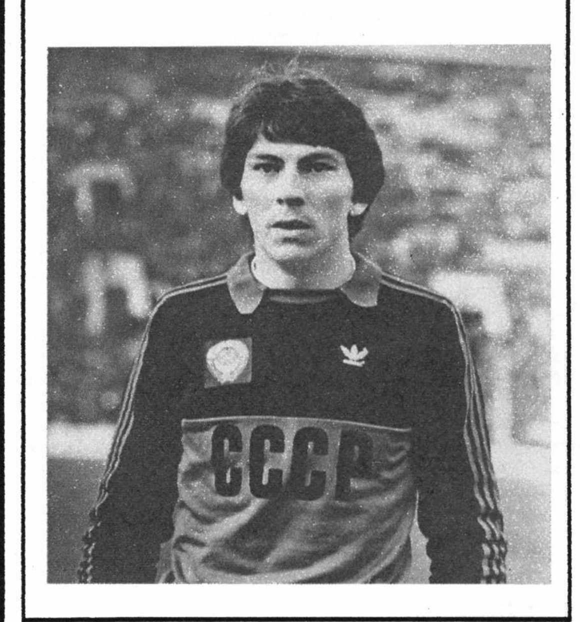
«Без всяких сомнений, лучший вратарь сезона — Ринат Дасаев! Л. Колобаева, Московская область».

Из 4408 человек, откликнувшихся на наш конкурс, за Рината Дасаева проголосовал 3261 читатель (для сравнения: ближайший преследователь Дмитрий Харин набрал 326 голосов).

Итак,

РИНАТ ДАСАЕВ — ЛАУРЕАТ ПРИЗА «ОГОНЬКА» ЛУЧШЕМУ ВРАТАРЮ!

Поздравляем!

Сергей БОБКОВ

ОТ МОНМАРТРА ДО СПАС-ЗАГОРЬЯ

Вера и Виктор (Велимир) с родителями Екатериной Николаевной и Владимиром Алексеевичем Хлебниковыми. Казань, 1902 г.

Вера Владимировна Хлебникова принадлежит к числу русских советских художников, как бы заново открываемых в наши дни. Еще недавно само имя Хлебниковой было известно лишь в узком кругу искусствоведов; «Забытый художник» — так называлась одна из самых ранних, посвященных ее творчеству статей.

Она была скорее художником, до поры до времени незнаемым, признанным, но не узнанным при жизни.

«Хотелось бы найти какой-то новый путь для передачи зримой красоты, новые средства воплощения и хотелось, более того, понять, кто я в искусстве, что мне дано...»— признавалась В. Хлебникова в автобиографических записках.

Становление мастерства Веры Хлебниковой протекало в предоктябрьское десятилетие. Жизнь ее — это пример творческой самоотдачи, горения души, самозабвенного служения искусству. Исключительная — до аскетизма — внутренняя самодисциплина, духовный максимализм, профессиональная честность Хлебниковой, преступить которую она не могла ни под каким видом, отмечались многими современниками, знавшими ее.

Хлебникова, естественно, не прошла мимо опыта художников старших поколений. Ей был близок «весь нестеровский нежный пастушечий мир», привлекала изысканная контрастность цвета в декоративных стилизациях А. Головина. Влияние колоризма М. Врубеля прослеживается в ряде работ художницы десятых — двадцатых годов. О пристальном внимании к новейшим живописным тенденциям (вплоть до кубизма) говорят — не слишком, правда, открыто— некоторые композиции парижского и итальянского периодов. Однако Хлебникова ни разу, хотя бы и чисто формально, не связала себя с той или иной художественной группировкой, активно заявлявшей свои эстетические позиции: по своему душевному складу Вера Владимировна была принципиально чужда декларативности.

Творческая жизнь Хлебниковой продолжалась около трех с половиной десятилетий. После детских лет «спокойного изобразительства», когда обнаружилось ее незаурядное художественное дарование и столь же незаурядное трудолюбие, Хлебникова прошла сквозь драматическую пору «болезненных исканий», которую сменило время «нахождения своих гармоний».

В предреволюционный период Хлебникова работала, не чуждаясь символико-фантастической метафористики, что явственно прослеживается в живописи — прежде всего в аллегорической вариации на вечную тему трагического противостояния жизни и смерти «Старое и молодое» (1916—1917) и в картине «Танец» (другое название «Путь художника», 1916—1917). Позже, во второй половине творческого пути, преобладает строго реалистическая манера — в портретном рисунке и натюрморте, в обращении к жанру пейзажа, когда, замечал в воспоминаниях П. Митурич—ее муж, художница «в настоящем благословляла природу, которая открывала ей свое будущее лицо».

Своеобычным «дневником души» Веры Хлебниковой стали ее «Автобиографические записки» 20-х годов, посвященные отрочеству и юности, первым шагам в искусстве. Это фрагментарный рассказ, состоящий из воспоминаний и размышлений, с вкраплениями мелких бытовых подробностей, портретных зарисовок, то реалистически точных, а то гротескных, при общей возвышенно-романтической интонации. Хлебникова обладала несомненными литературными способностями — всю жизнь она писала стихи. На листках с ее эскизами встречаются стихотворные строчки, небольшие поэтические импровизации. Рассказ Хлебниковой «Царь Тиф» был напечатан в Астрахани в 1921 году. Сохранились также краткие заметки об исторической роли портрета в живописи (на материале искусства Возрождения) и наброски о «поэте бунта» Степане Разине. Немаловажное историко-литературное значение имеют и воспоминания о брате — В. Хлебникове, вошедшие в маленький посмертный сборник его стихов, изданный в Москве в 1923 году, и содержащие один из самых психологически достоверных портретов поэта-мыслителя.

Вера Владимировна Хлебникова родилась 20 марта (1 апреля) 1891 года недалеко от Астрахани, в семье Владимира Алексеевича Хлебникова (1857—1935) — орнитолога, лесовода, специалиста по сельскому хозяйству и краеведа, действительного и почетного члена научных обществ, одного из организаторов и директора первого при Советской власти и знаменитого ныне Астраханского заповедника, созданного в 1919 году при содействии В. И. Ленина.

Мать Хлебниковой, Екатерина Николаевна (урожденная Вербицкая), историк по образованию, приходилась двоюродной сестрой выдающемуся революционеру-народовольцу Александру Дмитриевичу Михайлову, осужденному в 1882 году по «процессу двадцати» и скончавшемуся в заточении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. В юности была связана с народническими кругами, близко знала Веру Фигнер и других революционеров. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов Е. Н. Хлебникова, окончив фельдшерские курсы, ухаживала за ранеными.

В семье росло пятеро детей, и все они воспитывались в атмосфере уважения к традициям русской демократической интеллигенции. Отец приобщал их к научному познанию природы, а влюбленная в музыку, свободно владеющая английским, французским и немецким языками мать способствовала их гуманитарному развитию. Кумирами Е. Н. Хлебниковой были Бетховен, Рафаэль, Леонардо да Винчи.

Отец Веры постоянно делал этнографические и орнитологические зарисовки. Тем же увлекались и братья. Словом, многое располагало к тому, чтобы «пробежала искра», чтобы одаренность Веры рано выявилась и ее склонность к рисованию превратилась в настоящую страсть.

В связи со служебными перемещениями Владимира Алексеевича Хлебниковы жили на Волыни, а затем в Симбирской губернии. В 1898 году семья переехала в Казань, где Вера поступила в Мариинскую женскую гимназию.

В своих воспоминаниях возвращалась Хлебникова в царство детства: «В больших мертвых классах с забеленными окнами вдруг жутко стало после зеленого ландышевого леса, земляничного, летнего, такого встречного, такого улыбающегося». Все чаще на уроках раздавалось: «Хлебникова, где вы, в облаках?» В ответ неизменно звучало спокойное: «Я рисую».

В сентябре 1905 года Хлебникова сдала экзамены в Казанскую художественную школу и была принята вольнослушательницей в головной контурный класс. Сбылась мечта, и «...в душу вливается какая-то растущая радость: краски, палитра, кисти... Этюды огромные, бесстрашными мазками. Краски на носу, на щеках, на руках, башмаках...».

Не только «бесстрашной» живописью в школьном классе ознаменован революционный 1905 год для юной Хлебниковой. Социальное властно вторгалось в личное, в какой-то мере побуждая юную художницу к нравственным оценкам происходящих событий. Вместе с Виктором, который вновь, после месяца тюрьмы за причастность к студенческим волнениям 1903 года, был зачислен в студенты Казанского университета, четырнадцатилетняя Вера посещала революционные собрания, участвовала в манифестациях и расклеивала по городу антиправительственные прокламации, а однажды на похоронах убитого демонстранта несла красное знамя с боевым лозунгом. Позже эти дни соединятся — по символической параболе — в сознании Хлебниковой с другой, еще более тревожной и прекрасной порой — когда, откликаясь на события 1917 года, она будет рисовать поверженного двуглавого орла.

Критично оценивая свои занятия живописью, она понимала, что нуждается в серьезной профессиональной поддержке, в оценке работы — пусть категорически строгой, но внушающей доверие. «На холсте какие-то бессвязные бои красок и очертаний, похожесть не радует, а кругом нет никого, кто бы сказал...»

Вера остро ощущала отсутствие Велимира, друга и заинтересованного советчика по вопросам искусства. Автора «Ладомира» и «Зангези» и художника Веру Хлебникову с детства связывали не только родственные узы, их объединяло нечто еще более значительное — поистине полное взаимопонимание. Отзвуки этой общности слышатся, в частности, в письмах поэта. «Если я пишу сегодня так свободно,— обращался в 1921 году Велимир к сестре,— то мой слог разбужен лучами твоего письма».

Подлинную оценку работы Хлебникова, казалось бы, могла получить в Москве в частной художественной школе К. Ф. Юона и И. О. Дудина («Студия Юона»), где она начала заниматься в 1910 году. Однако досадное обстоятельство — не удалось вовремя внести плату за обучение — помешало тому.

Поэт настойчиво звал сестру в Петербург, куда она и переехала в 1910 году заниматься живописью в школе

РУСАЛКИ.
1916.

В. В. ХЛЕБНИКОВА.
1891—1941.

ГОЛОВА
ПРОРОКА.
1915.

Общества поощрения художеств в классе профессора Академии художеств Я. Ф. Ционглинского.

В начале столетия у Яна Ционглинского обучались одаренные художники В. Матвей (В. Марков), П. Львов, А. Яковлев, Т. Луговская, а также М. Матюшин и Е. Гуро. Матюшин вспоминал, что, пейзажист и портретист по преимуществу, Ционглинский в Париже примыкал к импрессионистам и вернулся в Россию сильным и своеобразным художником, что, обладая превосходными качествами учителя, он в то же время враждебно относился к какой бы то ни было попытке идти по другому, не импрессионистскому пути.

С первых дней пребывания Хлебниковой в мастерской Ционглинского ее работы — в центре внимания и профессора, и соучеников. Хлебникову забрасывали вопросами: «Откуда эти такие необыкновенные приемы?» Трудно было объяснить, что это — свое...

В Петербурге Хлебникова с упоением начала писать первую большую картину. «...если бы только можно было, я, верно, стала бы работать сразу двумя руками»,— вспоминала она.

Серьезное ухудшение здоровья («горячечная работа» довела до того, что «руки не могли владеть карандашом или кистью») вынудило, как ни горько было, оставить картину, оставить студию и отправиться к родным в село Алферово Симбирской губернии.

Яркой жизненной полосой прошли для Хлебниковой весенние и летние месяцы 1911 года, проведенные вдали от «угрюмой столицы», в старинной помещичьей усадьбе с запущенным парком. Слияние с природой быстро восстановило утраченные силы. Хлебникова опять у мольберта, точнее, у полотна, подвешенного к ветхой стене амбара на картофельном поле. По воле судьбы последний пленэрный этюд Хлебниковой будет тоже связан с картофельным полем, но полем осенним...

Об алферовском быте молодых Хлебниковых Вера вспоминала: «В щелястом сарае водворился брат Витя с огромным мешком рукописей». Он «читал отрывки новых вещей... но это продолжалось недолго: деревенские курильщики проведали о таких несметных бумажных богатствах... и однажды ночью был взломан замок

и похищен весь мешок с рукописями».

На рисунке Хлебниковой, выполненном в Алферове и названном «Велимир в мордовской шапке», поэт предстает не просто в состоянии мимолетного раздумья, к возможной случайности которого, кстати, удачно отсылает декоративная деталь — часть мордовского национального (женского!) костюма, здесь состояние выражает сущность образа, глубину и напряжение внутренней его жизни. Рисунок не кажется недоработанным, хотя и не вполне закончен. Наоборот, сегодня в незавершенности портрета видится что-то обдуманное, преднамеренное. Портрет относится к лучшим прижизненным изображениям Велимира Хлебникова.

Общаясь с братом, который предполагал, в частности, привлечь ее к оформлению сборника его произведений, зная лично окружающих поэта радикально настроенных представителей литературно-художественной интеллигенции, Вера Хлебникова чувствовала «странную ломку миров живописных», предвещавшую, мнилось, «свободу, освобождение от цепей» всего застарелого, косного в искусстве и происходившую в атмосфере яростной борьбы вокруг новых направлений в живописи.

Дух искусства того времени ярко выражен в поэзии Велимира Хлебникова:

Горы полотен могучих стояли
по стенам
Кругами, углами и кольцами
Светились они; черный ворон
блестел синим клюва углом.
Тяжко и мрачно багровые и рядом
зеленые висели холсты.
Другие ходили буграми,
как черные овцы,
волнуясь своей поверхностью
шероховатой, неровной,
В них блестели кусочки зеркал
и железа.
Краску запекшейся крови
Кисть отлагала холмами,
оспой цветною.
То была выставка приемов
и способов
письма
И трудолюбия уроки.

Желание разобраться в характере новых художественных тенденций в европейском искусстве, а также и в смысле своих собственных исканий, предопределило отъезд Хлебниковой за границу.

В середине 1912 года Хлебникова приехала в Париж и поступила в академию Витти (академиями было принято называть частные художественные студии).

Профессором академии был Кес Ван Донген, живописец, гражданин «республики Монмартр». Он первым из авторитетных профессионалов по достоинству оценил талант Хлебниковой. Года два серьезной работы, предвещал Ван Донген, и она будет среди первых художников Парижа.

За короткое время общения с Ван Донгеном художница испытала воздействие его живописной манеры, от которой взяла все, кроме яркости тонов,— и широкий свободный мазок, и твердый, уверенный удар кистью.

Отношение Хлебниковой к Ван Донгену-живописцу было одновременно и уважительным, и критичным. Художница говорила, что его совет «всегда впопад». С другой стороны, Хлебникову настораживали в творчестве Ван Донгена зависимость от диктата моды, «деморализация рынком». Хлебниковой, регулярно бывавшей у Ван Донгена в Бато-Лавуар, больше нравились его ранние вещи, о чем она высказывалась открыто. И эту прямоту ее особенно ценил Ван Донген.

Как бы то ни было, занятия с выдающимся живописцем, дружба с ним принесли Хлебниковой существенный с точки зрения школы опыт, обогатили ее палитру. В воспоминаниях о Вере Хлебниковой П. В. Митурич упоминает о том, что Ван Донген писал Веру Владимировну, но где находится сегодня этот портрет, а также работы самой Хлебниковой, подаренные ею французскому художнику, пока неизвестно...

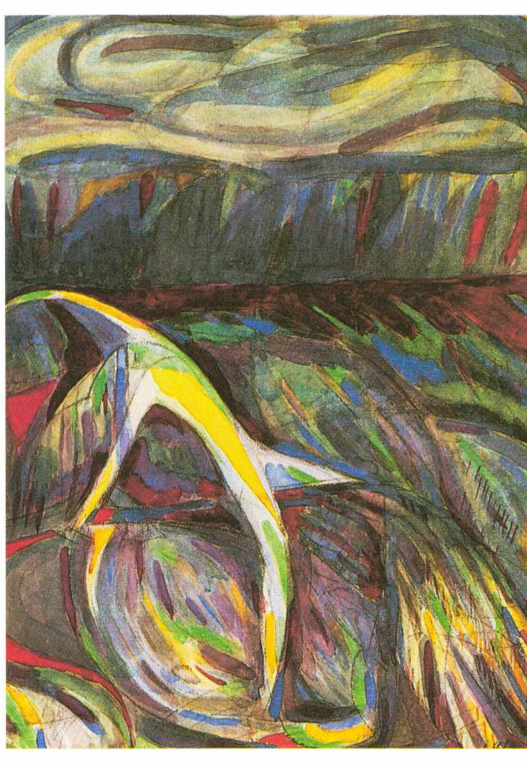

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «ЛЕСНАЯ ТОСКА». В. ХЛЕБНИКОВА. 1920—1922.

МОСКВА. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. 1937.

Пестрый, бурный до хаотичности предвоенный Париж, тысяча и один соблазн «столицы мира», нравы богемы, борьба и консолидация художественных течений и группировок — все это мало занимало молодую художницу.

Всецело поглощенная профессиональными проблемами, Хлебникова прошла мимо искушений Парижа. «Жизнь в мастерской до 14 часов в день меня захватывает всю, так что у меня только такие промежутки времени, что хочется только лежать, вытянувшись, без движения, от полного упадка сил,— писала Хлебникова.— Но это не усердие, не упорство. Эти часы в мастерской проходят без всякого надрыва, насилия над собой. Но и только: мастерская, живопись... А есть другая жизнь, но я хочу пройти мимо... мимо духа Парижа. Я б хотела, я должна оставаться такой, какой уехала из старого Алферовского парка. Парка, где весной не знаешь, от цветущих ли вишен стелются легкие туманы или из серебристо-розового тумана зацветает белой песней вишенник...»

Художница постоянно нуждалась. Отказывала себе во всем жизненно необходимом для покупки холстов и

красок. Хлебникова решительно не принимала предложений о продаже картин, но щедро раздаривала свою живопись коллегам, ценившим ее опыты.

В период «душевно-мученической» жизни в Париже художница старалась «контролировать свое чувство мира по самым высоким достижениям современной живописи», которую изучала во Франции. И работа Хлебниковой в Италии, куда она уехала весной 1913 года, не пошла бы так творчески успешно, не будь в судьбе художника «проверки Парижем».

Симптоматична фраза из письма Веры Владимировны: «В Италию я еду вовсе не забавляться или как любительница приключений, я там буду долго, может быть, всю зиму тоже работать в мастерской. Я так хочу солнца...»

Воздух, то сотканный из солнечных лучей, то высеребренный неверным, скользящим лунным светом, морские дали, поэзия южного ландшафта с древними городами, селениями, полями и горами, где воистину «камень — импрессионистский дневник погоды» и он же, по тонкой метафоре Осипа Мандельштама,— «аладдинова лампа, проницающая геологический сумрак будущих времен», отзвуки и следы античной культуры и, наконец, шедевры старых мастеров средневековья и Ренессанса — все увиденное и познанное Хлебниковой за годы в Италии способствовало органичному соединению таланта и мастерства.

«На юге все наши чувства обостряются, рука делается подвижнее, глаз острее, мозг проницательнее»,— отмечал Ван Гог. Подобную проницательность ума, пристальность глазомера, обострение всех чувств перед лицом природы, упоение натурой демонстрируют работы, созданные Хлебниковой в Италии.

Небольшой по размерам холст Хлебниковой — четырехчастная композиция на тему «Древа жизни» — своеобразное «окно» в область духовно-эстетических представлений молодого художника. Художник, импровизируя на тему образов раннего Возрождения, вкладывает в картину свою символику — четыре взаимодополняющих сюжета как бы говорят о прошлом, настоящем и будущем временах. Что такое сюжеты в нижней части картины, как не «предчувствие грозящих миру «герник»? Как много параллелей вызывает в памяти это обращение к вечным понятиям!

Не обошла художница и карнавальные мотивы, традиционные для итальянской тематики.

И тем не менее при взгляде на «карнавальные» акварели рождается ощущение какой-то безотрадности, окрашивающей уличный праздник; линия утрачивает плавность, делается ломкой, фон тускнеет. Чувствуется, что неясные, но тоскливые предощущения грядущих времен, столкновения идеальных надежд с силой реальности отягощают душу художницы накануне первой мировой войны.

В Италии она находилась до середины 1916 года, лишь однажды совершив двухмесячное путешествие в Швейцарию. Бывала наездами в Риме, Венеции, Неаполе, на острове Капри, а жила главным образом во Флоренции, продолжая изучение классического искусства, много копируя в галерее Уффици («по-своему!» — как она отзывалась об этой работе). Действительно, Хлебникова не копировала, а скорее делала оригинальные работы по мотивам произведений старых мастеров.

Поначалу Хлебникова собиралась заниматься во флорентийской Академии художеств. Но при поступлении туда у нее возник конфликт с профессором-экзаменатором, причиной которого послужили ее художнические убеждения, цельность ее творческой натуры. «Вера делала попытку поступить в Академию,— рассказывает П. Митурич, муж Хлебниковой, тоже художник.— Сначала она начала писать красками модель. Молодежь, коллеги с большим интересом следили за ее работой, профессора дико пожимали плечами и не желали даже обсуждать работу, находя ее совершенно неприемлемой.

Тогда Вера объяснила свою работу тем, что очень холодно писать — замерзают руки. Распорядились поставить около нее грелку. Вера оставила краски и сделала этюд карандашом в духе классического рисунка. Профессор был доволен и заявил, что, наверное, она пошутила в предыдущей работе, так как может совсем иначе рисовать. Вера на это ответила, что он ошибается, и как раз наоборот, последний рисунок является ее шуткой, а та работа была настоящим ее искусством, но так как их воззрения слишком расходятся, то она отказывается от поступления в Академию».

Жизнь за границей обострила чувство родины, России. Вера Хлебникова с негодованием отзывалась о тех встречавшихся ей в Италии соотечественниках, которые «кривляются, кичатся культурой, не понимая, что это у них жалко и смешно. В Прекрасной России они жить не могут, т. к. она для них слишком не культурна! и я их порой ненавижу за это!».

В разгар первой мировой войны окольным путем, через Лондон, с большими трудностями и дорожными мытарствами Хлебникова возвращается на родину, оставив у друзей во Флоренции почти все работы, созданные за годы «голодного служения живописи». С собой она захватила лишь небольшие холсты, уместившиеся на дне чемодана. Последнее известие об оставшихся во Флоренции картинах содержалось в письме от 10 ноября 1923 года: «Милейшая синьорина, с таким удовольствием мы получили Ваше дорогое письмо... Что касается картин, они у нас, и, как обещали, храним их и они всегда в Вашем распоряжении... Ваша Адель Ранфаньи». При фашистской диктатуре переписка прервалась, и дальнейшая судьба картин неизвестна.

В Россию Вера Хлебникова приехала с немалым художественным опытом. Возвращение ознаменовано резким переломом в творчестве. Не «зримая красота», а острое переживание социальных проблем предреволюционного времени становится содержанием ее картин.

В этот период творчества, хронологически совпавший с бурной порой революционного обновления России, Хлебникова, радостно встретив Октябрь, продолжала настойчиво работать.

В 1919 году она создает автопортреты, примечательные высокой духовностью, романтической поэтизацией действительности, исповедальной страстностью.

В суровые годы гражданской войны Астрахань находилась в центре военных действий на юге России. Зачастую не хватало красок — и Хлебникова сама их растирала, негде было достать холст, взять бумагу — и Хлебникова грунтовала листы фанеры... Творчество продолжалось!

Художница включилась в общественную жизнь Астрахани, ставшей советской в 1918 году. Она помещала свои рисунки и карикатуры на злободневные темы в местной газете «Коммунист», преподавала рисование в сельской школе, сотрудничала в Художественном отделе Астраханского губполитпросвета, о чем свидетельствует мандат, выданный 6 ноября 1921 года.

В Астрахани же в январе 1919 года произведения художницы экспонировались на первой выставке местной Общины художников. В подготовке этого дебюта самое деятельное участие принял Велимир Хлебников — он вместе с сестрой отбирал работы, сам отнес их на выставку и представил жюри.

Среди степного раздолья Лебедии, как называли в древности Волжско-Прикаспийский край, у Хлебниковой обострился интерес к Востоку, к национальной культуре, истории и быту калмыков. Художницу привлекала не столько экзотика, сколько возможность передачи особого жизненного ритма, диктующего и ритм изобразительный. Данные в несобытийной, словно случайной ситуации, предельно реальные образы — погонщицы верблюдов в пустыне, фигуры женщин на улице — приобретают значение пластических знаков, фиксирующих особое, эпическое, тысячелетиями складывавшееся у азиатских народов мироощущение.

Заметное место в творческом наследии Веры Хлебниковой занимает книжная графика. Вскоре после трагической кончины Велимира Хлебникова в 1922 году (незадолго до этого пропал без вести на фронте другой брат В. В. Хлебниковой — Александр, командир артиллерийского дивизиона Красной Армии) Вера начала работать над рисунками и циклом акварельных иллюстраций по мотивам его произведений — поэм «Шаман и Венера», «Лесная тоска», «Каменная баба», революционной поэмы «Ночь перед Советами» и пьесы-сказки «Снежимочка». Насколько сильно влияла поэзия Велимира Хлебникова на художников — его современников, можно судить по признанию выдающегося мастера советской графики Н. Н. Купреянова: «Под влиянием его «Зверинца» возник новый критерий художественной конкретности. Его не могли выдержать мои старые работы. Они были схематичны и нереальны. Хлебников учил реализму и непосредственности».

Иллюстрировать поэзию не знавшего «застав во времени» Велимира Хлебникова — задача весьма непростая и по сей день. Здесь мало интуитивного проникновения в мир его творений, мало одной силы воображения. Надо, согласно призыву самого поэта, взять «верный угол сердца» к тому, что он создал. Лишь такая направленность художественного замысла придает глубину общению с идеями и образами замечательного поэта, позволяет художнику стать его интерпретатором. Вера Хлебникова прекрасно чувствовала и ритм хлебниковского слова, и природу хлебниковского образа — особенно образа, восходящего к фольклору, к языческой древнеславянской мифологии (акварельные листы «Русалка», «Ветер», «Вила», «Леший», созданные в 20-е годы). Трепетными видениями «волшебства ночной поры» возникают сказочные персонажи. Крылатая владелица горных колодцев и озер Вила явилась перед маленьким космmatым лешим. Гротескный, предельно «подлинный», если так можно сказать о козлоногой лесной нечисти, облик старичка лешего контрастирует с утонченной красотой Вилы.

Лесные духи, очеловеченные деревья — персонажи сказки Велимира Хлебникова «Снежимочка» — в графике Хлебниковой как бы перекликаются со знаменитыми лесовиками С. Т. Коненкова. Графические образы — будь то мудрый старик Березомир, или Древолюд, или окровавленный Волк на снегу—наделены конкретным, реальным обликом; одновременно эти образы вызывают сложные фольклорные ассоциации. Хлебникова прекрасно чувствовала «цветность» белого листа. В ее графике каждая поверхность имеет свою черно-белую окраску, штрихи и линии ее пера или карандаша придают белому разную звучность.

В дальнейшем Хлебникова работала в области книжной графики совместно с Петром Васильевичем Митуричем.

Живописец и график, теоретик искусства и педагог, изобретатель летательных аппаратов и водяных двигателей, П. В. Митурич был взыскателен и строг в суждениях о собственной работе и творчестве своих коллег. Выражение «чувства мира» путем познания «сложных ритмов и сочетаний» в природе и подчинение их творческой воле человека определяли сущность художественного метода Митурича — «сочетательного», как он его называл. До конца своих дней П. В. Митурич, так же, как Хлебникова, разделял взгляды Велимира Хлебникова, оставался убежденным «будетлянином» — провозвестником идеи о всемирном братстве людей.

Первая встреча художника с Велимиром Хлебниковым произошла в 1916 году в Петрограде, дружеские взаимоотношения установились между ними позднее — зимой 1921/22 года.

Сблизившись с Велимиром Хлебниковым, Митурич деятельно способствовал изданию его произведений, иллюстрировал их, заботился, как мог, о поэте, изнуренном болезнями и суровыми условиями жизни, но продолжавшем работать неустанно и плодотворно. Так, Митурич участвовал в подготовке к печати первого номера «Вестника Велимира Хлебникова» в феврале 1922 года. Первый экземпляр «Вестника» был отослан поэтом в Астрахань Вере Хлебниковой.

В Вере Хлебниковой П. В. Митурич находил черты поразительного сходства с братом: «Та же застенчивость, та же скупость речи... Абсолютная правдивость, постоянная тихая деятельность». Как художник Хлебникова являла для Митурича замечательный пример «параллельного развития чувства пространственных взаимоотношений цвета и формы».

В беглых натюрмортных зарисовках, в акварелях и масляных натюрмортах Хлебниковой обыденные вещи предстают словно бы в нечаянном сочетании, непреднамеренной согласованности (рисунки «Сохнущее белье», «Завтрак», «Натюрморт с чайной посудой», акварели «Сахарница», «Натюрморт с плитой»). Такой «жизненно-случайный» ракурс обеспечивает эффект человеческого присутствия, и то, что обычно звучит для нас невнятно и слабо, мимо чего в жизни безразлично скользит наш взгляд, вдруг начинает притягивать внимание.

В серии рисунков под условным названием «Пальто на вешалке» (1937—1938) через мотив «вещь — двойник хозяина», по сути, решена портретная тема: пальто и шубы, висящие на вешалке, точно сохраняя привычные позы, очертания фигур пришедших в дом людей, обнаруживают черты их характеров.

Поселок Солотча в Мещерском крае, долины в Крыму, Кавказ, Джубга. Подмосковное село Спас-Загорье... С этими местами связаны достижения Хлебниковой в жанре пейзажа. Разрабатывая традиционные пленэрные мотивы, Хлебникова никогда не занималась картинописанием, работая с натурой, она не «сочиняла» пейзаж, не домысливала то или иное состояние природы на холсте, но о с м ы с л и в а л а в свете и в цвете данное состояние как неповторимое мгновение жизни природы. Прозрачной, едва уловимой печалью лучится живопись Хлебниковой в натюрморте «Полевые цветы» (1940). И может быть, это настроение с наибольшей проникновенностью отвечает изначальной гармонии бытия.

В 1940 году В. Хлебникова тяжело, неизлечимо заболела. 19 января 1941 года ее не стало...

Художница ушла из жизни в расцвете лирической силы своего редкостного таланта.

СКОЛЬКО ТОГДА

ВСЕГО ГОД ОСТАЛСЯ ДО НОВОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ. ПОДГОТОВКА К НЕЙ УЖЕ ИДЕТ ПОЛНЫМ ХОДОМ. В ДОМ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА ВОЙДЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАТИСТИКИ. И ДОЛГ КАЖДОГО — ПОМОЧЬ ЕМУ, ЧЕСТНО И ОБЪЕКТИВНО ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОСЫ СЧЕТЧИКА. ЭТО ТЕМ БОЛЕЕ ВАЖНО, ЧТО ПРЕДСТОЯЩАЯ ПЕРЕПИСЬ 1989 ГОДА БУДЕТ НЕОБЫЧНА. В НЕЙ ВПЕРВЫЕ ВМЕСТЕ С ПОДРОБНЫМИ ДАННЫМИ О ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ БУДУТ СОБРАНЫ СВЕДЕНИЯ О ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЯХ НАСЕЛЕНИЯ. В ЭТОМ НАХОДИТ ВЫРАЖЕНИЕ РОСТ ВНИМАНИЯ К НУЖДАМ ЛЮДЕЙ. ВЕДЬ ТОЛЬКО ВСЕСТОРОННЕЕ ЗНАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И УСЛОВИЙ ЕГО ЖИЗНИ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ТОЧНО ПЛАНИРОВАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВСЕХ И КАЖДОГО. СЕГОДНЯ НАША СТРАНА СТАЛКИВАЕТСЯ С СЕРЬЕЗНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ В ЭКОНОМИКЕ. ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН ТАКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТАЛО ВОЛЮНТАРИСТСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К СТАТИСТИКЕ В ПРОШЛОМ. КАЗАЛОСЬ БЫ, ЦИФРЫ — УПРЯМАЯ ВЕЩЬ, НО, КАК ТЕПЕРЬ СТАЛО ЯСНО, ВЕЛИК БЫЛ СОБЛАЗН ПРИУКРАСИТЬ ИХ ИЛИ ЗАТЕНИТЬ. И СОЗДАВАЛАСЬ ВИДИМОСТЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ. А ЭТО И СПОСОБСТВОВАЛО ЗАСТОЮ. СТАТИСТИКА ТРЕБУЕТ МУЖЕСТВА И ЧЕСТНОСТИ. ДАЖЕ ЕСЛИ ПРАВДА ГОРЬКА НА ВКУС. НО ТОЛЬКО ЗНАНИЕ ИСТИННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЩЕСТВУ УСПЕШНО РЕШАТЬ ПРОБЛЕМЫ. А ГЛАСНОСТЬ ПОМОГАЕТ МОБИЛИЗОВАТЬ ВСЕ СИЛЫ ДЛЯ БОРЬБЫ С НЕДОСТАТКАМИ.

Марк ТОЛЬЦ,
демограф

Об этой переписи вспоминают редко. Даже сейчас ее, кажется, опять сбрасывают со счета. Иначе почему руководство статистической службой страны говорит, что было шесть переписей населения в истории Советского государства? В том, что это не так, легко убедиться. Первая послереволюционная перепись населения была в 1920 году. Вторая прошла в 1926 году. За ней была та самая перепись 1937 года. А когда не признали ее итогов, была проведена новая перепись в 1939 году. После войны прошли переписи в 1959, 1970 и 1979 годах. Так что советских переписей уже было семь.

Память не должна пройти мимо явного «спрямления» истории. Ведь то, что стоит за этим, не может быть предано забвению. В моей жизни была встреча, которая показала, как горька эта память.

...Та научная конференция была первой для меня. Ему же еще оставалось прожить всего семь лет. К двум книгам за это время добавится третья. Михаил Вениаминович Курман, как звали старого статистика, был одним из тех, кого называют «живой историей». Еще бы: в тридцатые годы он работал в ЦУНХУ Госплана СССР начальником сектора населения, заместителем начальника отдела. Статистика тогда непосредственно подчинялась Госплану, и ведомство, где она была сосредоточена, называлось Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ).

Помню, как рад был Курман, что в новом учебнике демографии уже не было обвинений в адрес тех, кто проводил перепись 1937 года. Естественно, я мало слышал до того об этой переписи. Он говорил и говорил... Видимо, старый статистик хотел, чтобы мы знали в конце концов, что стояло за этим. И рассказывал, как я потом узнал, не мне одному — многим. Ведь это больше, чем просто история одной переписи.

Получилось так, что в трудных условиях тех лет переплелось в одном узле многое. Профессиональное служение было неотделимо от событий истории страны: численность населения стала тогда больше чем цифрой в ряду других.

Когда подвели первые итоги переписи 1937 года, оказалось, что они сильно разошлись с ожидаемой цифрой населения. А ведь она неоднократно повторялась и была известна всем — 170 миллионов. Произошло то, чего, как вспоминал Курман, статистики опасались еще с 1934 года. Именно тогда на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин назвал ту далекую от истины цифру населения страны, говоря о его росте: «168 миллионов в конце 1933 года».

Статистика населения в те годы оказалась в трудном положении. В 1932 году В. В. Осинский, тогдашний начальник ЦУНХУ, откровенно писал: «Пока в основу второй пятилетки кладутся совершенно устарелые цифры переписи 1926 года с приложениями расчетного характера и с поправками на основе отрывочных сведений о движении народонаселения». Дело регистрации актов гражданского состояния во многих частях страны было поставлено плохо. Многое из сделанного в двадцатых годах было нарушено в начале тридцатых. И, например, в 1934 году, за который есть сведения, более четверти населения вообще не было охвачено учетом. А там, где он существовал, в отчеты попадали в первую очередь данные по крупным населенным пунктам, где положение было наиболее благоприятным по условиям жизни.

В этих условиях при определении численности населения приходилось прибегать к прикидкам, и они всегда тяготели к максимуму. Так, во второй половине двадцатых население страны росло примерно каждый год на три миллиона человек. Но эти цифры переносились на начало тридцатых годов. Сталинские 168 миллионов — это как раз такой рост за семь лет от переписи 1926 года, которая прошла в декабре.

Но обращает на себя внимание странное обстоятельство. Все публикации ЦУНХУ о численности населения страны обрываются данными на начало 1933 года — 165,7 миллиона человек. Эта цифра повторялась во всех справочниках до переписи 1937 года. А вот цифры 168 миллионов в справочниках ЦУНХУ не найти. Почему?

Как вспоминал Курман, статистики не давали И. В. Сталину этой цифры. И не удивление, а страх вселила она. У них, специалистов, должен был возникнуть вопрос: что будет, когда пройдет перепись? Ведь ясно было, что говорить о росте населения в 1933 году — значит говорить неправду. Да, учет был плох. Проверки, в которых принимал участие Курман, показывали тогда сокрытие большого числа смертей от учета. Но каким было истинное положение, статистики знали.

...В 1932 году на юге страны разразился сильнейший неурожай. В колхозах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья средний урожай зерновых с одного гектара в том году не достиг и четырех центнеров. Немногим выше, даже по отчетам, он был и на Украине. К трудностям периода индустриализации и коллективизации, которые с начала тридцатых годов резко снизили рост населения, добавились тягчайшие последствия этого бедствия.

Голод охватил прежде всего ту часть населения страны, которая обычно ее кормила. Первыми жертвами становились дети. В деревнях погибали целые семьи. Ведь известно, что для выполнения плана в тех трудных условиях во многих местах при заготовках зерна вывозился весь хлеб без исключения. Это коснулось даже того зерна, которое предназначалось на фураж или было выдано в виде аванса по трудодням. Потом будут приняты меры для исправления этих «перегибов», но они уже успеют нанести свой непоправимый урон.

Долгое время ставшая традиционной формула «трудности периода индустриализации и коллективизации» как бы не подлежала расшифровке. Но теперь пришло время сказать, что скрывалось за ней. Иначе трагические события, предшествующие переписи 1937 года, так и будут оставаться нерасшифрованными.

Как складывались условия жизни в те годы? Определялись они прежде всего строжайшим нормированием и ограничением потребления. С 1929 года в городах нормирование снабжения хлебом и сахаром стало повсеместным. Оно распространилось и на другие продукты, а также и некоторые промышленные товары. Конечно, это было связано со снижением сельскохозяйственного производства в период коллективизации. Одновременно возросли заготовки сельскохозяйственных продуктов. Этого требовал не только быстрый рост городского населения. Необходимо было найти средства для ускоренной индустриализации. И, чтобы дать необходимую технику народному хозяйству, страна была вынуждена идти на закупки за рубежом. В 1931 году советские закупки составили треть всего мирового экспорта машин и оборудования, а в следующем году их доля составила даже около половины в этой части мирового экспорта. Но что мы могли продать взамен? Немногое, в том числе зерно. И в этих условиях величайшего напряжения разразился неурожай 1932 года.

Подлинные масштабы этого бедствия, видимо, неизвестны нам до сих пор. Именно сельскохозяйственная статистика «прославилась» в те годы явными фальсификациями. Известно, что данные о производстве зерна с 1933 года в результате манипуляций с методикой стали заведомо преувеличиваться. Какие это приняло размеры, видно на следующем примере. На том же XVII съезде ВКП(б) в докладе И. В. Сталина производство зерна в 1933 году было названо 89,8 миллиона тонн. В настоящее время Госкомстат оценивает его в 68,4 миллиона. А за более ранние годы цифры и сейчас печатаются прежние. И, судя по ним, никакого неурожая 1932 года в целом по стране не видно. А разве приписки появились у нас вчера или позавчера? Но в недавно вышедшем юбилейном статистическом ежегоднике опять повторяются старые цифры. Для 1932 года — 69,9 миллиона тонн, что на 0,4 миллиона тонн БОЛЬШЕ урожая зерновых 1931 года. И напротив, для 1934 года Госкомстат сейчас дает цифру на 2,3 миллиона тонн МЕНЬШЕ по сравнению с 1932 годом. Но ведь с 1 января 1935 года карточки на хлеб были отменены! Пора, наверное, эту загадку решить.

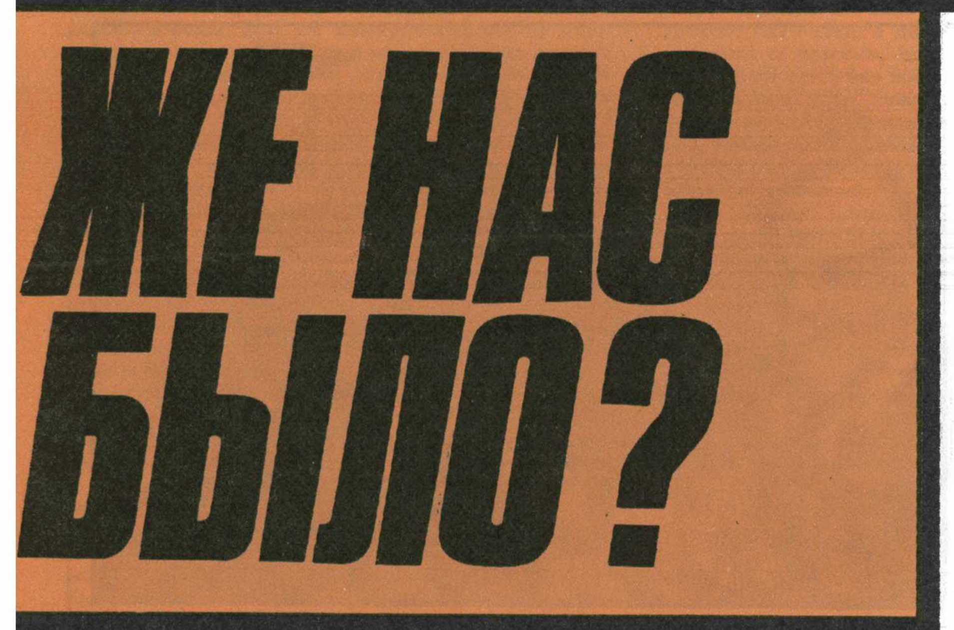
Впрочем, ясно и так, что жизнь для населения складывалась чрезвычайно трудно. Это видно, например, по цифрам производства молока, резкое снижение которых может быть показателем положения с детской смертностью. В 1933 году производство молока было не больше, чем в голодном 1921 году: ведь в годы коллективизации резко сократилось поголовье стада.

...Долгое время мне не удавалось найти цифры, по которым можно было судить о том, что же в действительности произошло в 1933 году с численностью населения. В одной из работ выдающегося демографа Б. Ц. Урланиса я встретился, наконец, с интересовавшими меня цифрами. Ведь в своей книге «Проблемы динамики населения СССР» среди других тем он рассмотрел прошлый опыт предвидения будущей численности населения страны. Ученый проанализировал, как расчет, по которому рождаемость и смертность принимались постоянными на уровне середины двадцатых годов, на последующий период, разошелся с действительностью. По этому расчету население СССР на 1 января 1933 года должно было составить 167,7 миллиона человек. «Отклонение расчетных данных от действительности,— как писал Б. Ц. Урланис,— составляло примерно 7 млн. человек». А затем, рассматривая, как далеко отклонился от действительности прогноз на первую пятилетку, автор оценивает численность населения страны на первое апреля того же года в 158 миллионов человек. Из этих цифр видно, что в 1933 году население страны не только не росло, а, напротив, уменьшилось!

И теперь можно представить, насколько оно (по Урланису примерно на целых десять миллионов!) было далеко от сталинской цифры.

А вот другие данные, показывающие тогдашнее положение. Известно, что в 1933 году даже в городах европейской части страны число рождений уступало числу смертей.

Это, наконец, объясняет и другую загадку — почему к моменту переписи тогда писали о 170 миллионах. Ведь в 1935 году И. В. Сталин говорил о ежегодном приращении на «целую

Финляндию». Однако, что это было не так, молчаливо признавалось. Вот и получалось, что фигурировали две цифры: 168 миллионов на конец 1933 года и 170 миллионов к началу 1937 года.

Но перепись не подтвердила даже этих цифр. Она дала меньше того, что было опубликовано для начала 1933 года!

Статистики, конечно, могли ошибаться. Не ошибался, как тогда считалось, только один человек. А он, не признавая действительного хода дел, объявил на съезде, что население страны достигло 168 миллионов. Эта цифра вопреки всему повторялась во всех изданиях его трудов. Непогрешим — и все!

Вскоре после переписи были арестованы те, кто отвечал за ее организацию. На их головы обрушились чудовищные обвинения. Сейчас все эти люди реабилитированы. Но, к сожалению, было и осталось другое, в чем пора разобраться,— утверждение, что перепись была проведена с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а ее итоги лживы. Только рассмотрев эту сторону событий, можно разобраться в них до конца.

Руководство переписью 1937 года было возложено на специальное бюро переписи населения. А возглавлял его Олимпий Аристархович Квиткин. К счастью, после предпринятых в начале семидесятых годов разысканий С. И. Пирожкова нам известна теперь биография этого видного статистика, погибшего в 1939 году. Это тот случай, когда благодаря настойчивым усилиям молодого ученого были собраны воспоминания людей, которых вскоре не стало. А как часто мы опаздываем!..

Вот некоторые вехи жизненного пути Квиткина. Активное участие в революционной деятельности в девяностые годы прошлого века. Тюремное заключение. Ссылка в 1901 году в Вологду. Избрание делегатом третьего, четвертого и пятого съездов РСДРП. Он прошел замечательную школу работы в земской статистике. Учился в Сорбонне. В ЦСУ начал работать вскоре после его образования с февраля 1919 года, причем статистика населения постепенно сделалась его специальностью. Квиткин участвовал в первой послереволюционной переписи 1920 года. В 1923 году он был одним из руководителей специальной городской переписи. Потом была перепись 1926 года, которая впервые охватила все население СССР. Именно Квиткину мы обязаны фундаментальным изданием в 56 томах итогов этой переписи. Замечу, что подобного по полноте издания итогов переписи больше не было. Теперь, когда стали известны материалы архивов тех лет, ясно, каким несомненным авторитетом он пользовался среди специалистов.

...Ответ, что же в действительности произошло, я нашел на страницах старого журнала «План», который издавался в тридцатые годы. Оказывается, статистики под руководством Квиткина готовились к другой переписи. И готовились основательно. В 1932 году была даже впервые в практике нашей статистики проведена ее генеральная репетиция — пробная перепись. Однако сроки самой третьей советской переписи несколько раз переносились. В июне 1935 года постановлением Совнаркома она была назначена на декабрь 1936 года.

Времени для ее подготовки за полтора года было достаточно. Постепенно набирала силу работа по организации переписи. На перепись отводилось пять дней в городах и семь дней в деревне. Подготовленный под руководством Квиткина проект программы учитывал накопленный до того опыт. Но знакомство с вопросами, которые были в проекте, показывает, что далеко не все они сохранились потом. Предполагались вопросы о месте рождения и продолжительности проживания, намечен был сбор подробных данных о семьях.

Но затем в конце апреля 1936 года Совнарком принял новое постановление о переписи. В нем многое было изменено в корне. Перепись перенесена на самое начало января 1937 года, что, как потом оказалось, было неудобным временем. И должна она была стать «однодневной». Счетчикам заранее надо было заполнить переписные листы. А потом за один день 6 января уточнить их. Записать тех, кто подлежал переписи в данном месте, но не был раньше внесен в листы. И вычеркнуть тех отсутствовавших, которые должны были быть переписаны в других местах. На один день предстояла колоссальная работа. В некоторых городах счетчику надо было обойти до 230 человек! Заданный темп потребовал небывалого числа участников переписи. Свыше одного миллиона! За десять лет до того, в переписи 1926 года, их было примерно в шесть раз меньше. Даже в последней переписи 1979 года, которая учла на 100 миллионов человек больше, чем тогда, в 1937 году, работало 900 тысяч участников.

Число вопросов в переписном листе было ограничено четырнадцатью. И среди них появился единственный раз в истории советской статистики вопрос о религии. А ведь в 1920 году вопрос о вероисповедании по предложению В. И. Ленина был исключен из программы первой послереволюционной переписи. Кто же включил его в переписной лист 1937 года? Есть все основания считать, что и здесь инициатива исходила не от статистиков. Разве могло тогда такое важное событие, как перепись, готовиться без окончательного утверждения И. В. Сталиным?

До начала переписи оставалось всего восемь месяцев. Предстояла гигантская работа: надо было напечатать бланки и инструкции, подобрать и обучить огромную армию счетчиков.

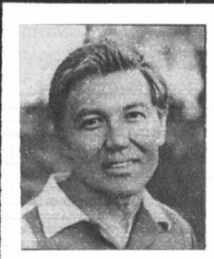
Первого января началось предварительное заполнение переписных листов, когда еще во многих квартирах продолжалась встреча Нового, 1937 года. Все это мешало работе счетчиков. Много хлопот доставил вопрос о религии. Сохранилось свидетельство М. Зощенко: «Неожиданно этот пункт *оказался* наиболее трудным и «капризным». Многие из опрашиваемых отказывались отвечать на этот вопрос. Одна из женщин спросила счетчика: «Правда ли, что в паспортах будут ставить штампы, если человек верующий?» Счетчику понадобилось много труда, чтобы уверить ее в том, что никаких отметок в паспортах не делается». Наблюдательный М. Зощенко справедливо писал, что счетчикам «было нелегко». И слова эти принадлежат знающему человеку. В 1923 году писатель принимал участие в качестве счетчика в городской переписи.

И опять старый вопрос: какова точность цифр, полученных в тех трудных условиях? По одним оценкам, размер недоучета в 1937 году составлял 0,33 процента. Но пусть он даже и был выше в три раза — тогда речь может идти о 1,7 миллиона. В то время как разница между 170 миллионами и оценкой в 163,8 миллиона, опубликованной в шестидесятые годы ЦСУ, составляет 6,2 миллиона.

...Есть и другие свидетельства: как ни странно, это обвинения в адрес руководства переписи, которые выдвигали после признания ее итогов дефектными. Говоря о недоучете населения, прежде всего называли Украину и Казахстан. Но проведенная в январе 1939 года новая перепись показала, что в Казахстане население увеличилось только на один процент по сравнению с данными переписи 1926 года. А для Украины расчеты показывают примерно такое же увеличение как раз к началу 1937 года. Все это говорит о том, что данные переписи 1937 года должны серьезно рассматриваться как статистическое свидетельство.

А что было потом? Цифры якобы показывают рост населения на три миллиона ежегодно. И это в 1937 и 1938 годах? Но, как вспоминал Курман — и говорил это со знанием дела, так как отвечал за текущий учет населения,— до переписи 1937 года данные о смертности лиц в заключении не попадали в ЦУНХУ. Но разве к следующей переписи практика была изменена? И тогда встает другой вопрос: не было ли, наоборот, двойного счета, а значит, и преувеличений в численности населения в итогах переписи 1939 года? Ведь эта перепись как раз и дала ту цифру, которую не получили в 1937 году,— 170 миллионов человек в государственных границах тех лет...

Вряд ли многое могло сохраниться от той переписи, рассказ о которой подходит к концу. Правда, недавно в одном из журналов со ссылкой на Е. Ярославского встретились данные переписи 1937 года о религиозности. Это подтвердило рассказ Курмана, что такие данные успели получить. Ну, а что было и сохранилось еще? Для демографии тридцатые годы остаются белым пятном. Что за ним — большей частью пока неизвестно. Сможем ли мы найти когда-нибудь точный ответ? Слишком мало верных свидетельств демографам оставили те годы. Но искать мы должны. Ведь без знания истории населения нет знания истории страны!

Владимир ДАГУРОВ

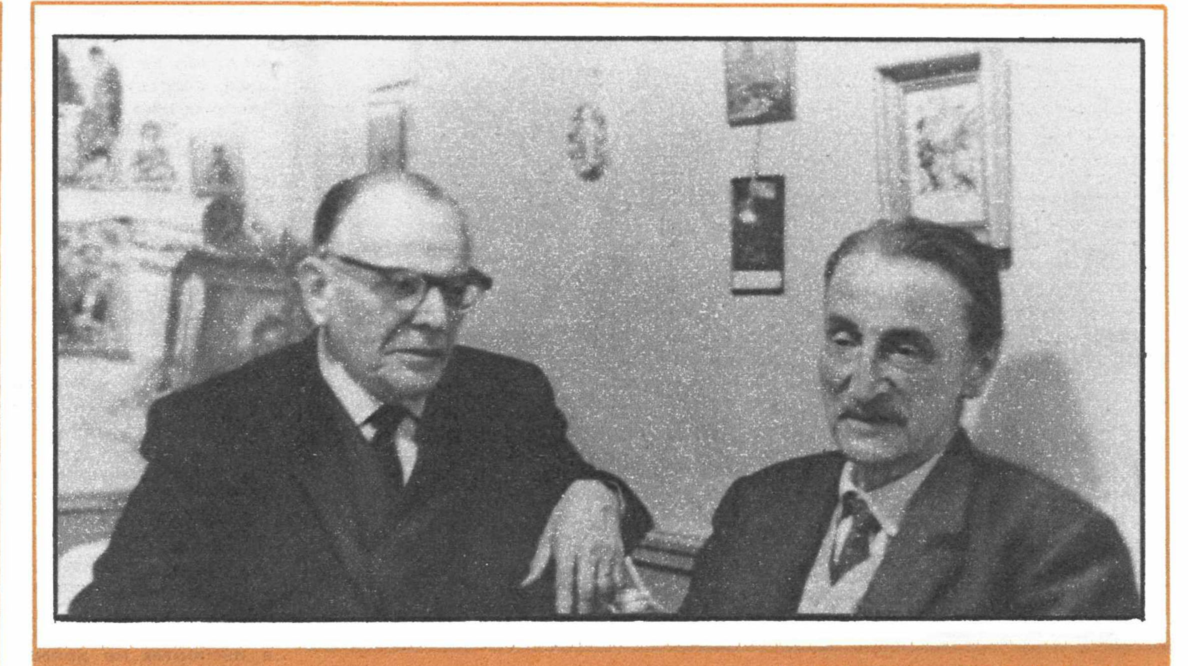
* * *

Кривые улочки Москвы,
вы — словно крона вековая,
но не сносить вам головы —
увы, не вывезет кривая!
Но отчего же в горле ком
и неподвластен сердцу разум,
и скучно, скучно прямиком
пешком гулять по новым трассам?
Во мне откуда, в молодом,
эпохи прошлой пережиток? —
гляжу с восторгом я на дом
с фасадом глянцевым из плиток,
на завитушки теремов,
на шпиль московского барокко...
Не оттого ль, что меж домов
легла Истории дорога?
Не оттого ль, что пращур мой,
огранив мячковский бел-камень,
мечтал нетленной красотой
явиться правнуку на память?
Столица, душу окрыляй,
в родных названьях оживая,
но где Тверская, Разгуляй,
Пречистенка и Моховая?
Где Знаменка, Охотный ряд,
Манежная и Маросейка?..
Слова такие аль не клад?
Неужто память — ротозейка?
На Сивцев Вражек со стыдом
гляжу сегодня — право слово,
зачем же строить новый дом
за счет погибели былого?
Взлетают к небу этажи,
ведут полки свои прорабы —
их наступленье удержи,
кольцо Садовое хотя бы!
Его Безличество Стандарт
берет в кольцо, и от стандарта
столица может пострадать
не меньше, чем от Бонапарта!

* * *

Я, обреченный, словно зверь,
греша на тяжкий рок,
рванул однажды ночью дверь
и вышел за порог.
Ушел ни к брату, ни к отцу,
ни к матери своей —
ушел к радушному крыльцу
испытанных друзей.
Они сказали: «На земле
прошли мы тот же круг...»
И появились на столе
кувшин и кружка вдруг.
«Покуда есть друзья, поверь,
ты не страшись потерь!» —
Друзья постлали мне постель
и затворили дверь...
Я к зеркалу наедине
вплотную подошел.
В его туманной глубине
себя я не нашел.
То ль выпил много я вина,
то ль обманула ночь,
но там безумная жена
и плачущая дочь.
«Должно быть, вы пришли
за мной,
чтоб воротился я?
Но проживу без вас земной
остаток бытия!
Клянусь, вины пред вами
нет...»
Вдруг из зеркальной тьмы
едва услышал я в ответ:
«Мы виноваты, мы...»
Стоял я, волю всю собрав,
губами шевеля:
зачем же, если был я прав,
оправдываюсь я?
Я прошептал: «Моя вина...»
И зашагал я прочь,
и отворила дверь жена,
и улыбнулась дочь!

Среди дореволюционных русских писателей-реалистов достойное место занимает Борис Константинович Зайцев (1881—1972). Талант Зайцева, начавшего литературную деятельность в 1901 году, был отмечен еще А. П. Чеховым и В. Г. Короленко. В автобиографии А. С. Серафимовича сказано: «Познакомился с группой писателей (Горький, Бунин, Скиталец, Зайцев, Куприн и др.), которые тогда представляли лучшую часть русской литературы». Куприн говорил в 1908 году: «Очень мне мил талант Зайцева: такой простой, вдумчивый, элегический, такой тонкий». Борис Зайцев — мастер лирической прозы, драматург и переводчик. С семнадцати лет его жизнь тесно связана с Москвой: он учился в Московском Высшем техническом училище. В московской газете «Курьер» в 1901 году был напечатан первый рассказ Зайцева «В дороге». Зайцев был участником телешовского кружка «Среда» и печатался в горьковских сборниках «Знание». После революции он руководил московским Книгоиздательством писателей, где вышло в свет его первое Собрание сочинений в семи томах (1916—1919), а в 1921 году был избран председателем Всероссийского союза писателей. Жизнь Москвы начала XX века отразилась во многих произведениях Зайцева. В Москве и Подмосковье развертывается действие повести «Голубая звезда» (1918) о мечтателе Христофорове (его прототипом был московский писатель, друг Зайцева Иван Новиков). Памятью о любимом городе полны книга воспоминаний Зайцева «Москва» (1939) и автобиографические романы «Юность» (1950) и «Древо жизни» (1953). Наиболее емкий и красочный образ Москвы дан в лирическом очерке «Улица св. Николая», опубликованном впервые в московском альманахе «Шиповник» в 1922 году. К лучшим произведениям Зайцева относятся повесть «Аграфена» (1908) — история жизни крестьянки, роман «Дальний край» (1913) — из эпохи революции 1905 года и последующей реакции, повесть «Голубая звезда» (1918) — из жизни московской интеллигенции. А. В. Луначарский в лекциях по истории западноевропейской литературы назвал «прекрасным» перевод Зайцевым «Искушения святого Антония» Флобера. В 1967 году один из переводов Зайцева был переиздан в серии «Литературные памятники», выпускаемой Академией наук СССР («Фантастические повести»). С 1924 года писатель жил в Париже. Он издал за рубежом книги воспоминаний, автобиографическую тетралогию, художественные биографии — «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». После отъезда писателя за рубеж произведения Зайцева в СССР не публиковались, что объясняется его сотрудничеством в эмигрантских изданиях. Он писал преимущественно о быте ушедшей России, жизни русских эмигрантов во Франции, а также на историко-литературные и религиозные темы. В годы немецкой оккупации Парижа Б. К. Зайцев работал над переводом «Божественной комедии» Данте. После войны устанавливается культурная связь Зайцева с Родиной. Его квартиру в Париже посетили академик М. П. Алексеев, писатели К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков, директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова. В книге «Воспоминания о Константине Паустовском» (Москва, 1975) опубликован отзыв Паустовского: «Борис Зайцев — это яркий и крупный писатель». С Б. К. Зайцевым переписывались советские литературоведы, он охотно делился воспоминаниями о прошлом русской литературы, присылал свои книги. Часть своих рукописей он подарил рукописному отделу Пушкинского дома в Ленинграде. В настоящее время готовится сборник избранных произведений Б. К. Зайцева.

К. Г. Паустовский и Б. К. Зайцев. Париж, декабрь 1962 года.

Борис ЗАЙЦЕВ

Вступительная заметка А. В. Храбровицкого. Публикация Е. В. Воропаевой, А. В. Храбровицкого.

ПОХВАЛА КНИГЕ

Что особенно близко человеку?
— В детстве мать.
— Позже?
— Жена.
— А вообще кто сопровождает?
— Чуть ли не с пеленок, чуть ли не до могилы?
— Книга.
— Не всякая, но согласен. И действительно, с ранних лет.

Вечер. Столовая в барском доме, в деревне. Висячая лампа над обеденным столом, сейчас еще не накрытым. В узком конце его отец, веселый, причесанный на боковой пробор, читает детям вслух. По временам, когда очень смешно (ему), останавливается, вытирает платком негорькие слезы, увеселяющие, читает, читает дальше. Мы, дети, тоже хохочем. Из-за чего, собственно? Но веселый ток идет от книги, и от отца. Написал все это какой-то Диккенс. В допотопном рыдване (у нас тоже есть в этом роде), неведомый мистер Пиквик, с товарищами-учениками — разные Топманы, Снодграсы куда-то едут, чего-то ищут. Собственно, трудно понять, почему это так забавляет нас (милый, смешной и забавный мир приоткрывается). Благодушный фантасмагорист Пиквик, чрез любимого отца, входит в дом наш, разливает свое приветное веяние.

Смех наш детский, но зажег его Диккенс с полудетской своей душой. А проводником оказался отец, подходящего внутреннего склада.

Много позже, когда никого из тогдашних слушателей, кроме меня, не осталось в живых (не говоря уже об отце), взрослым попал я в Лондон. Русский приятель повел в ресторан, где-то в Сити, по виду неказистый и скучноватый. Но не в биржевых дельцах, не в ростбифе и джине превосходных оказалось тут для меня дело. Над входной дверью, на притолоке маленькая фигурка-скульптурка: полный благодушный человек, старомодный по виду, будто приглашает:
— Милости просим!
— Это ресторан,— сказал приятель,— где бывал часто Диккенс. А фигурка над дверью — мистер Пиквик.

Вот где встретились! После Устов, захолустья калужского конца прошлого века...

Выпили джину за Диккенса. Но не в последний еще раз встретился он. Еще через годы — совсем в другом роде. В Париже, у постели тяжко больного близкого человека. Тут уже не до смеху. Но по странному совпадению, Диккенс пришел и в начале жизни, и в конце. Без детского смеха теперь и без Пиквика.

За два года прочел я вслух жене всех Копперфильдов, Твистов и другое разное, очень много. Диккенс был для меня уже не тот, веселый устовский, а замечательный английский писатель, простодушный и чистый, во многом «для юношества» (но не теперешнего), очень изобразительный и трогательный — на больную действовал хорошо. И я почувствовал в нем союзника — пусть Толстой пренебрежительно морщится»*. А Жюль Верн? Для детей, конечно, царство ему небесное («Смелее,— кричал лорд Гленерван», «Смелее,— повторяла его молчаливая супруга»), и все они, на борту своего парохода, ищут какого-то Айртона, заброшенного на пустынный остров кораблекрушением. И милый Паганель, рассеянный французский географ с ними...

Капитана Немо («Таинственный остров») ждешь, как подарка, каждую субботу (приложение к «Задушевному слову» — какое название!). Бежишь встречать почтальона со всех четырех ног. Это власть.

Над ребенком, но и над взрослыми не остыть ей, только в иные края литературы перемещается она.

Тургенев раньше других приходит: «Первая любовь» дает первые опьянения и отроку, и позже взрослому. А там «Дворянское гнездо» (Лиза Калитина жила в Орле напротив дома моего дяди).

Толстой распростирает свой шатер огромный позже, туда вмещаются и Пьеры и Болконские,

---

* Заблуждение автора: Толстой Диккенса ценил («Он доставил мне большую радость и имел на меня влияние»).— **Прим. ред.**

Наполеоны и Кутузовы, Багратионы и Ростовы со своей Наташей. Это уж демиургическое, не «для детей и юношества». И под кровом своим держит тебя этот гигант сколько хочет. Сопротивляться бесполезно, да и нет желания. Напротив, обаяние непрерывно.

Достоевский «настоящий» приходит всех позже. Конечно, и во втором классе калужской гимназии, таща хмурым утром ранец в унылые арестантские роты по имени «классическая гимназия» (ante, apud, ad adversus... собьешься, можно двойку получить), вспоминаешь «Бедных людей», «Униженных и оскорбленных», вчера вечером читанных... но до «Идиота», «Бесов», «Братьев Карамазовых» еще далеко, еще годы жить, чтобы воистину родной литературой возгордиться, ни на какую ее не променять. Можно быть великим почитателем и Данте, Гете, но своего не отдашь.

И вот еще имя, только всплывшее по-настоящему — в какие поздние годы! Ребенком держал в руках книжечку в переплете — перелистаешь, там какие-то мельницы ветряные, рыцарь на коне с копьем летит на них (непонятно, почему, но забавно), этот же рыцарь этим же копьем угрожает стаду баранов — на обложке надпись: «Дон-Кихот». Любопытно, конечно, но что-то странное, полусмешное. Полоумный рыцарь все твердит о какой-то Дульцинее Тобосской, куда-то стремится, чего-то ищет, кому-то хочет помочь, защитить, и ничего, кроме смешного, неприятного у него не выходит. Все же в детской душе вызывает он некое сочувствие. От взрослых слышишь «Дон-Кихот», «Дон-Кихот», тоже смесь улыбки с одобрением.

Из ребенка человек взрослым становится, и «Дон-Кихота» знает только по переложению, сокращенному для детей.

Но, оказалось, есть перевод и для взрослых, г-жи Ватсон. Начинается чтение... да ведь это просто скучно!

Не могу теперь судить, то ли это был неполный перевод, то ли сам не дорос, только «Дон-Кихот» так и остался под замком. Кроме всемирного имени, ничего.

И вот жизнь проходит, без «Дон-Кихота». Краешек остался еще, и на книжной полке таинственно появляется «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский». Два тома по пятисот страниц. Так и не понял, откуда появились. Подарок? Но чей, когда?

Все равно, решил попробовать. Не без опасения. Вдруг опять застрянешь. Издание советское, 56-го года. Перевод Любимова *.

Тут идальго за себя постоял. Написано более трехсот лет назад, а держит, не отпускает. Смесь великого с детским, все воплощено, да, это Испания XVII века, все живое, начиная со священного безумца, всем жаждущего помочь, прикрыть любовью, найти Дульцинею для преклонения перед ней — пусть смеются над ним, он себе шествует, ни на кого не глядя, да и на трудности не обращая внимания. Важен подвиг, важна Дульцинея. Великая жизнь — в ней почти что всегда неудача, а пред Высшим сплошная заслуга.

И милый оруженосец, этот с детства знаком, Санчо Панса, ловкач и стяжатель, но и фантасмагорист, верит в остров какой-то и свое там губернаторство (обещанное хозяином!), рыцаря своего обожает, несмотря на все бесчисленные нелепости его (говорит чуть не сплошь пословицами. Переводчик отлично со всем этим справился).

Сервантес писал «Дон-Кихота» долго, с большим перерывом между первой и второй частью. Первый том сильно отличается от второго. Почувствовал ли, что пишет мировую вещь? Не казалось ли поначалу, что выйдет просто забавное, для развлечения кардиналов, герцогов и герцогинь — покровителей? Не знаю. И недостаточно знаю жизнь этого Сервантеса Сааведра. Знаю, что в морском бою при Лепанто потерял он руку, попал в плен к маврам, годы прожил почти рабом в Африке. Сколько видел людей! И какой опыт жизненный! Это все в книге сказалось. И страдания пережитые сказались. Вторая часть сдержаннее, глубже, мудрее. Меньше смешного в Дон-Кихоте, он грустнее, задумчивей, тише. И как-то еще значительнее. Возвращается в дом свой деревенский внешне неудачником, внутренне победителем, ибо не жалел себя, все делал для других — сирых, слабых и беззащитных, а если жизненно ничего не вышло, то это уже участь натур орлиных.

Книга «Дон-Кихот» обладает таким свойством: незаметно, но чем дальше, тем больше, подымает она, просветляет и облагораживает. Прочитав несколько страниц, закрываешь ее с улыбкой чистой, выше обыденного. Будто ребенок тебя приласкал, но ребенок особенный, в нем чистота, музыкальность и нечто не от мира сего. Да, почти всегда улыбаешься, именно этой улыбкой, о которой, наверно, не думал автор.

Хвала книге, от смиренной, «для юношества», но настоящей, до великой, для всего человечества. Так ли иначе и та, и другая владеет в мечте, фантазии, вводит в мир свой, особый, и чем выше он, тем след навечней. Хвала тем, кто выводит из обыденности, раздвигает жизнь и по-истинному обольщает.

* Известный советский переводчик Н. М. Любимов (р. 1912), лауреат Государственной премии СССР.— **Прим. ред.**

УЛИЦА СВ. НИКОЛАЯ

I

Образ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой сутолоки, любви, надежд, успехов и меланхолий, веселья и стремления — это ты, Арбат. По тебе снегом первым летят санки, сквозь белый флер манны сыплющейся огневисто золотеют все витрины, окна разные Эйнемов, Реттере, Филипповых, и восседает «Прага», сладостный магнит. В цветах, и в музыке, бокалах и сияньи жемчугов, под звон ножей, тарелок веселится шумная Москва, ни о чем не гадающая, нынче живущая, завтра сходящая, полумиллионная, полубогемская, сытая и ветром подбитая, и талантливая, и распущенная. Гремят и вьюги над Арбатом, яростно стуча по крышам, колотясь в двери облаками снега. Но сквозь мглу и вой метели невозбранно проплывает седенький извозчик в санках вытертых, на лошаденке Дмитровской, Звенигородской, как корабль нехитрый, но и верный. К Рождеству елки на Арбатской площади — зеленым лесом. Приезжают дамы в санях; везут чиновники, тащит рабочий елочку на праздник детям. И отбушевавши новый год, в звоне ль шампанского, в гаме ли водочки с селедкой, входят в ледяной январь, бегут, краснея носом, с усами заиндевелыми, обдуваясь паром, кто на службу, кто торговать, по банкам и конторам. Кто — и по трактирам. Ночью же остро, хрупко-колюче горит Орион семизвездием тайно прельщающим над кристаллом снегов.

Не навсегда! Не навсегда! Там февраль, там и март с теплым ветром, с буйным дыханием; весна, грязь и лужи, блеск, солнце, первый разрыв лазури над Арбатом, ведущим к югу, к Брянску, Киеву, Одессе. И поэт золотовласый, чуть прихрамывая, припадая на одну ногу, в черной шляпе художнической, бежит по тротуару, приветствуя весну и милых женщин. А поэт бирюзоглазый, улетающий и вечно проносящийся в жизни и в пространствах, точно облако белеющее, также пробегает по другому тротуару, и приветствует лазурь, и ждет пришествия, и изнывает от томлений по закатам огненно-златистым над Арбатом — там, в конце, где он спускается к Москве-реке, в ней утопая. Смутны, и волнующи, и обещающи закаты эти! Чище, и хрустальнее, и дивно-облегченнее те миры, что там рисуются, в фантазмах златоогненных.

А когда апрель настанет, то растают почки в многочисленных садах вокруг Арбата, и зеленое благословение выльется душистым, милым оперением. В старых тополях грачи вьют гнезда. Голубым оком глянет весна, заблестит в крыльях пролеток, в лакированных штиблетах и в зеркальных окнах, и в глазах веселых и воздушных. Мягко треплет ветерком — локоны девушек, бороды мужчин; смеется и перебегает по Арбату в блеске луж, в криках мальчишек, предлагающих фиалки.

Лето насыщает Арбат зноем и оцепенением. Маркизы магазинов никнут под огнем небесным. Налетает пыль тучкой азиатской. И к вечеру Арбат замучен. Млеют служащие в магазинах; барышни обрадовались блузочкам своим легчайшим. Но нет поэтов — ни златоволосого, бегущего Арбатом слева, ни бирюзоглазого — Арбатом справа. Улетели, как и их друзья, как те жители, что занимают целые квартиры в домах с лифтами — кто на море, кто в деревню, кто на дачу. Врачи и адвокаты сладкогласные умчались за границу. «Ах, Карлсбад! Нет, Киссинген! Ну разве можно же сравнить!» И многих обитателей Арбата поразносят и международные вагоны по углам богатой, сытой и самодовольно крепкой бабушки Европы. Сапожники же, медники и парикмахеры, кондуктора трамваев, булочники, мясники и бакалейщики сидят все лето, душное ль, дождливое ль, все на своих насестах, не подозревая о Карлсбадах и об ожирениях сердца. Священники звонят в церквах Арбата — Никола Плотник, Никола на Песках и Никола Явленный — спокойные и важные, звоном малиновым, в ризах парчовых, вековечных, венчавшие и хоронившие тузов, и знать, и бедноту. Привыкшие к молебнам, требам, к истовому пению и жизни истовой, замедленной в бездвижности и с ожирением сердца.

Гудят колокола, поют хоры, гремит трамвай, звенит румын в летнем зале «Праги» пышноволосый. Солнце восходит, солнце заходит, звезды вонзаются и над Арбатом таинственный свой путь ведут. И жизнь прядет, и все как будто чинно, все так крепко, и серьезно, и зажиточно, благонамеренно. Строят дома — сотни квартир с газом и электричеством; новые магазины — роскошь новая; новые мостовые, новый, нерусский шик города. Льют свежий асфальт, и белят стены, и возятся и пьют, и накопляют, ходят в церковь и венчаются, и любятся, и умирают между трех обличий одного святителя — Николы Плотника, Николы на Песках и Николая Чудотворца. Зима, весна и лето, осень, хлад и жар, и мление и закаты — все себе равно или кажется таким.

II

Первые грозы, полумладенческие бури! Немотствовавший великан пытается сказать, выкрикивает и грозит, и смутно встряхивается впотьмах и наудачу. И пылают барские усадьбы, останавливаются дороги, и рабочие выходят с фабрик — демонстрации идут Арбатом. «Господа» банкеты собирают, и изящно бреют русское самодержавие, между икрой и балыком, меж Эрмитажем и «Прагою». Ах, конституция, парламент! Дума, новая Россия! А те, кто помоложе и попроще, кому до Эрмитажа далеко, торопятся, им некогда, все совершить бы завтра, всю бы жизнь вверх дном перевернуть. И митинги гудят, толпы чернеют, и кричат газеты об одном: вперед, вперед!

А там дружинники уже засновали по Арбату — и в папахах, и в фуражках; дворники, мальчишки помогают выворачивать столбы фонарные — для баррикад. Веселый рыцарь, Дон Жуан и декадент, он же издатель, и спирит, и мистик собственноручно водружает красный флаг на баррикаде у Никольского; флаг — юбка женина. Большевики, эсеры, анархисты и художники, и гимназисты, и студенты пробуют себя: вместо «Моравии», где пропивали по рублю на пиво и закуски, целятся из маузеров из-за поваленных трамваев и калиток, снятых с петель, опутанных проволокой телефонною. Седой и старенький извозчик, годы плетшийся Арбатом, обликом похожий на св. Николая, затруднен теперь: от баррикады лишь до баррикады. А там нужно санки перетаскивать. Да и под пулю угодишь как раз. Но все-таки он ездит, ровный и покойный, как патрон его, святой из Мирликии. Поэт златоволосый не сражается, но на словах громит, анафематствует жандармов, губернатора, властей заочно и в лицо. Поэт бирюзоглазый ждет пришествия иной культуры, вспоенной громами бурь, кипением и массой. Но массе еще рано. Еще сильно былое, крепок штык, тверда шеренга. И в декабрьский день, мо-

розный, заревом пылает Пресня под шрапнелями семеновцев. Бегут папахи. Спрятались и маузеры, и карабины. Москва затихла. Молодежь по тюрьмам, кое-кто погиб. Серо, туманно, пасмурно и на Арбате. Будто бы окончился спектакль, где нашумели, наскандалили ребята, а в конце прогнали их. И вот распутывают проволоку заграждений, чинят фонари, ездят патрули и гвардейцы офицеры, победители на нынче, пьянствуют по Метрополям, Прагам, Эрмитажам. Лавочки открылись на Арбате, магазины, снова свет, и сутолока, веселье, блеск — одним забава, труд, забота для других. А седенький извозчик снова невозбранно проплывает по Арбату, снимает шапку у Николы Плотника, и крестится, и крестится на углу Серебряного, где Николай Явленный. Священники же рады, что все кончилось: опять привычное, все то же, вековое и непотрясаемое.

Положим, что есть Дума, что там говорят, и критикуют, и постановляют. Но ведь это т а к, все только т а к, для формы. Прежнее — все то же. И городовой, и мирное служение, и богатство треб, и пышность похорон. И лик св. Николая в трех церквах все тот же — строгий и покойный лик.

И снова строятся дома, фабрики, возрастают, везут зерно на вывоз и приходят в порты русские из дальних странствий корабли с товарами: как будто крепнет, богатеет Русь. Как будто процветает и Арбат. Не нынче завтра весь он будет вымощен гранитом, как в Европе, и кафе его сияют, и огромный дом воздвигнется на углу Калошина, с бронзовым рыцарем в нише. Рыцарь задумчив, задумчив рыцарь. И стало уже тесно в Праге: думают надстроить новое святилище, выводят стены. И как будто весело, благополучно. Бегают художники, писатели и декаденты, процветают и шумят по клубам, по эстрадам, маскарадам. Сколько лирики! И темной, светлой, тонкой, унащенной и скользящей, нежной и летящей! Поэт золотовласый улетел в Париж изгнанником: за резкость о троне. Но другие мифотворствуют, и богоборствуют, и препираются, и лекции читают, а иные, как поэт бирюзоглазый, все чего-то ждут. Идет ли? Не идет ли? Начинают уставать, и хриплые рога услышал уже кто-то. Ах, да так ли все благополучно? Нет ли тлена легкого, но острого, под танцем жизни?

И повсюду — на Тверской и в Камергерском, на Воздвиженке и на Арбате — смутный, соблазнительный и наглый, разлагающий, дурманящий и за собой влекущий — над великой пустотой поднявшийся:

«Танго».

И пляшут его пары на Тверской, и на Воздвиженке, и на Арбате. Сумрак! Сладко утомление. Танго, танго! И ничего не надо. Ни страстей, ни действий, и ни силы любви, ни долга и восторга, творчества, бессмертия, свободы — сладкий плен полуразврата-полукрасоты.

III

Страшный час, час грозный. Смертный час — призыв. Куда? Вперед. Вперед, и в ногу, в ногу, и под барабан. Вперед. О, содрогнулась Русь, оделась в серую шинель, и смертно лоб перекрестивши, руки сжавши, тяжко в ряды стала, тяжко марширует сапогом тяжелым: раз-два, раз-два! А черно в сердце и мила Москва, и горько уходить. Идет Арбатом серый, крепкий строй; и на Угодника, что на углу Серебряного, взглянет ненароком проходящий, под винтовкой, ненароком перекрестится и далее шагает. Раз-два, раз-два. Вот и Спасопесковский, с красным домом угловым, Никольский, где Никола Плотник, с позолоченной главой, за ним Смоленский, на углу толпа, и машут, слезы блестят; а там дорожка ниже, ниже, на Москву-реку к вокзалу — голову клони, солдат. Уж дожидаются вагоны, паровозы, быстрые еще, и аккуратные; там снова бабий вой, крик и рыдание; и влекут тебя, во мгле слепой, на жертву. Велика твоя повинность родине.

Родина же притихла. И насупилась. И затрезвела даже. Пьет из-под полы, и удивляет старую Европу воздержанием. Надолго ли? Ну, там посмотрим. А пока поблекли Праги, Метрополи, Эрмитажи, и все блекнут, задыхаясь в худосочии. Голубки все реже мчатся по Тверской, Арбату. И все больше лазаретов — знак кровавого креста над ними, знак печали-милости — и чаще попадаются их вывески в укромных переулках вкруг Арбата. Старые хоромы, гнезда дворянские, видевшие Герценов и Хомяковых, наполняются людьми в халатах, с лицами серо-бледнеющими, и в повязках, и на костылях. Серый суп, смутность, дрема, бледная тень жизни бедной! Хочется ль чего? Нет. Жалко ли чего? Нет, тоже нет — и все было как было и как будет — тихий затон в буре страшной.

Буря же бурлит. Яростны люди, свирепы пушки, пули бессчетны и бессчетна смерть, в поле реющая — и в лесах, горах, ущельях и окопах. Волна мрака накопилась, облака и тучи, и гремит, гремит бессмысленный Дракон, и пожирает, и других зовет; калек, усталых и полуживых, на родину, посмеиваясь направляет. И идут полки вниз по Арбату, на Дорогомилово, а возвращаются в вагонах санитарных по трамвайной линии, из-за реки.

Сердобольные ж хлопочут дамы, посещают, навещают, развлекают, музицируют и умиляются на «мощь героя серого». Серый же герой еще покорен. Все еще вытягивается и козыряет, и безмолвно умирает на полях далеких, неизвестно за кого и за что. Но еще крестится на углу Серебряного, на древний образ Николая Чудотворца, глядит еще почтительно на две иконы, что под тротуаром,— святитель Николай, спасающий матроса и освобождающий пленного в темнице. Слушает еще и всенощные, и обедни на полях Галиции, и в Польше, и под Ригой.

Но клонится к закату, внутренне склоняется, сгнивая, старое. И бесподдержно, и вдруг, бесповоротно расползается сам трон, и нету больше древних генералов, губернаторов и полицмейстеров, и гимна, и сурового орла монархии.

Все быль, сон былой — и новый сон уж начинается, пока лишь многословно-легкомысленно-пустопорожний. Молчали долго — и заговорили! Хочется сказать, и здесь и там, у памятника Скобелеву и под Пушкиным, и на Арбатской площади, и где угодно. Все серые шинели, серые герои, и один лепечет за другим, все тем же еще получеленораздельным звуком, все о том же говорят, и так же длинно, но изящнее и грамотнее, и бесконечные политики с Арбата, адвокаты, инженеры и военные, ныне страной правящие. О русские интеллигенты, о слова, слова, прекраснодушие, приятность, барственность, народолюбие! Сурова жизнь, и не приятна, и не прекраснодушна. Но профессора, экономисты из соседних переулков, получившие портфели министерские, гласные с в о б о д н о й Думы, из домовладельцев и врачей, еще надеются на что-то, думают управиться с героями в шинелях серых, воевать до одоления врага, и все тому подобное. Лишь более прозорливые, из богатых, денежки пересчитав, проверив, утекают, кто в Японию, а кто на запад.

И вовремя, и вовремя! Ведь надоело словопрение, шатание, незнание. И надоело жить в окопах, видеть смерть и ждать ее, и надоело зрелище богатых рядом с бедными, и так отлично прекратить все это, отобрать, что можно, поделить, с кем нужно, и, на белый свет провозгласивши братство всех трудящихся, из ничего стать всем. И вал растет, буря идет. Поделена земля, и допылали те усадьбы, что не тронуты двенадцать лет назад. Разведен скот, диваны вытащены, зеркала побиты и повырублены кое-где сады. Библиотеки отпылали, сколько надо — в пламени ль пожаров, в мирных ли цигарках. И ты идешь домой, серый герой, трудно ведь на войне сидеть, когда в Рязанской, Тульской и Тамбовской, дома, добро делят. Ну-ка, господин буржуй, иди кому угодно, под шрапнели, в мерзлые окопы, в вонь, ко вшам, на смерть? И облепились уже вагоны воинами без щитов, пустеет дикое и горестное поле бранное. Но вряд ли надоело драться. Драться, да не там, не так.

И ты увидел, наконец, Арбат, опять войну — не детскую, как прежде, не задорно-шуточную, нет, но настоящую войну, братоубийственную, с треском пулеметов, с завыванием гранат. Туго пришлось тебе, твоим спокойным переулкам, выросшим на барственности, на библиотеках и культурах, на спокойной сытости, изящной жизни. Неделю ты прислушивался, как громили бомбами, ныне не Пресню уж, а самый Кремль. И за дверьми, за ставнями шептал: «Не может быть, нет, невозможно!»

Но пока шептал, уж новое пришло на твои камни, в серенькие дни ноябрьские, спустилось крепкой, цепкой лапой, облепило стены сотнями плакатов и декретов, выпустило новые слова, слуху несвычные, захватило банки, биржи, магазины и твои, спокойный, либеральный и благополучный думец, сейфы и бриллианты.

Ты же протирал глаза, о обыватель, гражданин и пассажир международных вагонов, посетитель вод, Карлсбадов, Киссингенов; ты, страдавший ожиреньем сердца, ощутил, что все заколебалось в смутном дьявольски-бесовском танце. Проносились новые автомобили, грузовые, полные людей вооруженных, тех же серых все героев; заработала машина смерти; заработала машина голода. И прежние подвальники, и медники, и вся мастеровщина, туго жизнью пригнетенная, из щелей повыползала, из темных нор своих и вверх задвигалась. «Попировали, и довольно! Нынче наш черед!»

Выходи, беднота, тьма, голь и нищенство, подымай голос, нынче твой день.

IV

В январе толпы героев серых, возвращающихся с брани. Ночью, отлипая смутными гурьбами от площадок, крыш вагонов, буфетов тех поездов, что добирались кое-как до Брянского, хмурые и молчаливые, с котомками через плечо, валят они валом неслабнущим в темноте Арбата к площади. «Эй, товарищ, как к Рязанскому?» Все Русь и Русь. Рязань, Тамбов, Саратов, все спешат домой, подальше от окопов, смерти хладной, голода. Грязь, вши и мрак. Грязь, хлад в Москве, стон, вой и мерзость и в вагонах тех, куда спешат, стремятся на родину — в ту же мразь беспросветную. Арбатский житель, с ними повстречавшись, пожимается, карманы попридерживая — впрочем, пусто в них, как и в желудке,— но сермягам и не до его карманов. Может быть покоен. А последнее пальтишко стащут с него в переулке, вежливо прикладывая дуло револьвера к уху. Ну, что ж, давать так отдавать! Все равно нету ничего. Ни дров, ни хлеба, ни угла — скитайся, голь, святая бедность! И скитаются и мерзнут темной ночью, в сумраке пустынных ветров.

Но и утро занимается над городом. Пробрели все серые герои, призакончились убийства, грабежи и казни — солнце продирается в туманах инея, в огнезлатистых пеленах, столбах жемчужно-радужных. Пар от всего валит, что дышит. Как много серебра, как дешево оно! И на усах, и на обмызганных воротниках пальтишек людей жизни новой. Люди новой, братской жизни, парами и в одиночку, вереницами, как мизерабли долин адских, бегут на службу, в реквизированные особняки, где среди тьмы бумаг, в стукотне машинок, среди брито-сытых лиц начальства в куртках кожаных и френчах будут создавать величие и благоденствие страны. Вперед, вперед! К светлому будущему! Братство народов, равенство, счастье всесветное. А пока что все ворчат. И все как будто ненавидят ближнего. Тесно уж на тротуарах, идут улицей. Толкаются, бранятся. Барышня везет на саночках поклажу. Малый со старухой, задыхаясь, тащит на веревке толстое бревно, откудато слимоненное. А магазины, запертые сплошь, уныло мерзнут промороженными стеклами. И лишь «Закрытые распределители» привлекают очереди мизераблей дрогнущих — за полуфунтом хлеба. Да обнаженные витрины двух иль трех советских лавок выставляют пустоту свою. Но не задумывайся, не заглядывайся на ничто: как раз в морозной мгле ты угодишь под серо-хлюпающий, грузный грузовик с торчащими на нем солдатами, верхом на кипах, на тюках материи иль на штанах, сотнями сложенных. А может задавить автомобиль еще иной — легкий, изящный. В нем, конечно, комиссар — от военно-бритых, гениальных полководцев и стратегов, через товарищей из слесарей, до спецов, совнархозов — эти буржуазней и покойней. Но у всех летящих общее в лице: как важно, как велико! И сияние славы и самодовольства освещает весь Арбат. Проезжают и на лошадях. Солдат на козлах или личность темная, неясная. В санях, за полостью, или второстепенный спец, или товарищ мастеровой, но тоже второстепенный, в ушастой шапке, вывороченной мехом куртке. Это начальство едет заседать, решать, вязать. С утра весь день будут носиться по Арбату резвые автомобили, снеговую пыль взрывая и гудя. Чтоб не было для них ухабов, обыватель, илот робкий разгребает и вывозит снег. Барышни стучат лопатами; гимназисты везут санки. И солидные буржуи, отдуваясь, чистят тротуар. Профессора семьями тусклыми везут свои пайки в салазках; женщины бредут с мешками за плечами — путешественницы за картофелем, морковью. В переулках близ Смоленского торгуют молоком, дровами, яйцами. Мальчишки выкликают: «Папиросы рассыпные, «Реже», «Ява», «Ира»!» И краснощекие красноармейцы, молодые люди, в галифе, брито-сытые, с красной пентограммой на фуражках, отбирают себе «Иру». Полусумасшедшая старуха, в рваной кофте и матерчатых полусапожках, широко расставив ноги, бредет с палкой и бессмысленно бормочет: «Помогите! Помогите!» — и протягивает руку. Старый человек, спокойный, важный, полузамерзающий, в очках, сидит на выступе окна и продает конверты — близ Никольского. А у Николы Чудотворца, под иконой его, что смотрит на Арбат, в черных наушниках и пальто старовоенном, с золотыми пуговицами, пристроился полковник, с седенькими, тупо-заслезившимися глазками, побелевшим носом, и неукоснительно твердит: «Подайте полковому командиру!» Рыцарь задумчивый, задум-

чивый рыцарь с высот дома в Калошином, вниз глядит, на кипение, бедный и горький бег жизни на улице, и цепенеет в седой изморози, на высоте своей. А внизу фуры едут, грузовики с мебелью. Столы, кровати, умывальники; зеркала нежно и небесно отблескивают, покачиваясь на толчках. Люди в ушастых шапках, в солдатских шинелях, в куртках кожаных въезжают и выезжают, из одних домов увозят, а в другие ввозят, вселяют, выселяют, все перерывая, вороша жизнь старую. Туго старой жизни; притаилась в тихих переулках, думает, гадает, выселяется и тащит на Смоленский кружева, браслеты, чашки, шали, юбки, мундштуки, подсвечники и кольца и спускает мужичкам, красноармейцам, спекулянтам, чтобы купить проклятой пшенки, радости советской. И все ждет и надеется: «Ну, теперь уж близко!» «Слышали, ведь заговор. Нет-с, когда и среди них пошли раздоры, это агония!» Но от разговоров не слабей морозы, не дешевле дрова краденые — и дороже пшенка.

И теперь узнал поэт золотовласый, что есть печка дымная, что есть работа в одной комнате с женой и дочкой, что есть пуд картошки мерзлой, на себе тащимой с Курского вокзала. Но все так же, не теряя жизненности, силы и веселья, пробегает он по правой стороне Арбата, ловя взоры девушек. По левой же все так же пролетает и поэт бирюзоглазый, сильно поседевший, в пальто рваном и шапчонке тертой — он спешит на лекцию, на семинарий, в пролеткульт и пролетдрам, политотдел и наробраз и в словах новых будет поучать людей новейшим, старым откровениям писаний.

Так идет, скрипит, стонет и ухает, гудит автомобилями, лущит семечками, отравляется денатуратом, выселяется и арестуется, жиреет и околевает с голоду жизнь на улице-долине, в улице, ведущей от Николы Плотника к Николе на Песках и далее к Николаю Явленному. Средь горечи ее, стонов отчаяния, средь крови, крика, низости, среди порывов, деятельности, силы и ничтожества, среди всех образов и человека, и животного — всегда, в субботний день пред вечером, в воскресный — утром, гудят спокойные и важные колокола Троих Никол, вливаясь в сорок сороков церквей Москвы. На зов их собирается различный люд. И старый, молодой, и бедный, и богатый. Из холодающих углов идут старухи, чья судьба недолга; из уплотненных, некогда покоев важных — фрейлины, аристократки. Лавочники лысые, и мелкие служащие, и девушки, какие-то из скромных — может быть, из тех, что надрывались днем, таща бревно, работая на кухне, добывая пшенку. Интеллигент русский, давняя Голгофа родины, человек невидный и несильный, перекрестит лоб. И матери, и сестры, и невесты, что оплакивают ближних, пожранных свирепой жизнью. Наконец, даже и ты, солдат-красноармеец, воин новой жизни. Все сюда собрались, все равны здесь, равенством страдания, задумчивости, равенством любви к великому и запредельному, общего стояния пред Богом.

Служат старые священники. Есть, впрочем, также молодые, но иные уж, чем раньше; все иное. Все попроще, побледней и будто строже. Будто многое отмылось, вековое, цепеневшее. И будто бы Никола сам, помощник страждущим, ближе сошел в жизнь страшную.

Колокола звонят. Свечи теплятся. Ризы сияют на иконах, хор поет. Любовь, спокойный, светлый мир зовет. «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою Вы». И снова, и снова, как Рахиль древняя, как Мария Матерь Господа, омывает мать слезами постаревшее свое лицо, мать над сыновним трупом, над женихом невеста и сестра над братом. И сердца усталые, души, в огне мятущиеся, души, грехом палимые, изнемогшие под грузом убиенных,— все идут сюда, быть может, и палач, и жертва, и придут, доколе живо сердце человеческое.

Хор поет призывно: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение». Девушки в платочках беленьких, как сестры милосердия, прислуживают при служении.

V

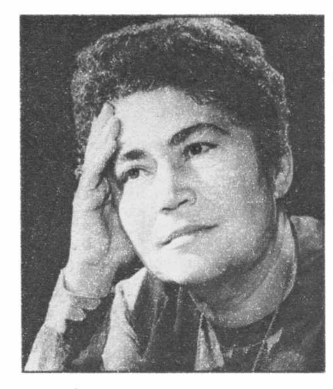
Образ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой сутолоки, любви, надежд, успехов и меланхолий, веселья и стремления — это ты, Арбат. Ты и шумел и веселился, богател и беззаботничал — ты поплатился. По тебе прошли метели страшные, размыли тебя и замертвили, выели все тротуары твои, омрачили, холоду нагнали по домам, тифом, холодом, голодом, казнями пронеслись по жителям твоим и многих разметали вдаль. Залетел опять, как некогда, поэт золотовласый в чуждые края; умчался и поэт бирюзоглазый к иностранцам. Многие поумирали. А кто выжил, кто остался, те узнали, жизнь, грозный и свирепый лик твой. Из детей стали мужами. Окрепли, закалились, поседели. Некогда уж больше веселиться и мечтать, меланхоличничать. Борись, отстаивай свой дом, семью, детей. Вези паек, тащи салазки, разгребай сугробы и коли дрова, но не сдавайся, русский, гражданин Арбата. Много нагрешил ты, заплатил недешево. Но такова жизнь. И не стоит на месте. Налетела буря, пронеслась, карая, взвешивая, встряхивая,— стала тихнуть. Утомились воевать и ненавидеть; начал силу забирать обычный день — атомная пружина человечества. Снова стал ты изменяться, сам Арбат. И с удивлением взирает рыцарь в латах, рыцарь задумчивый с высот Калошина, что человек опять закопошился за витринами магазинов и за дверками лавчонок, мастерских; что возится и чинит плотник, и стекольщик заменяет пулями пробитый бём на новый, и старательной расписывает живописец вывеску над булочной. Вновь толпа нарядней. Вновь стремятся женщины к одеждам, а мужчины — к деньгам. Вновь по вечерам кафе сияют, и из книжных магазинов книги смотрят, и извозчики снуют. Блестит Арбат, как полагается по вечерам. И тот же Орион, семизвездием тайнопрельщающим, ведет свой путь загадочный в пустынях неба, над печально-бурной сутолокой людей.

А ты живешь в жизни новейшей, вновь беспощадной, среди богатых и бедных, даровитых и бездарных, неудачников, счастливцев. Не позабывай уроков. Будь спокоен, скромен, сдержан. Призывай любовь и кротость, столь безмерно изгнанных, столь поруганных. Слушай звон колоколов Арбата. В горестях, скорбях суровых пей вино благости, опьянения духовного, и да будет для тебя оно острей и слаще едких слез. Слезы же приими. Плачь с плачущими. Замерзай с замерзшими и голодай с голодными. Но не гаси себя и не сдавайся плену мелкой жизни, мелкого стяжательства ты, русский, гражданин Арбата.

И Никола Милостивый, тихий и простой святитель, покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззаступных, распростерший над твоею улицей три креста своих, три алтаря своих, благословит путь твой и в метель жизненную проведет. Так, расцветет мой дом, но не заглохнет.

А старенький, седой извозчик, именем Микола, проезжавший некогда на санках по Арбату на клячонке Дмитровской, тот немудрящий старичок, что ездил при царе и через баррикады, не боялся пуль и лишь замолк на время,— он уж едет снова от Дорогомилова к Большому Афанасьевскому.

Москва, 1921 г.

Сильва КАПУТИКЯН

ПОЭТЫ

Памяти Гарсиа Лорки

Дайте говорить поэтам!
Свою тяжелую длань, тяжкую,
словно камень,
Не опускайте на их уста.
Под тяжестью камня злак зачахнет,
Не станет колосом;
Родник, наткнувшись на камень,
в отчаянье
Повернет обратно
В земные недра.
Дайте говорить поэтам!
Они приходят редко,
Иногда между ними века,
Но они вбирают в себя дух
И таланты всех,
Кто жил до их появленья,
Кто придет после их ухода.
Их слова — как итог,
Как сгусток всего, о чем в эти годы
Молчали и говорили;
Все это они должны исторгнуть
Из бездны души.
От имени тысячи тысяч
Дайте говорить поэтам!
На границе между прошлым
и будущим
Они, словно антенны, принимают и
передают
Голоса из прошлого в будущее,
И, стоит сорваться их голосу,
Нарушится связь времен!
Дайте говорить поэтам!
Через них от столетья к столетью
Передаются гены
Чаяний человечества:
Космонавта уносят к звездам
Сгоревшие крылья Икара.
Не отнимайте у века безумство,
мечту и песню,—
Дайте говорить поэтам!
Дайте им говорить!
От их простодушного лепета,
Обновляясь и молодея, превращается
в малыша
Старый земной шар.
От выдоха их стихов,
Как от дыханья деревьев,
Очищается воздух, обогащаясь
озоном:
От раската их гневных строк
Над землей разряжается небо.
Не мешайте взаимообмену строки и
земли —
Дайте говорить поэтам!
Недостроенный дом
Когда-нибудь с опозданием все же
достроят.
Неверный расчет
Когда-нибудь с ущербом, но все же
исправят;
И только распятое слово
Никогда не воскреснет,
Задавленное, невысказанное,
Слово бесследно загинет.
Задушить слово все равно,
что младенца
Задушить в материнской утробе,—
Дайте говорить поэтам,
Пусть они говорят!

В НЬЮ-ЙОРКЕ

Твердо говорю:
Этот город мой.
Эта победа земной руки,
Вскинутая в схватке
С без труда сотворенными господом
небесами,
Моя.
Мои
Не из вулкана —
Изверженные из кратера
человеческой мысли,
Смутившие уровень моря,
Дерзко вздыбленные камень, бетон,
металл,
Переливающиеся стеклом и огнями.
Мои
Внезапно окаменевшие на пути к небу
Крылатые летящие формы.
Эти бетонные трубы
Гигантского неупорядоченного
органа,
Оглашающего симфонию безумного
века,
Мои.
Эти исполинские
Стремительные мосты,
Верные древнему назначению,
Когда лишь бревнами и ветвями
Берег соединялся берегом,
Мосты, что вносят в могучую
какофонию
Ноту древней тоски,
Тоже мои.
Свет, воспарящий по этажам,
Застывающий в воздухе,
Словно горный хребет,
Перекрещенный множеством
освещенных окон,
Тоже мой.
Пластика материала, покорная
человеку,
Скользяще-сверкающая красота
машин,
Многоликость глины, мрамора
и стекла,
Все, все,
Подтверждающее силу рук
И человеческой мысли,
Твердо говорю:
Мое.

И еще говорю:
В Гарлеме,
На сумрачном этаже,—
Надежде и клубе квартала,
Я встретила художницу.
Она посвящала чернокожих
подростков
В таинства светотени.
Была молчалива.
Печаль ее глаз была черней ее кожи.
Ее брат (на портрете — лицо
тонкой лепки,
Задумчивый взгляд студента)
Обвинен в убийстве
И брошен в тюрьму,
Ее брат, Вильям Энтони Мейнард...

Сестра была печальной и гордой.
Посерьезнев и обратившись в слух,
Окружали ее подростки,
Тайны белого и черного познавшие
с детства.
Эта сестра
Перед внезапно окаменевшими
на пути к небу
Крылатыми, летящими формами
Сама окаменела...

Ее горе тоже мое.

Перевод с армянского
Владимира КОРНИЛОВА.

АЛЛА ДЕМИДОВА: ЭНЕРГИЯ ПОЭЗИИ И СТРАСТИ

На Западе ее называют русской Гретой Гарбо. По-моему, подмечено верно. И дело даже не в сходстве внешнем, а в том редком, удивительном даре, которым с таким совершенством владела знаменитая шведка и который переводится на язык киноведческих терминов как «presence» — «присутствие». Алла Демидова всегда присутствует. Если она в кадре или на сцене, мы готовы следить за ней неотрывно, боясь упустить даже мгновение ее крупных планов, неспешных проходов, молчаливых пауз. Как никто из наших актрис, она владеет словом, стихом, поэтическим ритмом. И, как никто, умеет молчать, держать паузу. Порой возникает такое чувство, что чужие слова ей только мешают. Невольно думаешь: если это не Шекспир и не Чехов, Демидова может сочинить не хуже. Ее трудно вообразить исполнительницей чужой воли, приказов, показов, хотя вся ее жизнь связана с Театром на Таганке, где режиссерские авторитет и воля были непререкаемы. Демидова прежде всего актриса-автор, создатель. Владимир Высоцкий, ее многолетний друг и партнер, выразился точнее: «Алла — гениальный конструктор».

Она не из тех, кому часто везет, свое имя, карьеру, репутацию она создавала сама. С основательностью дипломированного политэконома (до того как стать актрисой, Демидова успела окончить МГУ и даже преподавала там несколько семестров) она выстраивала свои роли, выверяла каждую реплику, конструировала жесты, походку, облик, добиваясь предельной внешней выразительности при абсолютной внутренней дисциплине эмоций. Так она играла Гертруду — эту бесплотную сияющую леди тьмы, Раневскую — полубезумную сомнамбулу, бродящую по кладбищенским плитам похороненного Вишневого сада, кроткую, лучезарную старуху Милентьевну в абрамовских «Деревянных конях» и даже эпизодическую Пульхерию Раскольникову («Преступление и наказание») — истовую фанатичку с воздетыми к небу руками. Все ее героини существовали в каком-то условном, внебытовом измерении, почти не соприкасаясь с жизнью других персонажей, дышали другим воздухом — высокогорным воздухом трагедии.

Новая роль Аллы Демидовой — Федра. Пока идут репетиции. До премьеры еще далеко. Но замысел ясен: синтез музыки, пластики, слова. Впрочем, лучше об этом расскажет сама актриса.

— Насколько мне известно, образ Федры привлекал вас давно. Вы внимательно изучали трагедию Расина и другие сценические и поэтические воплощения этого мифа, пытаясь найти то, что вам ближе всего. Почему вы в конце концов остановились на Цветаевой? Почему именно цветаевская трактовка показалась вам интереснее всех прочих?

— Действительно, о Федре я думала давно. Наконец прочла цветаевскую пьесу в недавно вышедшем двухтомнике. Чем она меня привлекла? Тем, пожалуй, что через это произведение можно соединить судьбу поэта и художественный вымысел, биографию поэта и творчество. В «Федре» Цветаева как бы предсказала свой конец. Ведь Федра у нее вешается в отличие, например, от трагедии Расина, где она принимает яд. Там заявлены очень лично цветаевские проблемы. Собственная трагедия. Ее отношение к молодым, к молодости, к сыну.

Вот почему я появляюсь на сцене в цветаевском пальто. В таком же она прибыла в Москву из Парижа. Парижское пальто, но очень скромное.

Спектакль начинается с нащупывания ритма, который находится не сразу. Это продолжается всю первую сцену, сцену охоты. Я — «поэт» — ищу его вместе с тремя молодыми актерами и раздаю им реплики, не деля пока на персонажи. Вдыхаю в них жизнь. Потом выяснится, что реплику «Нам в женах нужды несть!» получил будущий Ипполит. Другой — черная сила, подсознание. Он же сыграет кормилицу. Я сначала думала читать сцену Федры с кормилицей одна за двоих, но цветаевский слог и без того сложен, так что этим приемом можно было бы вконец запутать зрителя. Поэтому роль кормилицы передана «черному подсознанию» Федры. Третий становится Тезеем. Но пока они все равны. Ритм схватывается к концу сцены охоты. Каждый получает свой плащ. Все определяются точно, даже костюмно. И тут я становлюсь Федрой, становлюсь за счет пластики. Кроме пластики ничего. На нее вообще падает больше половины нагрузки. Это не пантомима и не современный балет, хотя мы идем от свободного танца Бежара и Марты Грехем. Наша задача — через ритм, музыку (для этого спектакля ее написал Эдисон Денисов, ставит движения Валентин Гнеушев) соединить балетную пластику и слово. И в принципе это никому не удавалось. Поэтому очень многие, узнав о предпринимаемой нами попытке, проявляли доброжелательность, интерес, приходили посмотреть, помочь. Так, например, помог нам Альберто Алонсо, известный балетмейстер, зашедший поглядеть на одну репетицию и оставшийся работать с нами на все дни своего пребывания в Москве. Он основательно очистил нам пластику. Мы нафантазировали много лишнего, и он со свойственным ему великолепным здравым смыслом поставил все на свои места. Постановщик спектакля Роман Виктюк во главе группы актеров ездил к Бежару, когда тот был в Ленинграде. К нам приезжал ведущий танцовщик Бежара—Хорхе Донн. Он вроде бы не подсказал нам ничего особенного, но очень много дало само общение с ним. Надо было видеть, как он сидел, смотрел, независимый от внешних влияний, от публики, зрителей, проникая во внутренний мир спектакля. В нем чувствовалось душевное богатство, человеческое достоинство большого артиста.

— Вы выступаете со сцены, на радио, на телевидении с циклами стихов разных поэтов. Я знаю, что для вас это важная часть актерской работы. Не она ли подвела вас к новой роли Федры, помогла проникнуться ролью автора — поэта Марины Цветаевой?

— Начало было положено в работе над стихами Ольги Берггольц. Я не люблю актерское чтение. Мне ближе авторское. А для этого надо почувствовать себя автором, вжиться в биографию. Чтобы стихи шли изнутри, как будто ты сама их сочиняешь. Я ведь до конца работы над фильмом «Дневные звезды» сознательно не слушала, как Ольга Берггольц читает свои стихи, искала свой путь. А потом выяснилось, что читаю очень похоже на Берггольц. После того как я прочла цикл стихов Блока на телевидении, я получила письмо от известного литературоведа, знатока русской поэзии начала XX века Алянского; он писал, что я читаю очень похоже на самого Блока, в его мелодике, в его ритмике. Письмо это есть у меня, и обрадовало оно не как комплимент, а как подтверждение правильности выбранного мною пути. Пути, по которому я надеюсь, если удастся, идти и в работе над Цветаевой.

В конце спектакля звучат два ранних цветаевских стихотворения: «Ипполит! Ипполит! Болит!» и послание Федры. «Ипполит» я исполняю как плач над умершим, но это уже плач поэта. Это так называемый «елабужский» кусок. Отсюда — и аскетизм в оформлении и костюмах, отсюда — и перевернутый киот с выбитыми образами. Я как-то очень хорошо представляю себе эти последние десять дней жизни Цветаевой. Уже довольно давно, в конце шестидесятых, во время гастролей театра в городе Набережные Челны я была в Елабуге, ходила по улицам, была на кладбище, видела дом — последнее цветаевское прибежище. И возникло внутреннее понимание.

Влияние Цветаевой мы очень ощущаем. Когда что-то не идет, репетиция не клеится, заболевают актеры, мы решаем, что где-то ее обидели, сделали не то, ищем, где.

— Вы часто так или иначе говорили, что актерская техника неотделима для вас от духовного начала. Более того, вы много ищете и экспериментируете, пытаясь нащупать некие четкие категории, которые позволили бы вам превратить понятие «духовность» из чего-то весьма абстрактного в конкретное, найти в нем не менее твердые опоры для актера, чем опора на выверенный жест, хорошо поставленный голос... Понятно, что все эти поиски неотделимы и от нынешнего спектакля, от «Федры».

— В работе над спектаклем мы занимались тем, что я для себя называю «энергетикой».

Актер может брать энергию от зрительного зала, а может посылать ее в зрительный зал. Все это можно очень четко зафиксировать. Мы стремимся к тому, чтобы посылать энергию в зрительный зал. Причем посылать энергию положительную, окрашенную добрыми чувствами. Театр должен врачевать. Думаю, придет время, когда энергию злую будут фиксировать как радиацию. А студентов будут прежде всего проверять: может ли будущий актер делиться энергией со зрительным залом, способен ли ее посылать со сцены.

Однако может показаться, что чем темпераментнее сыграешь, тем больше пошлешь энергии в зал. Это не так. На одном из представлений «Вишневого сада» присутствовали ученые с приборами, фиксирующими отдаваемую или забираемую энергию. После спектакля я попросила их задержаться, проверить еще раз меня. Начинаю очень темпераментный кусок, рассчитывая здесь-то и выиграть, а стрелка прибора ползет к нулю. Я забираю у зрителей энергию. Тогда начинаю действовать по-другому: играю вроде бы негромко, но все время держу образ внутренним зрением. И стрелка ползет вверх. Количество посылаемой мной энергии возрастает.

Энергия, если она есть, способна быть двоякой: и положительной, и негативной. Воздействовать на зрительный зал негативной энергией легче, но это не наш путь. И не к тому мы стремимся в спектакле. Мы хотим, чтобы при всей трагичности в зрителях пробуждались светлые и добрые чувства. К этому и направлены все наши поиски.

Беседу вел Алексей БИРГЕР.

Фото Николая ГНИСЮКА

«МЫ УМЕЕМ НА СЦЕНЕ РАСПАХИВАТЬСЯ,
РАСКРЫВАТЬ СВОИ ДУШИ.
ЭТО РЕДКОЕ СВОЙСТВО, НАВЕРНОЕ,
ТОЛЬКО РУССКИХ АКТЕРОВ.
НО ПОРОЙ ТАМ ОКАЗЫВАЕТСЯ
ТАКАЯ ПУСТОТА, ТАКАЯ ГНИЛЬ,
ТАКАЯ ЛОЖЬ, ПРИЧЕМ
УВЕРЕННАЯ В СВОЕЙ ПРАВДЕ...
НАМ НАДО ОЧИЩАТЬ СВОИ ДУШИ.
К СЧАСТЬЮ, У НАС ЕСТЬ
ИСТОЧНИКИ И КОРНИ,
НАША КУЛЬТУРА».

Вадим КИРЮХИН,
Анатолий БОЧИНИН (фото)

АКТ

Нет, это не фигурное катание и не балет на льду. Вы видите театр ледовых миниатюр. Перед вами, может быть, еще не вполне окрепший, недостаточно экипированный, но живой и настоящий театр...

Гаснет свет, умолкает музыка. Неожиданный луч, вспыхнув, находит на арене одинокую фигурку, похожую на Чарли. Вот несколько шажков вперед — да, точно, это он, великий персонаж великого мастера. Ему снова предстоит плакать и смеяться, убегать и догонять, проделав путь из своего времени до наших

См. в номере материал «Актеры на льду». Стр. 30.

...ТЕРЫ НА ЛЬДУ

Не правда ли, странно звучит слово «актер» по отношению к человеку на коньках! Многие, вероятно, помнят еще давние дискуссии о том, искусство фигурное катание или спорт? Тогда, кажется, дело кончилось компромиссом. Однако театру Игоря Бобрина пришлось сегодня решать этот вопрос заново и всерьез.

МИМОЛЕТНАЯ ФИНЛЯНДИЯ
VIKING LINE
SATAMALAITOS-HAMNVERKET

Осенью 1987 года группа советских журналистов побывала в Финляндии. В эти дни страна Суоми готовилась отметить семидесятилетие своей независимости. Ему был посвящен и традиционный фестиваль в Хельсинки, на который были приглашены советские гости.

А. КИВИ

СТРАНА СУОМИ

Страна долин, холмов и гор,
Красивейшая с давних пор,
В сиянье северных огней,
При ясном свете летних дней,
Зимой и летом див полна,
Что за чудесная страна!

Там в тысячах озер всегда
Ночная светится звезда,
Там кантеле звенит струной,
И сосны в золотом песке,
Звенят вблизи и вдалеке:
Вот здесь Суоми, край родной!

Мне не забыть, пока живу,
Родного неба синеву,
И солнца раскаленный свет,
И месяца над рощей след,
И дым, летящий в небеса,
Когда для пашен жгут леса.

Теперь любимая земля
Навеки наша; и поля,
Колышущие хлеб вокруг,
И веющий прохладой луг,
И темные как ночь леса,
И синих рейдов пояса.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

Многое может открыть человеку, интересующемуся историей русской культуры, пребывание на финской земле. Разве не интересно, например, познакомиться со знаменитой Славянской библиотекой, одним из крупнейших за границей собраний книг на русском и славянских языках? С 1820 по 1917 год библиотека Хельсинкского университета получала обязательные экземпляры всех печатных изданий, выпускаемых в Российской империи. В Уставе о цензуре было сказано: «Цензурные Комитеты и отдельные Ценсуры, получая сверх означенных выше в § 42 двух, еще по три экземпляра каждой вновь отпечатанной книги, отправляют немедленно из оных один в Императорскую Публичную Библиотеку, один в Гельзингфорский Александровский университет и один в Главное Управление цензуры». Ясно, какие книжные сокровища собирались в Славянской библиотеке. Ведь правом обязательного экземпляра тогда не обладал ни один университет в России.

На Сенатской площади Хельсинки, в самом красивом в столице Финляндии здании, построенном в стиле ампир выдающимся архитектором Карлом Людвигом Энгелем, размещается Университетское книжное собрание. Когда-то здесь находились и русские книги. Теперь их количество настолько увеличилось, что Славянская библиотека занимает отдельное помещение.

Директор Университетской библиотеки профессор Э. Хякли с гордостью рассказывал нам о ее коллекциях. И здесь перед нами открылись истинные сокровища духа, увидели мы и замечательные исторические реликвии. Ведь недавно тут были найдены тома из книжного собрания М. В. Ломоносова. Почти полтора века искали библиотеку великого ученого, «Петра Великого русской литературы». И наконец часть ее была обнаружена в Хельсинки. Теперь исследователи проследили путь книг Ломоносова и установили, что поступили они сюда в начале прошлого века. Тогда в Гельсингфорс передал уникальное собрание книг — около 24 тысяч томов — внебрачный сын великого князя Константина Павловича, ротмистр П. П. Александров. Оно включало книги из Гатчинской большой библиотеки и Библиотеки Мраморного дворца. Здесь-то и были книги Ломоносова. Но о них никто не знал. Потребовалась поистине гигантская, кропотливая работа советских и финских ученых-архивистов, чтобы найти в этом книжном море тома с владельческими надписями и пометами М. В. Ломоносова.

Недавно около пятидесяти этих книг-реликвий были переданы в Библиотеку Академии наук СССР. А на столе профессора Э. Хякли мы увидели еще несколько томов, которых когда-то касались руки гениального сына России. Поиск книг Ломоносова продолжается.

Рассматривая старые книги в Славянской библиотеке, перелистывая столетней давности журналы и газеты, знакомые альманахи и никогда некоторыми из нас не виданные ученые записки архивных губернских комиссий России, мы постоянно помнили, что именно здесь, на финской земле, в нескольких десятках минут пути по морю от Хельсинки родился человек, чье имя стало олицетворением чести и достоинства русской литературы,— Виссарион Григорьевич Белинский. Всего несколько дней мы были в Финляндии, но не могли не посетить старинную крепость Суоменлинна (Свеаборг), которая охраняет вход в хельсинкскую гавань. Именно здесь, в Свеаборге, родился Белинский. Мощные бастионы крепости и сейчас производят весьма внушительное и грозное впечатление.

Продолжение на стр. 25.

●

Центр Хельсинки выстроен в стиле ампир. Сенатская площадь и лютеранский Кафедральный собор.

●

Монумент великому финскому композитору Сибелиусу работы скульптора Эйлы Хилтунен в парке Сибелиуса.

●

Мужской хор из Швеции в знаменитой, целиком встроенной в скалу церкви Тайвааллахти, одной из привлекательных достопримечательностей столицы Финляндии.

●

В порту Хельсинки.

●

Рыночная площадь и президентский дворец.

●

В столице Финляндии можно услышать старую шарманку.

Фото Владимира ЕНИШЕРЛОВА и Сергея ПЕТРУХИНА

«ТАЙМ МЕНЕДЖЕР» СОВЕТУЕТ

СТРАНЕ НУЖНЫ КОНСУЛЬТАНТЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ. ОНИ У НАС ЕСТЬ, НО...

«ТМИ» предупреждает: личное развитие — процесс, требующий ухода. «Это работа на всю жизнь». И не поспоришь, потому что «ТМИ» («Тайм менеджер интернэшнл») разработала и уже опробовала полный курс личного развития.

Три книжечки курса, да и лекция, которую я слушаю, содержат уйму практических советов и рекомендаций. Я немного в них запутался; может, потому, что не овладел методикой «ТМИ», но и оттого, что есть в ней сложности ради сложностей.

Не хочу начинать с критики, перескажу то, что понравилось: несколько советов. Делать дело набело с первого захода. Создать обзор работы, выработать чувство контроля над ситуацией. Делать сейчас, не откладывая,— решающее для вашей личной эффективности. Выделить главное («слоновую задачу», по терминологии «ТМИ»). Создавайте вариации в вашей жизни...

Все это не абстрактные пожелания, это конкретика, оснащенная инструментально,— датская фирма разработала конструкцию делового блокнота; в нем есть свои странички и для главных целей, и для текущего планирования, и всякие хитрости, призванные повысить вашу организованность и деловитость.

— Тщательное планирование является существенной предпосылкой успеха личной деятельности,— говорит Клаус Мёллер. Сегодня он лектор по менеджменту, а по занимаемому посту—президент датской фирмы «Тайм менеджер».— Небрежное планирование дает ошибки и долгое исполнение. Владея четкими планами на день, на неделю, на год, вы не дадите сбить себя с пути...

...«Тайм менеджер» приехал к нам с лекциями, с демонстрацией инструментария, призванного помочь выполнению «бумажной» работы, решению управленческих и творческих задач. «ТМИ» учит принципам персонального планирования и управлению временем. Клаус Мёллер и его помощники уже отчитали курс на одном из предприятий Ленинграда, собираются в Харьков. А сегодня мы собрались в Риге. В немалой степени инициатором этой встречи был Г. Я. Пиладзис, директор рижского «Коммунальника», партнера «ТМИ». Эти две фирмы наметили обстоятельную программу сотрудничества, вплоть до планов производства у нас деловых блокнотов типа «Тайм менеджер». Пусть выпускают, коль предприятия нашего Минлесбумпрома так и не справились с простой задачей создания блокнота для делового человека.

Но я погрешил бы против своих ощущений и наблюдений, если бы не сказал вот о чем. Курс «ТМИ» не представляется особым откровением. Он чем-то вторичен, повторяет известное специалистам. Собственно, в этом нет ничего плохого, опыт есть опыт. Но я хочу сказать, что и в нашей стране, в ее прошлом есть превосходные работы, прежде всего Керженцева и Гастева. При некоторой модернизации они составили бы полезную учебно-методическую программу. Помимо того, в Московском государственном историко-архивном институте, на факультете делопроизводства, создан центр управленческого консультирования.

Надеюсь, этими замечаниями не нарушаю ни законов гостеприимства, ни правил делового тона. И говорю об этом вовсе не для того, чтобы бросить тень на полезную совместную работу «Коммунальника» и «Тайм менеджер».

Константин БАРЫКИН, специальный корреспондент «Огонька»

Рига.

ТЕННИСНЫЕ ПРИЗЫ «ОГОНЬКА»-87

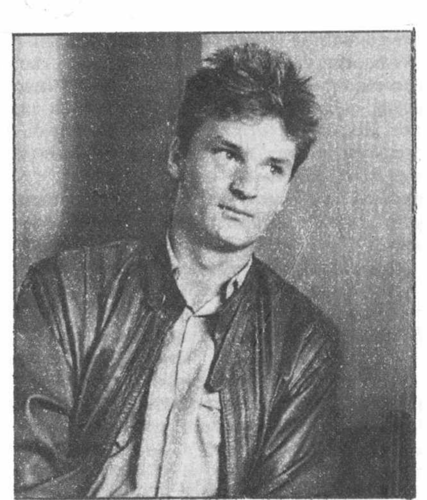
По итогам минувшего сезона традиционные теннисные призы «Огонька» за лучшие достижения на международной спортивной арене присуждены молодым мастерам ракетки — минчанке Наталье ЗВЕРЕВОЙ (тренер М. Зверев) и калининградцу Александру ВОЛКОВУ (тренер В. Шкляр).

Наташа в этом году завоевала звание чемпионки мира среди девушек, выиграв, за исключением чемпионата Австралии, в котором не принимала участия, все турниры «Большого шлема» — открытые первенства Франции, Италии, США и Уимблдон. Международная федерация тенниса признала ее одной из самых перспективных спортсменок года и удостоила специального приза. Уверенно заявила она о себе и среди взрослых. В 16 лет Н. Зверева вторично становится обладательницей теннисного приза «Огонька».

Успехи 20-летнего Александра Волкова пока скромнее, но и конкуренция в мужском теннисе гораздо более сильная. Единственный из советских теннисистов, он нынешним летом пробился в лидирующую группу участников Уимблдонского турнира. Кроме того, А. Волков отличился на турнирах серии «Гран-при» во Франции и в Лондоне, войдя в число шестнадцати сильнейших, причем последним его соперником там оказался сам И. Лендл.

Мы поздравляем наших лауреатов и желаем им дальнейших успехов.

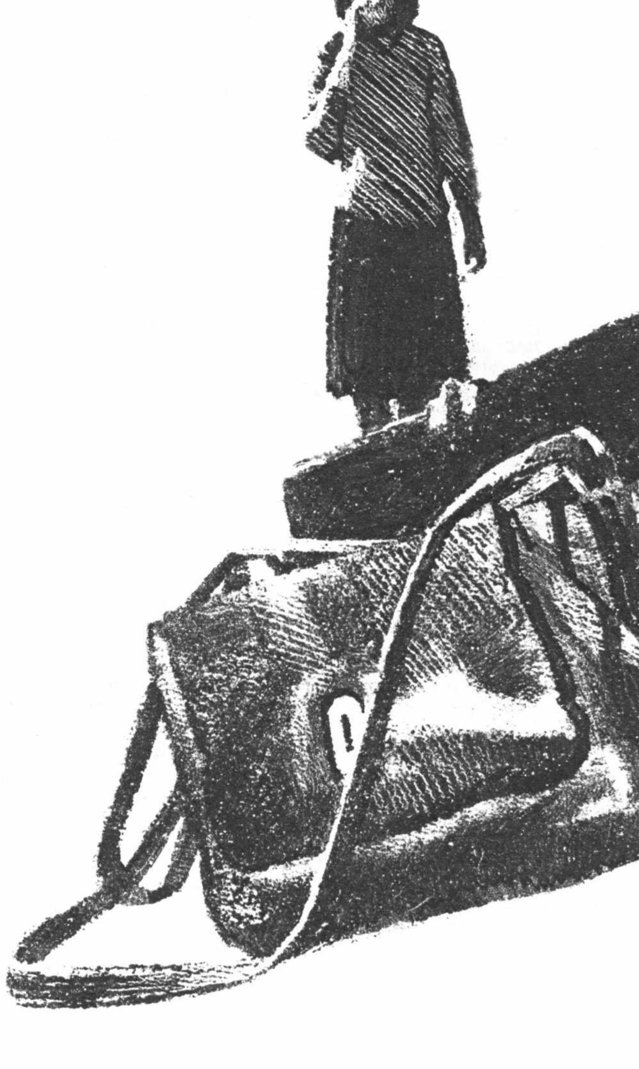

КЛЮЧИ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

В Москве в квартире Татьяны Никитиной был убит ее первый муж Анатолий Никитин. От Татьяны и матери погибшего стало известно, что Никитин, врач по образованию, ушел с работы и в последние годы числился киоскером — за него работала мать. Сам же он разъезжал по стране и особенно часто бывал в Таллине и Баку. Расследования в Харькове и Таллине не помогли найти убийц. Поэтому решили поискать в Баку производителей фальшивых пакетов, имитирующих иностранные,— такие привозил Татьяне Анатолий Никитин. Возможно, с их помощью можно будет выйти на связанных с ним людей. В Баку следователь Барышев нашел старушку — продавца пакетов. Она сообщила, что берет их у Роберта Ситпаева. Барышев телеграфировал об этом в Москву, и в Баку прилетел майор Басков с разрешением на обыск. Ситпаев признался, что пакеты доставлял ему Виктор — так назвал себя Никитин, случайно встретившийся с ним в ГУМе. Сейчас пакеты возит другой — Женя.

Этот воскресный майский день выдался не по-весеннему жарким даже для Баку, однако на веранде дышалось легко: ее заполняла прохлада дома, а витраж заслонял от солнца.

«Волга» палевого цвета, на которой приехал Женя, стояла в гараже рядом с «Волгой» Роберта Рзаевича. Только что одно из двух запасных колес без камеры было вскрыто, и из него, как из консервной банки, извлекли не портящееся от долгого хранения содержимое — пакеты «Мальборо». Час потрошения для второго колеса настанет в Кировабаде, зато тайник под задним сиденьем уже опустошен в Махачкале. Поэтому Женя, невысокий, но стройный тридцатилетний человек с приветливым, беззаботным выражением лица, был доволен собою. Такое выражение при том роде занятий, который Женя для себя избрал, не всегда отражало подлинное состояние его души и нервной системы, но сейчас оно было искренним, ибо трасса авторалли Москва — Кировабад, в котором главным его противником выступала милиция, пройдена на две трети, и его «Волга» пока вне досягаемости. Женя расслабился. Знакомый дубовый стол на веранде, за который он сядет в девятый раз, волновал его нетерпеливое воображение. Поэтому он без особого усердия намыливал в ванной свое стройное тело — лишь бы смыть дорожную пыль,— а белокурые волосы, причесанные на косой пробор, вообще решил не мыть. И отделанная лоснящимся розоватым мрамором ванная, столь поразившая его в первый раз, уже не интересовала его сама по себе как произведение пластического искусства, равно как и сверкавшие никелем произведения искусства сантехники, добытые, по словам хозяина, при строительстве югославской гостиницы в Москве. Омыв себя в голубой чаше ванны, вделанной в пол, Женя вытерся мохнатым полотенцем, от которого пахло лавандой, и оделся во все свежее. Его любимая черная рубаха с коричневой двойной строчкой по плечам и рукавам и серые фланелевые брюки совсем не смялись в чемодане.

Он поправлял перед зеркалом прическу, когда в ванную заглянул Роберт Рзаевич.

— Готов?

Женя посмотрел на него весело.

— Дорогой Робби, чем ты недоволен?

Действительно, Роберт Рзаевич, окинувший взглядом собственную ванную, имел вид человека, которому роскошь омерзительна. Женя не мог догадываться, что в данный отрезок времени его друг и компаньон именно таким человеком и являлся. О причинах, понятно, ему тоже не было известно. Поэтому он не придал никакого значения мрачному смыслу того, что услышал в ответ.

— Плохие новости лучше узнавать, когда курсак вот такой.— Роберт Рзаевич похлопал себя ладонью по животу, который, несмотря на его незавидное теперешнее гражданское состояние и вопреки всем законам психологии и физиологии, продолжал оставаться круглым.— Идем. Зелень завянет.

Сначала они зашли в кабинет, где Роберт Рзаевич вручил Жене пачку денег, сказав: «Здесь две». Если бы при этом Женя обратил внимание, с каким отвращением глядел на него компаньон, его радужное настроение мигом бы потускнело. А если бы к тому же он узнал, что десятью минутами раньше Роберт Рзаевич обшарил карманы его кожаного пиджака, висевшего в кабинете на спинке кресла, нашел паспорт и таким образом выяснил его настоящее имя и домашний адрес, Юрий Николаевич Конюшков в гневе бежал бы из-под кровли коварного дома, и это был бы его первый с момента рождения решительный, благоразумный и, главное, самостоятельный поступок. Впрочем, скорее всего он бы все-таки не бежал: стол на веранде обладал очень большой магнетической силой.

Сунув деньги в свой кожаный пиджак и сладострастно потирая руки, он зашагал следом за Робертом Рзаевичем на веранду. Композиция запахов, издававшаяся столом, заставила его на секунду закрыть глаза.

Роберт Рзаевич достал из холодильника бутылку «Посольской». Сели. Налили. Положили.

Женя для разбега положил себе несколько ломтей селедки, но это была не какая-нибудь рядовая исландская, атлантическая или там иваси. Это был подлинный залом — имя, ничего не говорящее нынешнему поколению почитателей соленых закусок.

В далекую эпоху предвоенных лет, когда на Каспии и в дельтах Волги и Урала ремесло браконьера презиралось за безнравственность и бездоходность, причиной которой служило изобилие осетровых рыб, а следовательно, и черной икры, в ту удивительную эпоху пассажиров поезда Москва — Баку на станциях, начиная от Махачкалы, встречали скромные и робкие продавцы — мальчишки и девчонки, дети рыбаков. Они держали на веревочках (петлей захлестнутых на двухлопастных мощных хвостах) полуметровых веретенообразных рыбин. В жаркий солнечный день рыбины бросали своими крутыми боками ослепительные зеркальные зайчики, а с носа у них капал янтарный жир. Это и был залом.

Ныне его, кажется, вычеркнули даже из Красной книги как несуществующего. Но Женя, в миру Юрий Николаевич Конюшков, про то не ведает, ибо закусывает водку именно исчезнувшим из вод морских заломом, а если бы и ведал, то все равно не усмотрел бы в этом сверхъестественном факте ничего особенного. Он давно, с самого появления на свет, был приучаем родителями к такому порядку вещей: если что-то существует в мире хотя бы даже и в одном-единственном экземпляре, оно должно принадлежать Юре.

— Так что ты хотел мне сказать, Робби? — спросил он жирным от залома тенором. Но видно было, что вопрос этот не очень-то его волнует.

— Ешь,— хмуро сказал Роберт Рзаевич, наливая ему водки.— Зачем портить аппетит?

После каждой рюмки Женя менял закуску. Роберт Рзаевич больше не пил и не ел. Отвлекшись от собственной персоны, Женя наконец заметил это, взмахнул вилкой над столом.

— Послушай, Робби, это все мне одному?

— Ничего. Может, гости придут.

— Друзья?

— Почти наши родственники.

Женя уловил в голосе Роберта Рзаевича нечто неприятное и слегка забеспокоился.

— Чьи — наши?

— Мои, твои...

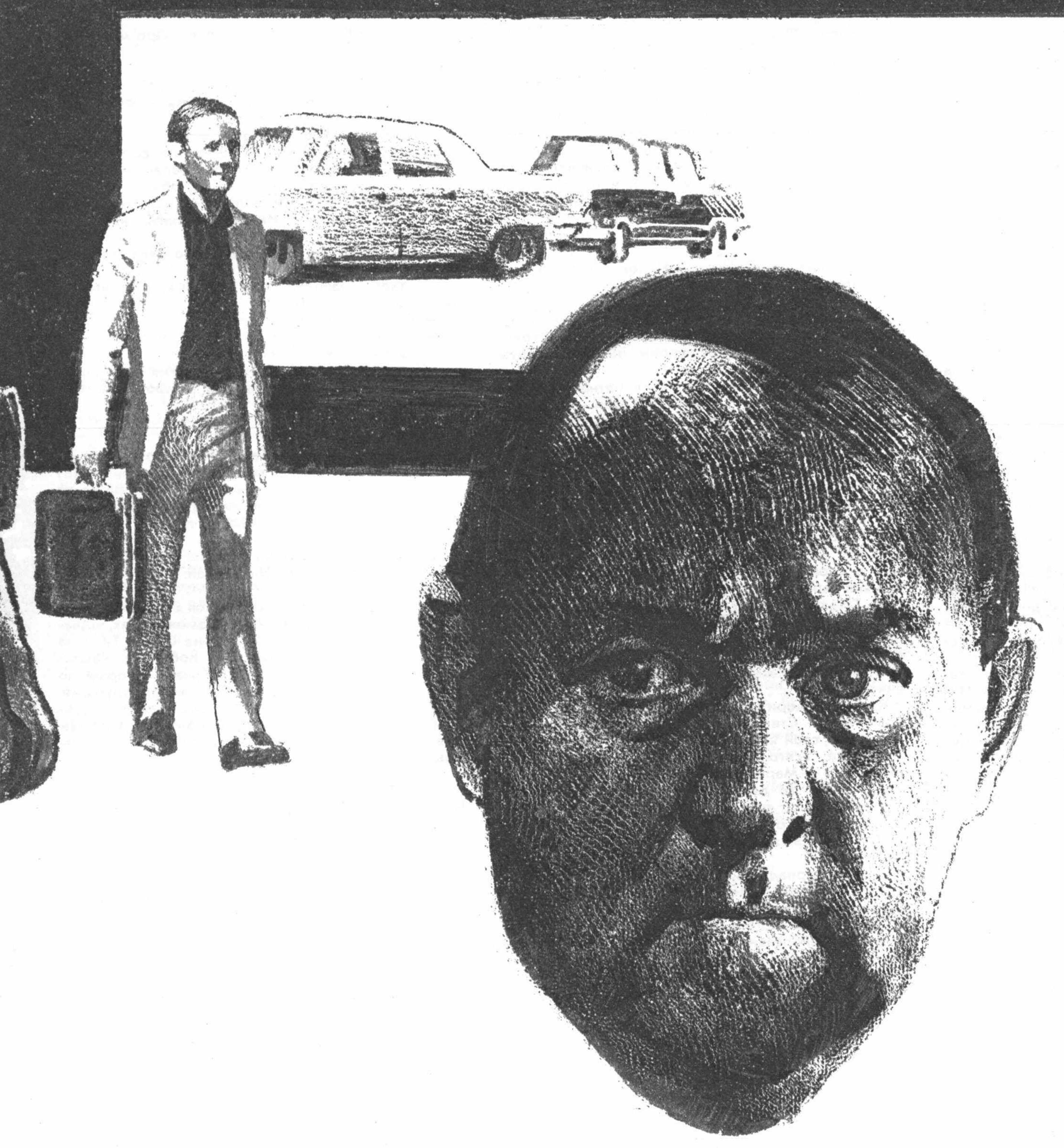
Женя перестал жевать.

— Робби, я тебя люблю... Зачем пугаешь?

Глубоко в недрах дома зазвонил телефон.

— О! — сказал Роберт Рзаевич.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47—50.

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

К телефону, кроме него, некому было подойти: они остались одни в доме, жена, приготовив стол, взяла детей и ушла. Роберт Рзаевич, тяжело ступая, покинул веранду.

Женя налил себе рюмку, ковырнул, не глядя, в блюдо с холодными артишоками. Он, сколько ни прислушивался, не мог слышать, о чем говорил хозяин по телефону. Когда тот появился, Женя спросил только:

— Они?

— Они. Сейчас будут.

Через несколько минут зазвонил дверной звонок. Роберт Рзаевич пошел открыть и вернулся вместе с Басковым и Балабеком.

— Здравствуйте, юноша,— сказал Басков.

Женя встал, это получилось у него непроизвольно и слишком поспешно.

Басков оглядел его своими насмешливыми серыми глазами с головы до ног, усмехнулся, представился:

— Майор милиции Басков.

Женя как-то неловко сунул свою тонкую, изящную кисть в жесткую, словно неструганая доска, ладонь Баскова.

— Женя.

— Правда? — с откровенно притворным изумлением спросил Басков, задерживая его руку.— А похож на Юру Конюшкова с улицы Герцена, а?

Ладони у Жени в один миг сделались влажными. Басков повесил свою куртку на соседний с Жениным стул и сел. Женя стоял и молчал.

— Садитесь, юноша, продолжайте,— сказал Басков и обернулся к хозяину.— Роберт Рзаевич, приглашайте моего молодого товарища, но пить ему нельзя, он за рулем. Почти как в старом анекдоте.

Женя опустился на свой стул. Балабек сел напротив.

— Ваша основная специальность нам тоже известна. А побочная, если не секрет? — спросил Басков.

Женя понял шутку. Бледность сошла с его гладкого, нежного чела.

— Я в аспирантуре.

— Давно?

— Пять лет.

— Как вам это удается?

Чело Жени двумя вертикальными морщинками прорезала печаль.

— Мой отец имел большой авторитет в той области науки, в которой он...

Видя, что Женя не продолжает, Басков участливо спросил:

— Простите, он умер?

— Прошлой осенью.

Роберт Рзаевич наполнил рюмку Жени.

— А вы что же? — спросил Басков у хозяина.

— Не хочу.

Женя выпил и закусил.

— Слушайте, Женя,— сказал Басков,— вас зовут Женей в Махачкале, Баку и Кировабаде. Нам с вами придется общаться в Москве. Поэтому я буду звать вас вашим настоящим именем. Не возражаете?

— Как вам угодно.

— В таком случае, Юрий Николаевич, прошу внимания. Вы аспирант и легко поймете суть вопроса. Кто снабжает вас товаром?

— Не знаю.

— А ваш автомобиль заправлен кефиром? Или не любо — не слушай, а врать не мешай?

— Я правду говорю! — обиделся Юра.

— Ну-ну... Как же вы товар получаете?

— Очень просто. Мне звонят, говорят: во столько-то. Сажусь в машину, еду по Рязанке, сворачиваю, доезжаю до брошенной стройплощадки. На ней — сарай, бывший склад. Там для меня оставлены два колеса и мешок. Вот и все.

— И не ждут, и не провожают? — Басков скептически усмехнулся, взял из вазы ядрышко очищенного фундука, бросил в рот.

— Абсолютно.

— А кому выручку сдаете?

— Зовут его Ося.

Басков едва не поперхнулся. «Тренера» зовут Костя.

— Повторите имя, дорогой Юра, я не расслышал.

— Вообще его зовут Иосиф, но Ося короче.

Баскову было жаль, что он обманулся из-за похожего звучания двух разных имен.

— А как вы общаетесь?

— Он звонит, говорит время и место.

Басков спросил:

— Когда вы рассчитываете вернуться в Москву?

— Через неделю.

— В Кировабад вам уже не надо, поедете прямо в Москву. С вами будет мой товарищ. Это очень удобно, Юрий Николаевич. Можно вести машину по очереди.

Басков улетел в тот же день. Юра и Барышев отправились в Москву на следующее утро.

13

Со Степановым непременно происходило так. В процессе расследования наступал день, когда его вдруг охватывала тревога и чувство собственного бессилия. Обычно это случалось в конце расследования. Но усталость тут была ни при чем. Разбираясь в себе, он не сразу, а на третьем или четвертом деле все-таки нашел причину.

Началом всякого уголовного дела, которое ему приходилось возбуждать, служило какое-то единичное преступное деяние. Потом, по мере расследования, от этого единичного факта, как от раковой опухоли, прослеживалась метастаза, на которой обнаруживалась другая опухоль, и так далее,— получалась целая гроздь. Профессионально Степанов принимал это как должное: не считает же хирург-онколог, что раком больны поголовно все люди на свете. Но по-человечески ему иногда становилось тошно. Он думал и даже надеялся, что со временем это пройдет. Ан не проходило...

На этот раз такой день настал назавтра после второго отъезда Баскова в Баку.

Перебирая в папке протоколы допросов и листы с наклеенными фотографиями, Степанов вдруг остро ощутил недовольство собою. Ему известно о существовании «Тренера» Кости, двое малолетних подручных «Тренера» — Брошин и Касимов — находятся под стражей, в Баку обнаружен оптовый покупатель пакетов Ситпаев, нащупан след убитого Никитина, а у него, у Степанова, нет в руках ни одной правдоподобной версии. И чувство такое, будто он что-то проглядел, чего-то не учел. Словно ехал в машине по дороге, что-то мелькнуло на обочине, боковым зрением он отметил это, но как следует вглядеться не успел — пронеслась машина мимо.

В папке лежал пакет с карточками, который дала ему мать покойного Никитина — Клавдия Николаевна. Степанов вспомнил, как умоляюще смотрела она, когда просила обязательно вернуть их, и решил сделать это немедленно. В коммунальной квартире на Таганке, где она жила, телефона не было, он рисковал ее не застать, но сидеть в кабинете при таком настроении он не мог. Сказав секретарю отдела, что вернется часа через два, Степанов отправился пешком на Таганку. Первый раз в жизни он не замечал, что город расцвечивается флагами и первомайской иллюминацией, уже готовится к празднику.

Ему повезло — Клавдия Николаевна оказалась дома. Она встретила его приветливо, но как будто немного чего-то стеснялась. Войдя в комнату, Степанов понял причину. В углу один на другом, похожие на снежную бабу, высились в рост человека три узла из белых простыней. Их вид лишал комнату всякого уюта.

— Вы уж извините,— сказала Клавдия Николаевна,— да ведь не выбросишь.

Степанов недоумевал. Неужели это вещи ее сына, Анатолия Никитина? Но Клавдию Николаевну предупредили, что вопрос о судьбе его имущества решится только в судебном порядке, а она при этом в сердцах махнула рукой: мол, при чем здесь какие-то вещи... И, главное, квартира покойного опечатана, а Степанов даже и мысли не допускал, чтобы Клавдия Николаевна была способна нарушить хоть какой-нибудь запрет.

— В стирку собрали? — не слишком-то дипломатично спросил он и тут же, приглядевшись к снеговику, сообразил, что вопрос к тому же и глуповатый: средний узел был не совсем круглый, а как бы граненый — в нем содержались какие-то твердые предметы. Может быть, магнитофоны и проигрыватели или там какие-то стереоколонки, виденные им в квартире Татьяны Никитиной.

— Таня вчера привезла... Толины вещи.— Клавдия Николаевна волновалась и старалась взять себя в руки.— Да вы садитесь.

Сели, как и в прошлый раз, к столу. Клавдия Николаевна закурила сигарету. Дым потянулся к открытому настежь окну. Степанов положил на стол пакет.

— Ваши карточки.— И, не зная, что бы еще сказать, задал другой вопрос, тоже объяснявшийся, вероятно, его невыносимо дурным настроением: — Что это вдруг она надумала?

Клавдия Николаевна озабоченно нахмурила брови.

— Вы знаете, она сама не своя. Представляете, так плакала.

Степанов покашлял в кулак и ничего не сказал.

— Она считает себя виноватой,— продолжала Клавдия Николаевна.— Но что же теперь поделаешь?

— Вы думаете, если бы они не развелись...— Степанов опять закашлялся.

— Простите, вас зовут Михаил?..

— Иванович.

— Ну кто, Михаил Иванович, может это сказать? Я ее, знаете, не виню.

— Кажется, там брат какую-то роль играл.

— Грешить не хочу, Толя мне не жаловался. Но она очень брата слушается. Как отца... Вот и вещи,— она кивнула на узлы,— он велел отдать. Таня говорит, давно за них ругал.

У Степанова снова, как утром, возникло ощущение, будто он едет в машине, и что-то вдруг мелькнуло на обочине, отмеченное боковым зрением...

Он поднялся со стула необычно легко для своих ста килограммов.

— Ну, мне пора, Клавдия Николаевна. Я к вам как-нибудь загляну.

Она проводила его до лестницы.

...Шагая к себе, Степанов остановился на мосту против Краснохолмской набережной, постоял, глядя на реку, и с удивлением обнаружил, что настроение его переменилось.

Он возвращался мыслью в ту пятницу, и она представлялась ему длинной дорогой — от девяти утра до десяти вечера. А потом продолжалась до десяти утра субботнего дня. Не очень-то богато на ней ориентиров и указателей. Но что же там мелькнуло на обочине, не задержав на себе внимания? И почему этот маловразумительный разговор с Клавдией Николаевной возвращал его на три недели назад?

Попробуй объяснить хотя бы несколько необъяснимых вещей. Почему Анатолий Никитин пришел в свой бывший дом как раз тогда, когда Татьяна была в театре, а Кузьмичев уехал в Харьков? Татьяна говорит, что просила Кузьмичева оставить ключи соседям, и он это подтверждает. Но какое значение имеет этот факт? При чем здесь ключи, если у Анатолия Никитина были свои? И почему же Татьяна Никитина считает себя виноватой?

Чтобы проверить неясно обозначившееся предположение, Степанов на ходу составил план, а придя в свой кабинет, тут же приступил к делу.

Прежде всего он позвонил соседке Татьяны Никитиной — Марии Николаевне и сказал, что заедет через час для короткой беседы. Затем то же самое было сказано по телефону Александру Кузьмичеву. Третий звонок — самой Никитиной. Ее Степанов вызвал в прокуратуру на семнадцать часов.

Было четырнадцать, не вредно бы и пообедать, тем более что и аппетит к нему вернулся, но следовало поторопиться, иначе он мог не успеть обратно к семнадцати...

Мария Николаевна, как и Клавдия Николаевна, увидев его, немного смутилась, но лишь на секунду, пригласила в гостиную, усадила за стол.

Степанов решил все-таки оформить беседу как допрос, чтобы уж не вызывать человека специально в прокуратуру. Мария Николаевна сделалась подчеркнуто серьезной, когда он положил на стол бланк протокола, а расписавшись об ответственности за ложные показания, почему-то улыбнулась, и это понравилось Степанову.

— У меня к вам всего три вопроса,— сказал он.

— Пожалуйста, слушаю вас.

— Вы говорили, Кузьмичев отдал вам ключи в двадцать, то есть в восемь часов вечера. Подтверждаете это?

— Да. Было около восьми часов.

— Вечером после восьми кто-нибудь спрашивал у вас эти ключи?

— Нет! — воскликнула она и добавила запальчиво: — Да я бы и не дала!

— Утром в субботу в начале одиннадцатого вы отдали ключи Татьяне Никитиной. Скажите, Мария Николаевна, в каком порядке это происходило: сначала она взяла ключи и уже после позвала вас к себе в квартиру? Или сначала она...

— Конечно. Таня сначала взяла ключи,— перебила его Мария Николаевна.

Она предлагала кофе или чаю, но Степанов с сожалением отказался.

Чуть переждав на лестничной площадке, он нажал кнопку у соседней двери.

Александр Кузьмичев ждал его и глядел озабоченно.

К нему у Степанова было вопросов больше, чем к Марии Николаевне, но в процессуальном смысле не все они имели значение, а некоторые выглядели бы неуместно и странно в протоколе.

— Вспомните, Александр Михайлович,— начал Степанов.— Когда вы в пятницу вернулись домой после поездки в ГУМ и на автобазу, вы ничего необычного в квартире не заметили?

— В коридоре обои лежали. В кухне на столе записка от Тани.

— И больше ничего?

Кузьмичев пожал одним плечом.

— А что ж еще?

— Ну, например, ключи Татьяны Васильевны.

— Нет, не было никаких ключей. Про мои ключи она в записке написала.

— Записка не сохранилась?

— Порвал, в ведро бросил.

— А зачем надо было отдавать ключи соседям? Можно и дома оставить.

— Но квартиру ж надо запереть.

— Да-да, вы правы, я как-то не сообразил...

Про обои, записку и ключи Степанов записал в протокол и отодвинул его в сторонку.

— Скажите, Александр Михайлович, может, вы что слыхали, были у Никитина враги, недоброжелатели?

— Откуда ж мне знать? Таня про него говорить не любит.

Степанов позволил себе схитрить, с Кузьмичевым это было нетрудно.

— У нее, кажется, родных нет?

— Старший брат.

— Вы с ним знакомы?

— Виделись раз. На день рождения приглашал.

— Вы ведь ремонт квартиры в прошлом году делали?

— Перед ноябрьскими.

— А кухню что же?

— И кухню. А после Таня обои захотела.

Степанов про себя отметил: Кузьмичев живет у Никитиной уже полгода, а брата ее видел всего один раз. Обои покупать повез Никитину брат. Три недели назад, именно в пятницу. Почему этого не мог сделать Кузьмичев?

Но задавать последний вопрос вслух Степанов не стал. Его он задаст Никитиной.

Степанов совсем не разбирался в дамской косметике и ее неограниченных возможностях, однако тотчас увидел, что румянец на щеках Татьяны Никитиной ненатуральный. Она поблекла. Каштановые волосы утеряли блеск. Глаза, которые по первому впечатлению Степанов считал голубыми, оказались сероватыми, какими-то неопределенными. И вся она вроде как бы притихла. Она вызывала у него жалость. Он даже подумал, не отложить ли допрос.

Однако если версия, которую он сейчас разрабатывал, окажется правильной, то роль Татьяны Никитиной во всей этой истории слишком недвусмысленна, чтобы на допросе ставить соображения чисто личного порядка выше интересов дела.

Степанов дал Никитиной расписаться под текстом об ответственности за дачу ложных показаний, вставил бланк протокола в портативную пишущую машинку и приступил к допросу. Скрывая шевельнувшееся в душе чувство жалости, начал официальным тоном:

— Татьяна Васильевна, прошу вас подробно вспомнить весь день шестого апреля, буквально по часам и минутам. Итак, утром вы поехали на работу...

— Да, меня отвез Саша.

— И потом?

— Ну, как обычно... нормальная работа...— Казалось, она не понимала, чего от нее требуют.

— Обед у вас в тринадцать,— подсказал Степанов.— Что происходило до тринадцати?

— Я говорю, все как обычно.

— Никто вам не звонил?

— Да нет.

Степанов сделал паузу, довольно длинную, и спросил:

— А что же ваш брат, заехал за вами без предупреждения?

Она тоже сделала паузу, словно бы и вправду вспоминая.

— Извините, брат действительно звонил.

— Потом вы поехали за обоями. И что дальше?

— Он завез меня на Профсоюзную.

— Скажите, Татьяна Васильевна, обои вам обязательно нужно было покупать с братом? Ведь у Александра Кузьмичева тоже есть машина.

— У Лени в том магазине знакомство.

— А почему именно в тот день, шестого апреля?

— Так получилось. Брату было удобно...

— Хорошо,— терпеливо продолжал помогать ей Степанов.— Привезли обои, написали Кузьмичеву записку о ключах. Брат видел эту записку?

— Да.

— И что же дальше?

Никитина, глядевшая до этого на пишущую машинку, стоявшую перед Степановым, взглянула ему прямо в лицо. В глазах ее он уловил испуг. Пока она молчала, он отстучал двумя пальцами свой вопрос и повторил вслух:

— Что же было дальше?

Если человек затрудняется ответить на столь простой вопрос, тут что-то неладно. Степанов ждал от Никитиной именно такого долгого молчания, но совсем в другой момент, на другом пункте, например, когда шла речь о покупке

обоев. И впереди у него был заготовлен трудный для Никитиной вопрос.

Она все еще молчала, и чутье подсказало Степанову сменить тактику. Он спросил о том, что приберегал напоследок, и голос его звучал на этот раз без всякой официальности:

— Татьяна Васильевна, мне одно непонятно. Вы считаете себя виноватой. Почему? Если Никитин занимался какими-то незаконными делами, то ведь это началось еще при вашей совместной жизни, и вы ему помехой не были и исправить его не могли. Развелись вы уже год назад, и Никитин, судя по всему, жил холостяком не так уж плохо.

Она вдруг отвернулась от него, положила руки на спинку стула, уткнула лицо в ладони и заплакала.

Степанов вышел из-за стола, налил в стакан воды из графина, предложил ей, но она не услышала.

Очень долго она плакала, а Степанов смотрел в окно на нежно-зеленую листву и не знал, как ей помочь. Наконец он услышал тихие слова, сказанные со вздохом:

— Если б я тогда не позвонила, ничего бы не было.

Он сел за стол и в надежде успокоить Никитину предложил:

— Давайте, Татьяна Васильевна, отложим. Вы, я вижу, устали. Поезжайте домой, а завтра утром встретимся.

Но она, вновь сев прямо, возразила с неожиданной решимостью:

— Нет, надоело все думать и думать. Это ужасно. Я ничего не понимаю.

— В таком случае продолжим. Будем разбираться вместе. Скажите, когда и кому вы звонили?

— Я, кажется, говорила вам: брат не одобрял наш с Толей брак.

— Простите, не разберусь. Какая связь между звонком и вашим браком?

— Он тогда как с ума сошел.

— Кто он?

— Брат.

— Когда?

— В пятницу, шестого апреля.

Ход ее воспоминаний, вероятно, подчинялся определенному порядку, но Степанов все еще этого порядка не улавливал.

— Но почему?

— Понимаете, он увидел вещи Толи... Ну, магнитофон, приемник... Белье в шкафу, костюмы...

— Зачем же ему в шкаф заглядывать?

— Не знаю. Машинально, наверное.

В другое время, представив себе мужчину, заглядывающего в шкаф сестры машинально, Степанов рассмеялся бы, но сейчас допрос оборачивался даже серьезнее, чем он рассчитывал.

— Ну, увидел вещи бывшего вашего мужа. Что же в этом особенного?

— Он просто взорвался, никогда его таким не видела. Ногами топал, кричал — раз я живу с другим мужем, то пусть Толя немедленно забирает отсюда свои вещи.

— Прямо сию минуту?

— Да. Или я ему не сестра.

— И вы позвонили Толе?

— Брат приказывал... И чтобы с этим было покончено раз и навсегда.

— А что же Толя?

— Он растерялся — к чему такая спешка. Валялись вещи год, и ничего. Я сказала, как велел брат. Саша настаивает. Надо взять, пока он в отъезде.

— И он пообещал забрать вещи?

— Да.

— Вечером? Когда Саша уедет, а вы будете в театре?

— Да.

Одной из исходных позиций, на которых Степанов строил свою версию, было предположение, что Татьяна Никитина — соучастница преступления. Сейчас он считал эту позицию более чем шаткой. Но необходимо проверить еще кое-что.

— Сочувствую вам. Вы все время думаете о брате? Об этом трагическом совпадении? — Сам Степанов, говоря так, думал, конечно, не о простом совпадении.

Она посмотрела на него умоляюще.

— Так вы его не подозреваете?

— У следствия есть свои правила, Татьяна Васильевна,— уклончиво объяснил Степанов.— Главное для вас — высказаться. По-моему, вы это и сделали.

— Я измучилась.

— Еще один момент, Татьяна Васильевна, и мы закончим.

— Пожалуйста.

— Очень вас прошу, постарайтесь вспомнить точно. Вот вы в субботу утром приехали домой, поднялись на свой этаж. Так?

— Так.

— Вы сразу вошли в квартиру?

— Нет. Позвонила к соседке, к Марье Николаевне. Взяла Сашины ключи.

— Ими и открыли дверь?

— Да.

— А где были ваши собственные ключи?

Она опустила голову и ответила тихо, почти шепотом:

— Они лежали на столе в кухне.

— Вы могли их забыть, когда покидали квартиру накануне вместе с братом?

— Нет. Я заперла оба замка.

— Точно?

— Я это ясно помню.

— И куда положили ключи?

— В сумочку.

— Потом брат отвез вас на работу?

— Да.

Степанов давно отметил, что Никитина не удивляется ни содержанию его вопросов, ни порядку, в котором они задаются. Допрос был похож на разговор двух людей, решающих совместно одну математическую задачу. Им известен ответ, но требуется найти кратчайший путь решения.

— Как вы сидели в машине? — спросил он.

Она отвечала, не задумываясь и как бы виновато:

— Понимаете, на мне были новые туфли, немножко жали. Я села сзади, надо было подложить под пятки. Брат дал мне газету.

— А сумочка где лежала?

— На переднем сиденье.

Предположение, неясно обозначившееся у Степанова при возвращении от Клавдии Степановны, на мосту против Краснохолмской набережной, кажется, не обмануло его. Следующий вопрос он задал столько же для пользы дела, сколько и для того, чтобы как-то отвлечь Татьяну Никитину от мыслей о брате.

— Вы когда принесли мне пакеты, Татьяна Васильевна, вы сказали: Толя их где-то купил. Но зачем сразу десять штук?

— Он сказал — это тебе для картошки.

— Фирменные пакеты — и для картошки?

— Они же не фирменные. Вы видели, мажутся.

— Вы почему принесли пакеты? Подумали, что-то тут не так?

Она сказала с тоской:

— Ничего я не думала... Толя принес... И «Мальборо» эти, и монету золотую... Я думала, вам поможет...

Больше Степанову не о чем было ее спрашивать. На прощание сказал как-то по-домашнему:

— Вы, Татьяна Васильевна, постарайтесь ни о чем никому пока не говорить. А себя не терзайте...

То, что еще днем раньше представлялось Степанову расплывчатым и рваным, как клочья бегущих облаков, принимало очертания чего-то осмысленного.

Он был далек от желания упрекать Татьяну Никитину в том, что сомнения и угрызения совести посетили ее не на три недели раньше. Более того, он поражался, что молодая женщина смогла при сопоставлении фактов, которые должны были казаться ей совершенно обыкновенными в ее нынешних обстоятельствах, зайти так далеко — до подозрений на родного брата. Степанов не считал себя психологом и не брался определить, каким путем умозаключений и когда именно Татьяна Никитина связала воедино три факта — вспышку брата по поводу вещей Анатолия Никитина, свои ключи, обнаруженные на кухонном столе утром в субботу, и убийство. Сейчас это не имело значения. Важно, что она сказала все, что знала и чувствовала.

Если ее брат Леонид Васильевич Лярин причастен к преступлению, то, надо полагать, это не рядовой мерзавец. А что есть у следствия? Какие доказательства, улики? На косвенные — вроде, например, показаний Никитиной — Степанов смотрел глазами тех судей, которые принимают в свое производство законченное им дело. Покажи человеку ворох листьев, скажи: «Вот тут росло дерево, эти листья с него». Он тебя спросит: «А где же дерево?» И что ты ответишь?

Степанов решил не вызывать пока Леонида Васильевича Лярина на допрос.

До возвращения Баскова оставалось несколько дней.

14

Басков вошел в кабинет к Степанову бодрый и веселый. Лицо у него было загорелое после Баку.

— Ты как с курорта,— сказал Степанов.

— Там солнышко пожарче нашего.— Басков сел у раскрытого окна, закурил и продолжил: — Не помню, Иваныч, говорил я тебе или нет... Мне отец рассказывал, у них на фронте, кому письмо приходило, плясать заставляли.

И Басков во всех подробностях описал встречу с Юрием Конюшковым.

Степанов попытался изобразить такой вид, будто ничего в этом сногсшибательного для него нет, что, мол, он предугадывал именно такой вариант. Но Басков достаточно давно знал Степанова, его не могло обмануть это наивное и неумелое притворство. Причем самое наивное заключалось в том, что Степанов вот так притворялся только перед своими товарищами и никогда — перед другими людьми. И это была, если не считать тщательно скрываемого чревоугодия, пожалуй, единственная его слабость.

— Чего ж не радуешься? — спросил Басков, с удовольствием наблюдая, как самодовольно он пыжится.— Я-то этим пакетам никакого значения не придавал, а ты как в воду глядел.

Степанов наконец не выдержал, встал, хлопнул Баскова по плечу и улыбнулся.

— Это, Леша, лучше мне любого письма. А тебе я тоже кое-что покажу.

Он дал Баскову протокол последнего допроса Татьяны Никитиной. Басков прочел и даже присвистнул.

— Вот какие повороты,— сказал Степанов.

— Любопытно бы взглянуть на этого благодетеля. У тебя карточка есть?

Степанов достал из дела фото Леонида Васильевича Лярина. Басков, разглядывая мужественное, крепкое лицо с резкой складкой между густыми бровями, подумал, что, если бы наложить на портрет Лярина фотографию его сестры, не совпала бы ни одна черта, и все же он испытывал ощущение, что сквозь плотную сатинированную карточку, которую он держал перед собою, глядит на него, словно просвечивая, лицо Татьяны Никитиной.

— Красив. Ты его вызывал? — спросил Басков.

— Думаю, преждевременно было бы.

— Ничего новенького о нем нет?

— Как кристалл.

Они уточнили кое-какие детали предстоящих действий, и Степанов пошел на доклад к начальнику управления.

На обратном пути из Кировабада в Москву Юра Конюшков позвонил с бакинского телеграфа домой, матери. Несмотря на расстояние, мать, вероятно, поняла, что сын ее пьян, поэтому разговор был долгим, Юре пришлось оправдываться и врать. Повесив трубку, он сообщил стоявшему рядом Денису Барышеву, что его матушка страдает астмой, каждую весну вынуждена покидать столицу. Помогает ей только Южный берег Крыма, куда она и отбывает завтра, так что квартира будет в полном их распоряжении.

...Как и предрекал Басков, путешествие на автомобиле вдвоем оказалось весьма удобным, в основном для Юры Конюшкова. Барышев умел водить, правда, не так лихо, как хозяин машины, и именно он сидел за баранкой почти всю дорогу, поскольку Юра все время был под хмелем...

Четырехкомнатная квартира, полученная еще отцом Юры, располагалась в доме старой постройки в самом центре Москвы. Жить в ней было несравненно удобней и привольней, чем в самой лучшей гостинице. Но у Барышева еще в пути возникла проблема: он имел с собой всего две смены белья, и выход был единственный — самому устраивать постирушки. Утешала надежда, что по приезде в Москву Юру не заставит слишком долго ждать тот условный телефонный звонок, после которого он должен передать гражданину по имени Ося привезенные из путешествия три с половиной тысячи рублей.

Едой они были обеспечены по крайней мере дня на три: мама Юры оставила полный холодильник разнообразных продуктов. Но спиртного не было ни капли, и Юра сильно огорчился. Барышев попробовал его урезонить, но Юра заявил, что умрет, если сейчас же не выпьет. Пришлось им сходить в магазин, где Юра закупил водки впрок.

15 мая, во вторник, около десяти утра зазвонил телефон. В квартире стояло три аппарата — в спальне хозяйки, в гостиной и на кухне. Звонок работал у кухонного аппарата, к которому и подошел уже успевший опохмелиться и потому великолепно настроенный Юра. Барышев снял трубку с аппарата в гостиной.

— Явился? — услышал он густой баритон, как будто чем-то недовольный.

— Привет, Ося,— весело ответил Юра.

— Порядок?

— Полный.

Продолжение на стр. 29.

ОДИН ДЕНЬ В СО

ТРУД ПИСАТЕЛЯ — ОДИНОКИЙ ТРУД. НО ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО СТАРАЯ ИСТИНА, НЕ МОЖЕТ ОДИН. КУДА ЖЕ ИДЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ СО СВОИМИ ТВОРЧЕСКИМИ ИЛИ ИЗДАТЕЛЬСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ, РАДОСТЬЮ, А ИНОГДА И БЕДОЙ? ЧАЩЕ ВСЕГО В СВОЙ СОЮЗ — СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР, В СТАРИННЫЙ ОСОБНЯК НА УЛИЦЕ ВОРОВСКОГО.

Татьяна КУЗЬМИНА,
Игорь ГАВРИЛОВ (фото)

Главный редактор «Литературной газеты» А. Б. Чаковский.

Мне кажется, что союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в ее целом.

М. Горький.

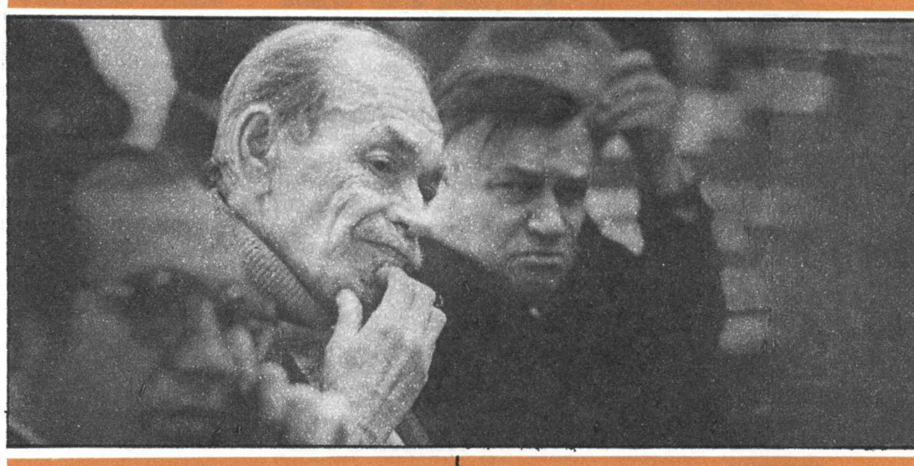
ТАЛИСМАН

К дому № 52 на улице Воровского без конца подъезжают экскурсионные автобусы. Иностранным туристам, советским школьникам, путешественникам, приехавшим в столицу со всех концов страны, экскурсоводы рассказывают про памятник архитектуры, показывают на окна: говорят, именно то окошко, вон то, поправее, было в комнате Наташи Ростовой, вон там была спальня графини, а там — комната, где Наташа сказала: «Вы меня любите? Поцелуйте Мими!»... И протянула Борису куклу...

Экскурсанты глядят на окошки, Лев Толстой смотрит на них со своего постамента. А на лавочках сидят люди — ждут с в о и х писателей.

Женщина с маленьким больным ребенком, измученная, худенькая, глаза несчастные: «Мне нужен Георгий Мокеевич Марков... Нет, мне нужен он, именно он, я приехала издалека и не пойду больше ни к кому. Он мне поможет».

Парень с рюкзаком и в кепке смущенно поглядывает на свои сапоги: «Где найти Валентина Пикуля? Нет,

С. А. Баруздин, главный редактор журнала «Дружба народов».

М. Н. Алексеев, главный редактор журнала «Москва».

...ОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

я с ним не договаривался. Он вообще меня не знает... Кто я? Читатель. Он мне необходим лично, понимаете? Жизненный разговор... Кроме него, никто меня не поймет».

Пожилая дама с рукописью в авоське. Солдат с тетрадкой стихов. Старик тяжело шаркает по коридору, вглядывается в таблички: «Бакланова я ищу, Бакланова...»

Телефон. Звонит знаменитый писатель из... Неважно откуда. Он обижен: ему сказали, что в гостинице «Москва» нет мест... В другую гостиницу он ехать отказывается: «Я же объяснил, что привык жить в «Москве».

Да, и так бывает. А утро раннее, и в старом доме на Воровского почти пусто. Одна Антонина Александровна Тюрина. Вчера она уходила последняя, закрывая секретариат на ключ, сегодня пришла первая. Недавно исполнилось 35 лет, как она приходит на работу в союз, садится за свой скромный стол и решает сотни вопросов. Вряд ли среди писателей есть такие, кто незнаком с нею. Самых знаменитых она помнит молоденькими — дерзкими, робкими, нескладными, красивыми... Все дарили ей первые книжки. И вторые... И «Избранные».

Перед столом Антонины Александровны читают стихи, исповедуются, хвастают, острят, льют слезы, жалуются, просто молча сидят, нервно куря, медленно приходя в душевное равновесие, ожидая сочувствия, понимания, совета, помощи, доверяя тайны. Такой это стол в уголке. Каверин? Катаев? Федин, Тихонов, Симонов? Евтушенко, Вознесенский, Залыгин, Михалков? Кто не сиживал перед этим столом... Кто не доверял свои тайны...

Меняются в Союзе писателей руководители—все меняются. А Антонина Александровна Тюрина бессменна.

— Потому что главное для меня всегда Союз писателей. И самое важное — престиж Союза писателей. И самое прекрасное — наша литература. Ради нее ведь и работаем.

ПОСРЕДНИК

— И вот когда он устроился опять на работу, и позвонил мне, и рассказал, что сидит за столом, чертит и ему хорошо, вот тогда я его поздравил. И сказал: напишете новую повесть — обещаю вам прочесть ее быстро и очень внимательно. И опять скажу правду...

Это Юрий Тарасович Грибов рассказывает «случай из практики». Обязанности среди секретарей союза распределены так, что ему выпало заниматься издательскими делами. А что для писателя главное, в чем смысл его работы и жизни? Правильно, конечно, книга, все ради книги, все для нее и во имя ее.

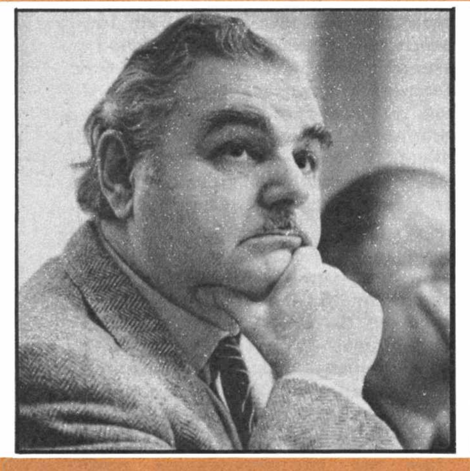
В кабинет к Грибову приходится пробиваться: всегда кто-то ждет, кто-то хочет войти. Не хотят издавать. Выбросили из плана. Поставили в план редподготовки, когда рукопись абсолютно готова. Отдали рукопись на рецензию человеку, который ее не в состоянии оценить беспристрастно. Сокращают! Правят! Не хотят издавать «Избранное». Срезали тираж.

Посредник между писателем и издателем? Пожалуй, можно сказать и так. Объективный посредник? Ну, на этот вопрос однозначно ответить невозможно.

— Профессионализация без достаточных оснований — частая, распространенная беда,— говорит Грибов.— Здесь и мы, Союз писателей, наделали немало ошибок: мы же принимаем в члены союза авторов двух, даже одной книги. И этим авторам начинает казаться, что теперь их обязаны издавать, раз уж они члены союза. И даже раздаются голоса (и не единичные!), что эту, мол, книгу надо издать, хоть она и не ахти какая хорошая, но автор ведь член союза, его необходимо поддержать... Плодим серые книги. Множим конфликтные ситуации. Калечим характеры. Лишаем, скажу даже так, производство трудоспособных людей, иногда хороших специалистов.

«СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ. ЛИЧНО!»

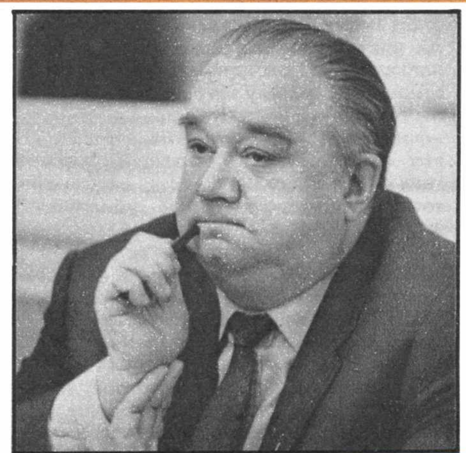
Если спросить у одного из старейших работников Союза писателей, Нины Васильевны Боровской, из чего состоит ее рабочий день, она ответит: «Из тысячи вопросов». Она пришла сюда работать еще при Фадееве, сразу после юридического института. Однокурсники стали узкими специалистами, Нина Васильевна — универсалом. Авторское право, пенсионные вопросы, бракоразводные грустные дела и совсем печальные дела о наследстве... Ей звонят из писательских организаций всех республик, областей и городов в уверенности: ответ на любой вопрос будет самым компетентным, точным, квалифицированным. Даже в юридической консультации у каждого своя специализация. У Боровской «специализация» такая: любой член Союза писателей, любой член его семьи должен быть встречен здесь, на улице Воровского, так, как если бы пришел в самый надежный и доброжелательно настроенный к нему дом на всем свете. Юрист в Союзе писателей один. И если за сегодняшний день она приняла старого писателя, помогла ему составить завещание, спрятала бумагу в свой надежный сейф и поклялась хранить тайну; если потом она оформила несколько представлений к наградам; если беседо-

В. В. Карпов, первый секретарь правления СП СССР.

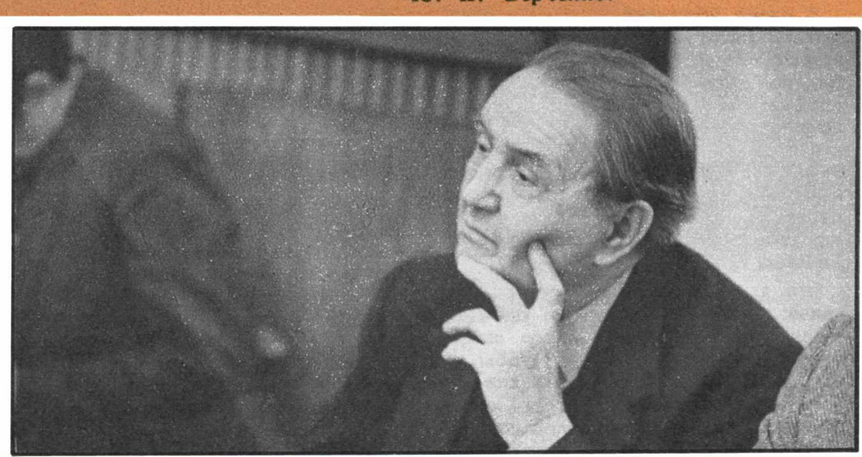
Выступает Д. Н. Кугультинов, слушает А. А. Вознесенский.

Секретарь правления СП СССР Ю. Н. Верченко.

Еще одно заседание... Драматург В. С. Розов.

Г. М. Марков, председатель правления СП СССР.

вала с бывшим писательским зятем, пытаясь объяснить ему, что у него нет не только юридических, но и моральных прав на писательскую квартиру, а потом утешала вдову, отвечала на ее смутные вопросы; если беседовала с журналистом, у которого поначалу был всего один вопрос (каков средний возраст члена СП?), а после точного ответа (56 с половиной лет) появилась сотня самых разнообразных вопросов; если нескольким людям она объяснила порядок вступления в союз и сделала еще бесчисленное количество дел, то когда же ей обдумывать перспективные, проблемные вопросы, готовить грамотные проекты, предложения? Ясно, что дома.

С такими нагрузками можно справиться при единственном условии: огромной любви к работе.

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ БУДУТ К НАМ

Странновато видеть известного поэта с чиновничьей папкой в руках, с «входящими» и «исходящими» бумагами. Но еще удивительнее, что поэт относится с неподдельным интересом, может быть, даже вдохновенно к этим «входящим» и «исходящим».

Роберт Рождественский, секретарь правления Союза писателей СССР, курирует иностранную комиссию.

— Интерес к нам во всем мире сейчас огромен. Эта фраза стала штампом, но я повторяю ее с удовольствием: меня этот штамп радует... Между прочим, мы и прежде нередко говорили, что интерес к нам велик. Но не во все времена эта фраза отражала реальность.

Не так уж много значительных писателей прежде приезжали к нам, искали встреч и бесед с писателями нашей страны, с секретарями союза. Мы исходили прежде не столько из писательского таланта, сколько из тех обстоятельств, которыми этот талант окружен. Что он когда-то сказал, да что подписал, да как оценил то или иное событие...

Со многими прекрасными западными писателями мы даже не пытались наладить взаимопонимание. А ведь отношения между странами зависят от отношений между людьми, с них начинаются, ими и продолжаются, на них и строятся. Настоящий писатель — это всегда личность, со своей точкой зрения, с своей убежденностью... Убеждает жизнь, убеждают собственные впечатления, встречи, а не хлесткие ответы кому-то на какую-то фразу. В какой-то мере нормальный двусторонний и многосторонний разговор шел, конечно, и раньше. Но все-таки на их «да» мы чаще всего давали свое «нет», и чем скорее, тем лучше. Отпор человеку, говорящему «я не знаю», «я не понимаю». Отпор — вместо объяснения собственной позиции. Вместо спора, вместо доказательства.

Я давно убедился во время поездок по разным странам, во время встреч, что такого, например, понятия, как «провокационные вопросы», вообще не существует. Не бывает провокационных вопросов, есть просто вопросы, на которые нужно отвечать со всей прямотой, простотой и искренностью, умно, серьезно, компетентно. И есть провокаторы, но это уже другое дело и, так сказать, не наша тема.

Что я вижу здесь, в Союзе писателей, с тех пор, как стал работать «в штате»? Что очень много людей хотели бы приехать к нам, чтобы самим в чем-то убедиться, как следует понять, разобраться в сути нашей перестройки. Люди хотят слышать наши писательские мнения по самым разным поводам, так сказать, из первых рук, личные мнения. И слышат их.

Да, многое у нас переменилось. Хотя писатели остались прежние. Воздух иной... Каждый ведет разговор от себя, ничем не смущаясь, высказывает самостоятельные суждения... Все приходит в норму. Естественно, есть люди, которые подлаживаются, подстраиваются, хотят понравиться. Но ведь все это видно. Такие люди никому не симпатичны. Меняться нужно под влиянием жизни. Учат встречи, книги, события, учат твои сомнения, твои отношения с людьми и окружающим миром...

Чиновников все ругают. И ни в одной газете нет рубрики: «Если бы чиновником был я». Мы, писатели, всегда предпочитали быть участниками процесса, но типа зрителей. Все-таки когда мы говорим: «Это мне не нравится, надо было сделать не так», а кто-нибудь нам скажет: «Ну, давай ты, попробуй, делай, как считаешь нужным»,—мы всякий раз отвечали: «Нет, ребята, это уж вы, вы делайте, а мы поглядим». «Мы» и «они» — привычная жизненная позиция. Так что же? И дальше так будет? Так все и говорить: «Они делают не так, не так, не так»? Я считаю, что хватит, надо перестраиваться.

Не надо думать, что я все могу, все умею, что я уверен в себе. Я уверен только в одном: я могу и должен попробовать.

«УТВЕРДИТЬ ДОСТОИНСТВО КРИТИКИ»

Когда-то это зеркало в старинной раме отражало семейство Ростовых, во всяком случае, хочется в это верить... Теперь напротив него стоят вполне современные кресла. Но кто бы ни шел по старинному коридору, в зеркало непременно заглянет.

Вот мимоходом заглянул в зеркало Александр Алексеевич Михайлов. Он спешит, но мы все-таки остановим его.

Недавно его, секретаря СП СССР, известного критика и литературоведа, профессора, Московская писательская организация избрала своим лидером. Борьба была жесткой. Конкурентами у Михайлова были Евгений Евтушенко (никому не надо рассказывать, кто это) и прозаик Вячеслав Шугаев (его кандидатуру выдвинула секция московских прозаиков). Большинство голосов отдано за Александра Михайлова. А вот все критиков ругают, всем критика нехороша. Как пришлось решать, кому возглавлять самую большую в стране писательскую организацию, так и выбрали не прозаика, не поэта, а именно критика! Честь и доверие всей корпорации...

Не приходится удивляться, что Михайлов передвигается по коридорам почти бегом: московская организация — хлопотное дело, а ведь обязанностей председателя совета по критике СП СССР с него никто не снимал. Как же выполнить человеку все задачи, поставленные перед ним обществом, жизнью и им самим?

Предстоит добиться для Московской писательской организации статуса республиканской. Создать свою газету, свой журнал, свое издательство — все это было провозглашено в предвыборной программе. Правда, по составу московская организация фактически и так на уровне республиканской, преодолеть придется только ряд формальностей, но кому нужно объяснять, что формальности легко не преодолеваются. Правда, существует издательство «Московский рабочий», но в нынешнем виде оно далеко от идеала московских писателей. И журнал «Москва» тоже существует. И газета «Московский литератор». И у газеты «Литературная Россия» в выходных данных значится: «Орган СП РСФСР и Московской писательской организации»... Но все это существует и как бы для Москвы и не существует. Предстоит работа, что говорить. Помимо повседневных хлопот: кому квартиру, кому «Избранное», кому дачу, кому путевку, кого в журнале обидели.

Не останется ли при этом совет по критике беспризорным?

— Мы обязаны утвердить достоинство критики в нашей литературе,— говорит Александр Алексеевич.— И мы будем делать это.

Пока мы беседовали с Александром Михайловым, зеркало отразило легкую фигурку Виктора Розова — он, естественно, занимается в союзе проблемами драматургии.

— У меня всего два достоинства (мы с вами, конечно, видим больше, но послушаем самооценку известного драматурга, он всегда отличался остроумием и даром высказываться афористично). Я никогда никуда не опаздываю и не нарушаю регламент, когда выступаю. Недостатков у меня тоже два: не умею спать в самолете и в президиуме...

По мнению В. Розова, драматурги — самая спокойная часть Союза писателей. «У нас меньше всего скандалов и претензий». «Почему? Нельзя ли и остальным перенять полезный опыт?» «В годы застоя мы были прижаты особенно туго. Ни одна стоящая пьеса не выходила к зрителю без огромных потерь. Может, оттого, что нас так крепко прижимали, мы и стали друг другу ближе, роднее...»

Вообще-то на восьмом писательском съезде был избран не один, а три секретаря по драматургии. А. Салынский, М. Шатров и В. Розов должны работать посменно, по очереди. Но, по существу, они так и работают втроем. «Ни один из нас не принимает никаких решений без остальных»,— рассказывает В. Розов. Вот и эти дни насыщены подготовкой к всесоюзному собранию драматургов — все три секретаря пришли к выводу, что оно необходимо. Секретари — по прозе (П. Проскурин), поэзии (Е. Исаев), работе с молодыми (К. Скворцов) работают поодиночке, но от этого им не легче. Ведь коллегиальность требуется и в их решениях.

В КАБИНЕТЕ ГОРЬКОГО

Старый камин, конечно, давным-давно не топят. Но тепло от него все равно идет. Старинный, милый уют в этом кабинете. Может быть, стены впитывают ум, чуткость, человечность тех, кто приходит сюда... Может быть, дело в книгах — их много... Или в свойстве человеческой памяти — хранить доброе, а плохое поскорее забывать, будто его и не было?

В этом кабинете работал Максим Горький. Сюда приходили, чтобы поговорить с Александром Фадеевым, Константином Фединым. Сейчас приходят повидаться с нынешними руководителями Союза писателей СССР. И очень хорошо, что идут.

— У меня тут пленум каждый день,— говорит первый секретарь правления СП Владимир Васильевич Карпов.— Перестройка всколыхнула в людях огромную социальную активность, пробудила гражданские чувства. Люди хотят реально влиять на события в стране, в мире и, разумеется, на дела в Союзе писателей, в своей собственной организации. Каждый считает, что прав именно он, что именно его предложения смогли бы радикально и к лучшему изменить положение дел...

Стараюсь склонить всех, каждого к главному — к консолидации писательских сил, к преодолению групповых интересов,— продолжает Карпов.— Только сплотившись, по всем основным вопросам жизни мы можем быть настолько сильны, насколько требует от нас жизнь. Партия ждет от нас помощи. Народ ждет. А мы отдаем далеко не все, что можем и должны были бы отдавать...

Работа первого секретаря правления, как и работа всего союза, подобна айсбергу. Верхушка видна, а то, что не видно, слишком многообразно, непросто и трудно.

Этот старинный дом, в котором так уютно бывает и тепло гостям, почти совсем не пригоден для повседневной работы. Сюда даже входить-то небезопасно: дом в аварийном состоянии. Когда идет дождь, под хрустальные люстры приходится подставлять тазы и ведра. Когда секретариат рассаживается за длинным столом, первый нет-нет да и взглянет с опаской на потолок: как бы наша литература в одночасье не понесла невосполнимые утраты. Столько воды утекло в прямом и переносном смысле, а дело не сдвинулось. Его необходимо сдвинуть.

А знаменитое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое в этом году, «Об улучшении условий деятельности творческих союзов»? Чтобы осуществить его, надо, опираясь на возможности перестройки, одолеть косность, консерватизм, застойность. Просто ли это? Вот только один пример.

Предусмотрена реконструкция Тульской типографии — это поможет писателям проще издаваться, то есть самым благоприятным образом скажется на творчестве и литературе в целом. В Тульском обкоме партии все понимают и готовы помочь. Но раз расширяется типография, значит, нужны жилой дом для ее работников и весь комплекс сооружений, необходимых для человеческой жизни,— детские учреждения, магазины и т. д. В принятом решении говорится: «создать». А Госплан не включил все это даже в план на пятилетку. Значит, ничего и не будет.

Постановление предусматривает улучшение жилищных условий писателей. Есть республики и города, где заботятся о писателях, создают им возможности для работы. Но вот Московское управление учета и распределения жилплощади полностью постановление игнорирует. Из плана распределения жилплощади Союз писателей вычеркнули вообще. Союз вкладывает средства в долевое участие в строительстве, но Моссовет игнорирует даже ордера. Недавно пришли в новый дом писатели-новоселы с ордерами на руках, а Моссовет уже заселил их квартиры.

Идут люди в кабинет к первому секретарю, предлагают открыть новое издательство, наоткрывать журналов, газет. Заманчиво все, хорошо! Но знали бы они, как тяжелы переговоры даже по вопросам решенным, закрепленным правительственными постановлениями, может, были бы и осмотрительнее с красивыми предложениями.

Тем же постановлением предусмотрена реконструкция редакционно-издательского корпуса и типографии «Литературной газеты». А председатель исполкома Моссовета прислал письмо от 1 июля этого года, суть которого можно выразить одним словом: «отказать». Вопрос о типографии «Литгазеты» в 13-й пятилетке будет только рассматриваться.

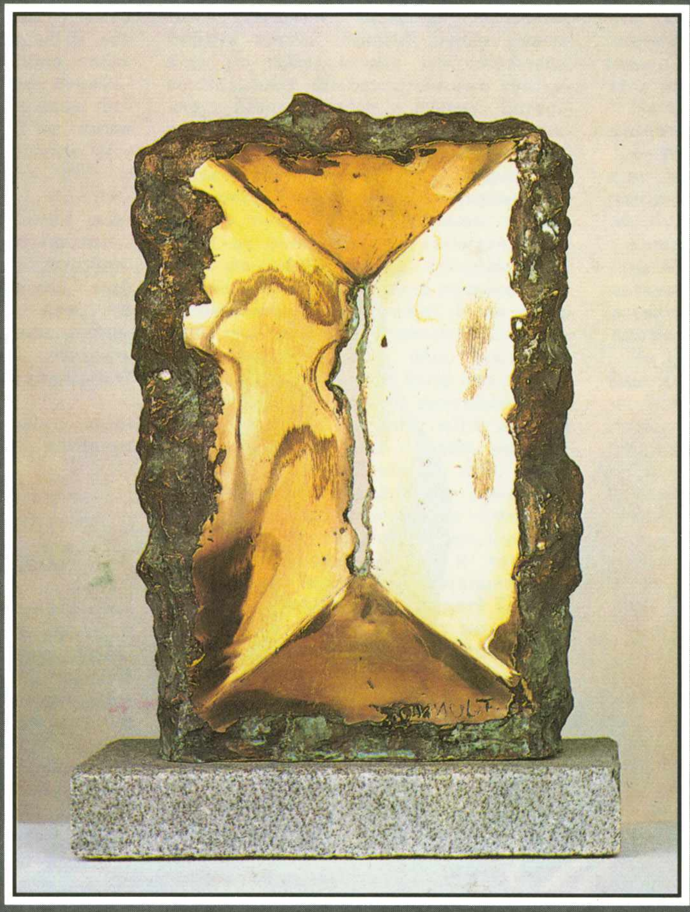
Писатели получают у нас гонорар на уровне довоенного. С тех пор у всех изменилась зарплата, изменились условия жизни, цены. Надо принимать меры к изменению оплаты писательского труда? Конечно, надо.

Надо менять устав Союза писателей? Он давным-давно устарел, конечно, надо. И работа идет. Надо совершенствовать отношения с Госкомиздатом и ВААПом? Надо, само собой. А сколько забот в республиках, сколько надо сделать для того, чтобы Союз писателей был организацией именно всесоюзной!

ТАПИО ЮННО.
БЕЖЕНЦЫ. БРОНЗА.
1983 год.

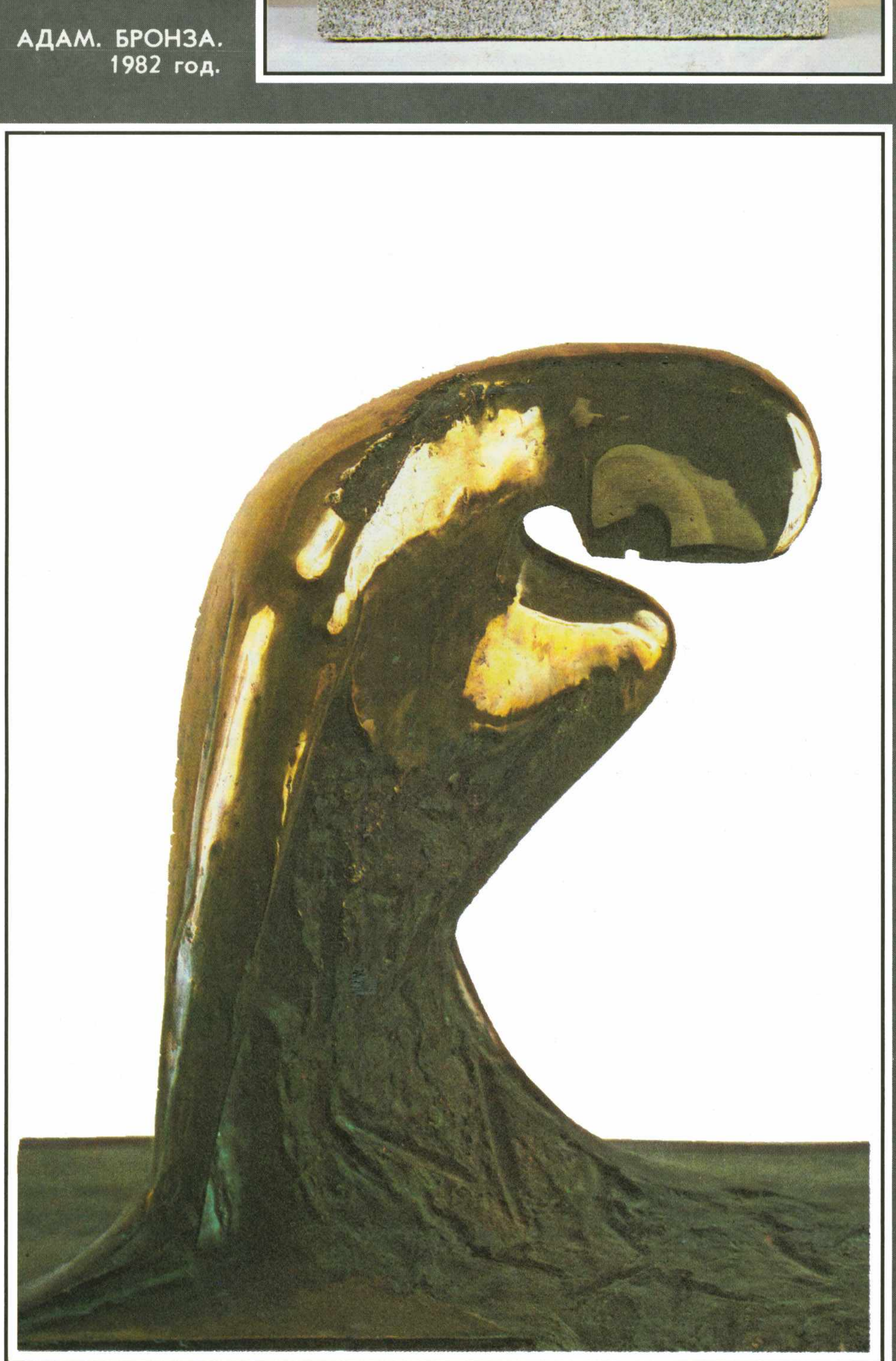
РЕКА АЛТА.
БРОНЗА.
1985 год.

КАПИТАН. БРОНЗА.
1981 год.

ТАПИО ЮННО.

АДАМ. БРОНЗА.
1982 год.

МИМОЛЕТНАЯ ФИНЛЯНДИЯ

Начало см. стр. 17.

Раньше Свеаборг называли скандинавским Гибралтаром. Мощная крепость была построена на островах во второй половине XVIII века. О прошлом этой базы русского флота на Балтийском море напоминают огромные пушки, отлитые на пермских заводах в шестидесятых годах минувшего столетия. Теперь это исторические памятники, образцы военной техники, а когда-то было грозное, уникальное оружие. То, как умеют финны ценить прошлое, как бережно заботятся об исторических памятниках, понимаешь в Суоменлинне — Свеаборге, превращенном в крепость-музей. На этих островах пролилось немало русской крови. Летом 1906 года здесь вспыхнуло знаменитое Свеаборгское восстание. Солдаты и матросы гарнизона, возглавляемые большевиками-офицерами А. Емельяновым и Е. Коханским, в течение двух дней пытались овладеть центральной крепостью. Им помогал и пролетариат Финляндии. Но правительственные войска, получив подкрепление подошедших военных кораблей, подавили восстание.

Вообще эта крепость-музей на островах заслуживает особого, подробного рассказа для русского читателя — слишком много связано здесь с нашим прошлым, о котором теперь вспоминаем мы все с большим вниманием и почтением. И наши финские друзья, сохраняя на своей суверенной земле реликвии русской истории, делают неоценимо много для дружбы и сотрудничества наших стран.

Мы шли мимо редутов и пушек центральной крепости, постепенно приближаясь к дому, который и был истинной целью нашего посещения Свеаборга.

— Многие здания на острове сейчас перестраиваются,— рассказывали наши спутники,— в некоторых будут располагаться развернутые музейные экспозиции. Другие постройки прошлого века, переоборудованные в соответствии с современными требованиями, станут жилыми домами. Жилищная проблема на острове, где живут около тысячи человек, остра, и мы ее решаем параллельно с реставрационными работами...

В лесах стоял и дом, где, по преданию, родился человек, которому суждено было стать совестью русской литературы. Штаблекарь Г. Н. Белинский служил флотским врачом в Свеаборге, и семья жила в здании, на котором в год 175-летия критика укреплена небольшая памятная доска: «Здесь родился 30 мая 1811 года Виссарион Белинский, известный русский гуманист, литературный критик и исследователь». Через пять лет родители перевезли отсюда мальчика в самое сердце России, глухой Чембар Пензенской губернии, где и прошла его юность. Он совершенно забыл Свеаборг, и, как пишет самый внимательный исследователь жизни Белинского В. С. Нечаева, раннее детство так мало осталось в его памяти, «что он должен был в 1840-х годах путем архивных разысканий устанавливать место своего рождения». Тем более ценно то внимание, которое проявили финны к имени В. Г. Белинского.

За рубежом есть несколько мест, где бывали русские писатели, отмеченных памятными досками. Теперь к Флоренции, Баденвейлеру и некоторым другим городам прибавился и финский остров Суоменлинна.

Инициатором установления мемориальной доски был Институт культурных связей между Финляндией и СССР при министерстве просвещения Финляндии. Директор института Вальдемар Меланко, человек удивительно энергичный, целеустремленный, преданный делу укрепления культурных связей между нашими странами, с энтузиазмом рассказывал о делах и планах института, о его библиотеке, научных исследованиях, информационной деятельности. Но более всего нас, советских журналистов, поразили издания института, и прежде всего три альманаха «Studia Slavica Finlandensia», вышедшие в 1984, 1985, 1986 годах. На финском и русском языках публикуются здесь работы финских славистов. Среди статей есть интереснейшие, в них разработаны многие неизвестные проблемы, в том числе связанные с русской литературой. Такие работы, как исследование С. Г. Исакова «Горький, КУБУ и Финляндский университетский комитет помощи русским ученым», где открываются новые страницы в жизни петроградской интеллигенции в первые послереволюционные годы, П. Пенсонен «Идея синтеза в эстетических взглядах Андрея Белого», Л. Биклинг «Ида Аалберг и ее русские гастроли», и другие делают честь интересному ежегоднику.

С особой гордостью Вальдемар Меланко показал нам ежегодник 1987 года. Он необычен. Это монография финской исследовательницы Н. Башмаковой «Слово и образ» о творческом мышлении Велимира Хлебникова. Глубокий анализ творчества сложнейшего русского поэта выполнен очень тщательно и квалифицированно. Творчество Хлебникова рассматривается в контексте развития русской культуры начала века. Книга прекрасно издана. Суперобложка В. Хлебниковой, факсимильные воспроизведения автографов поэта, репродукции русских икон, живописных работ В. Кандинского, П. Филонова, П. Митурича, М. Врубеля, В. Татлина, К. Петрова-Водкина погружают читателя в художественный мир, адекватный поэзии Хлебникова. С этой книгой, безусловно, с интересом познакомятся советские филологи и любители поэзии. Возможно, следует подумать о переиздании монографии Натальи Башмаковой в Советском Союзе.

В 1988 году Институт культурных связей между Финляндией и СССР намеревается провести представительную международную конференцию, посвященную 1000-летию принятия христианства на Руси. В монастыре Новый Валаам соберутся деятели церкви и ученые многих стран. Словом, институт делом, и делом весьма серьезным, укрепляет культурные связи между нашими странами. Знакомство с его программами было одним из самых сильных впечатлений во время нашего краткого осеннего визита в Финляндию.

...В эти дни в Хельсинки был традиционный фестиваль искусств. Столица Финляндии жила музыкой, концерты финских и зарубежных исполнителей, известных оркестров, знаменитых и совсем молодых артистов проходили во дворце «Финляндия» и в других залах. И тогда же в Хельсинки была открыта выставка поразительного скульптора, «художника года» (есть такой титул в финском изобразительном искусстве) Тапио Юнно. Как жаль, что его работы, хранящиеся в крупнейших музеях и коллекциях мира, пока неизвестны нашему зрителю. Тапио Юнно — трагический поэт бронзы. Именно бронза — его любимый и почти единственный материал. Совершенно необычное впечатление производят фигуры Юнно — это особая, трагическая поступь людей, потерявших лица, гибнущих в мире конформизма, бездуховности. Золотой блеск полированной бронзы неожиданно прерывается изъязвленным, как бы взрывом разорванным материалом. Глубокий психологизм творчества Тапио Юнно проявляется прежде всего в форме его скульптур. Эти музыкальные, певучие линии вдруг ломаются, и сама боль вопиет этими изломами. Художник очень реалистичен в своем творчестве, но это, конечно, не наивно-фотографический реализм, а тот высший, который передает суть мира, раскрывает человеческую душу, трагедию одинокого человека, которому и жизнь — пустыня.

Искусство Юнно многомерно — он может быть камерен, лиричен, например, в прелестной серии «Окна», но по сути своей он философ и мыслитель, а также великий труженик. Поразительна и завидна работоспособность этого художника. Произведения Тапио Юнно надо видеть. И выставка этого скульптора, если она состоится в Москве — а выставка такого мастера должна быть организована у нас,— откроет многим совершенно неожиданный художественный мир.

●

Со стр. 24.

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА

Как бы ни старались разные люди, сколько бы сил ни вкладывали в свою работу, кто-то один должен держать все в голове. Кто-то должен быть координатором всех усилий. Иначе толку не будет.

Такой человек в Союзе писателей есть. Его обязанности называются весьма прозаическим словосочетанием: «организационные вопросы». Юрий Николаевич Верченко держит в голове такое невероятное количество писательских забот, что иногда это кажется даже неправдоподобным. Он обязан знать, какой в Узбекистане готовится пленум. Он помнит, какие стихи не хочет вставлять в сборник поэта Н. редактор, и, печалясь о судьбе этих стихов, думает, как бы убедить редактора. Он знает, что после женитьбы сына трудно стало работать дома прозаику П., и надо бы отправить его в Дом творчества. Он думает, что зарплата работающих в домах творчества слишком мала, и, может быть, будь она побольше, супы были бы понавaристее, а стало быть, надо добиться увеличения заработной платы...

У Юрия Николаевича есть и свои симпатии, и свои пристрастия в литературе (читатель он жадный и неутомимый). Но бывает и так, что из дверей его кабинета выходят по очереди два непримиримых литературных оппонента (друг с другом они уж много лет не кланяются), и оба решили свои вопросы самым благоприятным образом, у обоих успокоенные лица.

Любое из мероприятий со всеми его содержательными и бытовыми подробностями нужно реально организовать. Это и делает Верченко.

...Заседание секретариата подводит итоги Всесоюзной творческой конференции «Великий Октябрь: социалистический интернационализм, советский патриотизм и современная литература». Докладывает секретарь правления СП СССР Юрий Иванович Суровцев. На конференции именно он выступал с основным докладом.

В работе Ленинградской конференции участвовали 76 известных писателей, были крупные литераторы из 15 стран, больше сорока человек приняли участие в обсуждении, в дискуссиях о перестройке в стране, о месте писателя в этом процессе, об интернациональном воспитании и межнациональном общении, о прошлом страны и его отражении в повестях и романах.

Как, каким образом скажется все это, называемое казенным словом «мероприятие», на литературе? Странно было бы ждать сиюминутной пользы. Влияние незаметно глазу, не мгновенно, как и от всех дел, сложных, многотрудных и простых в исполнении, растянутых на месяцы и годы и совершающихся в этот час, в данную минуту в старинном доме на улице Воровского. Но всеми этими делами нужно, необходимо заниматься, кто-то должен держать их в голове, вкладывать в них сердце, нервы, душу, чтобы писатели могли спокойно писать свои книги, чтобы не было этому святому делу помех, а была одна помощь, всесторонняя, своевременная, такая польза, которую может оказать только творческий союз своему члену.

Все эти дела нужны и для того, чтобы писатели ощущали себя не одиночками, а членами мощного сообщества, чей голос слышен в стране и за ее пределами, и это бы воодушевляло их, вселяло в них уверенность в себе и гордость.

Галина БЕЛИКОВА,
Александр ШОХИН

ТЕНЕВАЯ

С 1 ЯНВАРЯ 1988 ГОДА НАЧИНАЕТСЯ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПРАКТИКУ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ, РАЗРАБОТАННОЙ ИЮНЬСКИМ (1987 г.) ПЛЕНУМОМ ЦК КПСС. ОДНА ИЗ ЗАДАЧ РЕФОРМЫ — ВЫТЕСНЕНИЕ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ, В КОТОРОЙ ОТРАЗИЛИСЬ, КАК В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ, НЕДОСТАТКИ «СТАРОЙ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.

ЧТО ЖЕ ОНА ТАКОЕ?

Ни для кого не секрет, что хозяйствование у нас в стране долгие годы велось не только явными, открытыми, управляемыми «сверху», но и скрытыми, недозволенными или не вполне дозволенными способами. Для обозначения негативных сторон экономической действительности все чаще стал использоваться термин «теневая» экономика. Но однозначного толкования явлений, объединяемых этим термином, до сих пор не сложилось. Как правило, подразумеваются те действия в экономике, которые стоят по «ту» сторону Уголовного кодекса, то есть экономическая преступность. Такому пониманию способствовали примеры, которые то и дело мелькали в печати.

То это были дела крупные, волнующие и возмущающие своим размахом: например, московское и ростовское торговые, черноикорные операции или та приморская «фирма», что шила джинсы из контрабандного греческого материала и реализовывала их в странах Арабского Востока.

Были и дела чисто внутреннего пользования, нешумные и негромкие, но зато их было много: например, подпольное производство неучтенной продукции — мохеровых кофт и покрышек для «Жигулей», распредвалов и упитанных телят, гранулированного полиэтилена и т. д.— с последующей реализацией через преступную торговую сеть или добровольцами из населения. Подобные сюжеты дали жизнь десяткам кино- и литдетективов.

По сути дела, речь почти всегда шла о крайней форме теневой экономики, основанной на откровенно противозаконных способах производственной деятельности, на откровенно корыстной мотивации деятельности занятых здесь лиц. Не боясь сгустить краски, мы бы назвали эту разновидность теневой экономики «черной» экономикой.

Однако было бы неверно рассматривать теневую экономику только через призму ее самых криминальных проявлений. Более того, подобный акцент в объяснении явлений теневой экономики приводил к тому, что ее существование довольно долго трактовалось как результат чисто личных, индивидуальных порочных склонностей отдельных граждан: «Кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет!» Регламентированная экономика при этом вообще не рассматривалась: как безупречно голубая и никакой тени не отбрасывающая; тень, по этим представлениям, как в известной сказке Е. Шварца, образовалась и разгуливала сама по себе.

Но потом все настойчивее зазвучали тревожно-вопрошающие нотки: главный инженер купил насос — да, с рук, да, незаконно, но не в целях личной наживы, а для нужд производства: без этого насоса, может, все производство бы остановилось. Появился даже термин «бескорыстный преступник», и перечень объяснений причин экономической преступности и правонарушений дополнился теорией «щелей и прорех» в экономике: тех или иных просчетов или недостатков в планировании, снабжении, финансировании, распределении материальных ресурсов, которые вынуждают хороших хозяйственников в благих производственных целях действовать неправыми средствами.

Соответственно и меры борьбы с теневой экономикой предлагались в первом, крамольном случае сугубо карательные (пресечь-де деятельность аморальных лиц, и экономика сама пойдет в свойственном ей безоблачном направлении). Во втором же случае считались необходимыми частные экономические меры, связанные с латанием тех или иных конкретных прорех и дыр в здоровой в целом, но нуждающейся в отдельных поправках и усовершенствованиях экономике.

Сейчас, когда о здоровье дореформенной экономики говорится вслух и нелицемерно, пришла, думается, пора столь же откровенно поговорить о ее теневой стороне как о недостатке, являющемся прямым продолжением «достоинств» командно-административной экономики: жесткой централизации планирования и карточного распределения ресурсов, преобладания властных мотиваций в системе управления, административных методов принятия решений, ориентированных на количественные параметры, иерархических критериев оценки руководящих кадров, постоянного воспроизведения уравнительных тенденций и т. д., то есть как о явлении, порожденном главными особенностями действовавшей системы хозяйствования и управления.

Такой подход требует раздвинуть рамки и рассматривать в качестве теневой экономики не только откровенную экономическую преступность (то есть «черную» экономику), но все неучтенные, нерегламентированные, отличные от изложенных в нормативных документах и правилах хозяйствования методы экономической деятельности. Теневая экономика существует как вне общественно организованного сектора (в так называемой «второй» экономике), так и в его недрах («неформальная», «фиктивная» экономика). Рассмотрим подробнее эти формы теневой экономики, обращая особое внимание не на описание конкретных сенсационных дел и пикантных подробностей из жизни лиц, по ним проходивших, а по возможности на подробное описание явлений, причин, их породивших, оценку и прогнозы того, как «поведет» себя теневая экономика в пореформенный период.

АЙСБЕРГИ «ВТОРОЙ» ЭКОНОМИКИ

Нередко термин «вторая» экономика употребляется как синоним теневой экономики в ее криминальном толковании. Мы же вслед за известным венгерским экономистом Я. Корнаи будем подразумевать под ней все те формы производственной деятельности, которые ранее считались бесперспективными, — индивидуальная трудовая деятельность, мелкогрупповое производство (артели, небольшие кооперативы), прочие «малые формы» (соответственно «первая» экономика — это крупное государственное и кооперативно-колхозное производство, которое только и считалось подлинно социалистическим сектором).

«Вторая» экономика сродни айсбергу: над поверхностью легализованная, зарегистрированная часть, облагаемая налогом; значительная же ее часть скрыта (от финансовых и контрольных органов, но не от потребителей), ведется в рамках теневой экономики.

До последнего времени «вторая» экономика была нелегальной вынужденно, хотя прямого запрета, например, на индивидуальную трудовую деятельность как такового не было (не только в законодательных актах, но и в нормативных документах и положениях). Более того, право на подобный труд гарантировано Конституцией, однако власти на местах по принципу «что не разрешено, то запрещено», регистрировали ее с крайней неохотой: всего в стране к 1987 году было «опатентовано» около ста тысяч индивидуалов. Но в «подполье» их было значительно больше: по ориентировочным оценкам, только оказанием услуг во «второй» экономике было занято до 20 миллионов человек.

«Частники», например, задолго до того, как раскачаются промышленность и торговля, удовлетворяли спонтанно возникающий ажиотажный спрос на тот или иной дефицит, как массовый, так и элитарный. Они фабриковали грампластинки из рентгеновских снимков, мастерили «фирменный» самострок; насыщали не дозволенные тогда культурные запросы: дублировали западные видеофильмы, ксерокопировали «Лолиту», «Мы», «Доктора Живаго», «Собачье сердце». А в больших городах «частники» стригли пуделей и болонок; преподавали йогу и икебану; психоанализировали и ясно видели на дому у себя или у клиента; пели на свадьбах, писали дипломные и курсовые работы и т. д.

Но самый большой объем работ выполнялся частным образом все-таки не в социально-культурной, а в повседневно-бытовой сфере. Цех кустарей прежде всего полностью дублировал все традиционные услуги сферы общественного обслуживания — так, на его долю в городе приходилась половина ремонта обуви, почти половина ремонта квартир, сорок процентов ремонта автомобилей, треть сложной бытовой техники, сорок процентов пошивочных работ. На селе же доля частного сервиса составляла четыре пятых от общего объема бытовых услуг, оказанных населению. Наряду с этим кустари удовлетворяли и официально не запланированные, но от этого не менее насущные потребности граждан; ими, например, при практическом отсутствии государственных организаций, берущих подряд у индивидуального застройщика, ежегодно возводилось 16 миллионов квадратных метров площади личных домиков; так же обстояло дело в постройке гаражей, со всевозможными дачными и приусадебными постройками и т. д.

То есть живучесть «второй» экономики даже в неблагоприятных для нее условиях неопровержимо доказала: все виды индивидуальной трудовой деятельности, а также малые производственные объединения типа артелей и кооперативов вовсе не «бесперспективны», а очень даже жизнеспособны и эффективны. Они быстрее, чем промышленность, реагировали на быстро меняющийся спрос, способствовали преодолению диктата производителя над потребителем, сокращали реально огромный дефицит в сфере услуг, были надежны, выгодны — за неимением лучшего — и удобны для клиентов.

Еще один позитив «второй» экономики в том, что она способствовала сохранению потенциала трудовой активности у части населения: народ, иначе говоря, не разучился работать высокопроизводительно и качественно, напряженно — вопреки мифу о «трудовой пассивности» — работал и работает. Однако по-прежнему в большей своей части—в рамках теневой экономики.

Закон об индивидуальной трудовой деятельности, принятые постановления по развитию кооперации не привели пока к существенному сокращению нелегального сектора «второй» экономики. Казалось бы, эти меры должны были привести к легализации тех, кто вел ИТД или подобную деятельность издавна, имеет соответствующий опыт, клиентуру. Ан нет. Как показывает анализ, значительное число заявок на право занятия ИТД подают — за исключением художественных промыслов — энтузиасты, никогда ранее ею не занимавшиеся: необстрелянная молодежь; еще часть — лица, пытающиеся таким способом легализовать свои незаконно нажитые в прошлом высокие доходы. Например, выборочный анализ в одном из районов Московской области показал: 90 процентов заявок представлено лицами, имеющими одну или несколько судимостей, работающими ныне в торговле, автосервисе и т. п., и искренность их желания внести общественно полезный трудовой вклад представляется весьма проблематичной. Лишь небольшое количество заявителей—специалисты-практики с реальным опытом ИТД. Иначе говоря, «дикий частник» вовсе не стремится влиться в ряды цивилизованных кооператоров и индивидуалов.

Причин у этого явления несколько.

Прежде всего продолжают подпольно развиваться услуги, не вошедшие в перечень наименований, предусмотренных законом. Часть из них, не соответствующая социально приемлемым стандартам, и не может быть зарегистрирована (изготовление оружия, наркотиков, порнобизнес и др.). Еще одна часть, представленная на усмотрение местных властей, не регистрируется ими по старому, отработанному принципу («не разрешено...»). Как показывает опыт кооператоров, существенно замедляющей легализацию стала грустная бюрократическая реальность — волокита, канцелярщина, необоснованные запреты и проволочки: мало «выбить» разрешение и прикрепиться к предприятию-учредителю, нужно дождаться еще и помещения от исполкома. Именно на помещении многие кооператоры и «ломаются»: его очень долго вообще не дают, а потом предоставляют такое, что на приведение его в мало-мальски приличный, хотя

ЭКОНОМИКА

бы для прохождения саннадзора, вид нужны большие усилия и средства. Недаром многие из потенциальных кооператоров, пройдя по этому кругу, отчаявшись, капитулировали.

Определенное тормозящее влияние на легализацию теневого сектора «второй» экономики оказывают и причины социально-психологического характера. Одна из них — внедрившееся в массовое сознание стереотипное представление: все должны жить одинаково, никто не должен «высовываться», хотя бы и на честно заработанные деньги. «Частник», «кустарь», «шабашник», «левак», хотя и названные индивидуалами, негативно воспринимаются массовым общественным мнением. И пренебречь им, особенно в маленьких, где «все друг друга знают», городах не решается не только робкий новичок, но и тертый, бывалый, но не «бессовестный» частник: одно дело «шабашничать» потихоньку, скрываясь, другое — всенародно «высветиться»... По-видимому, восстановлению действующего при социализме принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду» в его нормальном, очищенном от лжетолкований и дурнопрочтений виде в мировоззрении широких общественных слоев должны быть посвящены не только усилия средств массовой информации, но и меры по его реальному воплощению в «первой» экономике. Тогда отпадет почва для зависти, связанная с практической невозможностью занятых в «первой» экономике дотянуться до уровня заработков во «второй» экономике.

Еще более сильнодействующим представляется такой элемент мировосприятия, как неверие в долговременность нынешней политики государства в отношении ИТД (имеющий, надо признать, немалые исторические, да и современные основания). Потепление, опасаются они, может смениться похолоданием, послабление — ужесточением, и тогда доверчивому, обнаружившему себя кустарю придется худо! И ведут дело, особенно те, кому есть что терять, по старинке, подпольно. Опровергнуть эти опасения, по-видимому, способны только время да изменение отношения к перспективам развития ИТД и кооперации. Их развитие связывается зачастую с отставанием государственных учреждений и предприятий, удовлетворяющих потребности населения. Считается, что, пока не разовьется сеть этих предприятий, не возрастут объемы производимой ими продукции или оказываемых услуг, можно использовать резервы кооперативных и индивидуально-трудовых форм производства. То есть этим формам отводится роль временного способа затыкания дыр в проблеме насыщения рынка. Такой подход, с одной стороны, служит основой для всякого рода ограничений на ее развитие, а с другой (поскольку соответствующие заявления делаются официальными лицами) — порождает сомнение в долговременной стабильности положения индивидуалов и кооператоров.

Нельзя игнорировать и тот факт, что самый активный, деловой отряд «второй» экономики — специалисты, обросшие постоянной клиентурой,— не заинтересован в легализации и по грубо материальным, а не только тонкопсихологическим причинам. Таким «штучным» мастерам это простонапросто невыгодно. Так, налог, установленный для индивидуалов, довольно высок: 65 процентов с доходов, превышающих 500 рублей в месяц, и самые авторитетные, «зажиточные», пользующиеся наибольшим спросом «частники» — занятые в области автосервиса, ремонта квартир, портные, теле- и радиомастера — не чувствуют решительно никаких побуждений к тому, чтобы вот так, «за здорово живешь», отдавать свои многотнестопроцентные доходы. И над ними, в плане вынуждения к легализации, «не каплет»: во-первых, сделки в основном заключаются по солидной рекомендации, в кругу надежной клиентуры; во-вторых, даже не очень «солидный», но хлебнувший прелестей службы быта клиент никогда не «продаст» и «не заложит» своего, с трудом добытого мастера: он его, наоборот, будет беречь, лелеять, использовать по мере надобности на «сером» рынке («ты мне — обойщика, я тебе — парикмахера») и в случае необходимости отстаивать.

Но на пути к легализации «второй» экономики лежит еще одно, не менее существенное препятствие. Оно объясняет, почему даже тот «частник», который законопослушен и хочет объективно, однако не может легализоваться.

Дело в том, что «вторая» экономика связана с теневой не внешней, поверхностной,— так, что «разрешить» ее, и она автоматически станет индивидуальной трудовой деятельностью,— а более глубокой связью. «Вторая» экономика потому в «тени», что нередко пользуется незаконными — в лучшем случае «нерегламентированными» — каналами ресурсодобывания. «Частник» органически не переносит бестактного, неизбежного при легализации, внимания к своим «источникам». Его первоочередное достоинство — обладание теми или иными видами дефицита (запчастями к автомашинам, деталями для бытовой техники, финскими обоями и унитазами, стройматериалами и т. д.) — является одновременно и его слабостью. Что-то им добывается «по блату», со складов или с баз; что-то без всякой, естественно, документации приобретается на черном рынке; что-то просто «уносится» с основного места работы... Естественно, в таких условиях разговор с фининспектором не о поэзии чреват и нежелателен.

Первая, традиционно приходящая на ум возможность борьбы с нелегализованными индивидуалами — ужесточение по отношению к ним «карательных» мер — видится, по размышлении, малоэффективной. Более продуктивной и экономически целесообразной представляется вторая возможность, вернее, комплекс организационных, экономических и правовых мер, направленных на максимальное облегчение добровольной социализации «частника».

Прежде всего необходимо обеспечить переход к принципу «разрешено все, что не запрещено». Это должно не только обеспечить правовую защиту индивидуалов и кооператоров от бюрократического произвола, но и способствовать ускоренному развитию наиболее прогрессивных, «опережающих» видов «второй» экономики (которые ныне не попадают в реестры рекомендуемых местными органами власти).

Как решать проблему дефицитности ресурсов? Может быть, проявить лояльность и терпимость незаконным способом их привлечения? Если такими темпами, при преобладании запретительных мотивов, многое нужное «уносится» сейчас, то при малейшем намеке на «лояльность» немудрено и вовсе все производство растащить по винтику. Альтернатива видится в создании свободного, основанного на коммерческих ценах рынка материалов и ресурсов, полностью обеспечивающего все нужды «второй» экономики. Не исключено, что, кроме насущной экономической, такой рынок — самой возможностью выбора: «купить или украсть?» — выполнит нравственно-оздоровляющую задачу. Слово «взял», думается, с такой легкостью заменило слово «украл» в значительной степени благодаря предметно-практической неосмысленности понятия «купил», а менять социально-психологические стереотипы в сознании лучше всего переменами в экономическом бытии.

Не менее очевидной является необходимость ослабления налогового пресса и активизации чисто экономических регуляторов ограничения «сверхдоходов» во «второй» экономике. Речь идет прежде всего о развити конкуренции, экономического соревнования внутри этой сферы.

Иначе говоря, методы размывания массивных на сегодняшний день айсбергов «второй» экономики совпадают с методами стабилизации и развития формирующегося индивидуально-кооперативного сектора, его органичного встраивания в целостный хозяйственный механизм.

ЧТО СКРЫВАЛОСЬ ЗА ФАСАДОМ!

Внешность, как известно, часто бывает обманчивой: за грубыми манерами может прятаться нежная, чувствительная душа, за роскошно обитой частником дверью — паутина и беспорядок, а за фасадом командной экономики всегда скрывалась совокупность неформальных — отличных от декларируемых директивно-административных — методов ведения хозяйства. Они возникали как способ адаптации к регламентированной экономике; нередко деформировались и принимали уродливый вид; но явились объективно той смазкой, которая позволила так долго крутиться ее проржавевшим шестеренкам.

Так, давным-давно очевидные для хозяйственников недостатки планирования «от достигнутого» на деле сплошь и рядом обходились и в дореформенной хозяйственной жизни частными, кулуарными способами. План, например, спускался такой, чтобы приспособиться к изначально заложенной в действующую систему планирования ненормальности: в той или иной степени заниженный. Он ориентировался не на фактические, оптимальные, а на искусственно урезанные возможности предприятия.

И поскольку в прямой, открытой форме делать это все-таки было нельзя, договоренность по поводу плана осуществлялась обычно в форме негласного «джентльменского соглашения» между директорами заводов, фабрик, с одной стороны, и соответствующими работниками главков, министерств и ведомств — с другой.

Иначе говоря, с централизованным планированием велась игра, козыри в которой по обоюдной договоренности сторон придерживались. Естественно, что такие «игровые» отношения базировались не на должных безупречно административно-приказных, а на личных, неформальных контактах и связях. Они-то и составляли каналы, по которым функционировала неформальная экономика. Она, по вполне понятным причинам, не оставалась на невинно-адаптивных рельсах. Возможность безнаказанных, под прикрытием вышестоящей «дружбы» и «понимания», манипуляций с планом открывала широкие асоциальные перспективы, и они по мере их использования все неуклонней задвигали неформальную экономику в «тень».

Так, например, соглашения насчет плана были не такими уж бескорыстными: он чаще всего занижался не из вынужденно-экономических, а прагматически-материальных целей. Перевыполнение плана давало ряд ощутимых выгод и преимуществ — в виде премий, поощрений, славы «хорошего работника» и продвижения по служебной лестнице и т. д. Соответственно и высшее начальство шло на это не только ради красивых директорских глаз, а в интересах отрасли. План, например, мог быть искусственно занижен в какой-то год с тем, чтобы на следующий его можно было гордо «переплюнуть», потому что отрасли нужны свои передовики, и т. п. Так появлялись дутые авторитеты и победители, и происходила подмена сущности видимостью.

Резервы развития производства при этом занижались не только на бумаге, но и искусственно сдерживались в жизни: предприятию было невыгодно — «план повысят!» — действительное повышение производительности труда, внедрение автоматизации и рационализации.

Иногда «дутый» план выбивался также не только из-за карьеристских и престижных соображений или ввиду дозволенных материальных выгод, но и становился прикрытием всевозможных производственных махинаций: производства «левой» продукции из излишка сырья, хищения «неиспользованных» неликвидов и т. п., ибо непроходимой границы между различными видами теневой экономики нет.

Не были полноценно невинными и дружескими и «неформальные» контакты и связи: их поддержание требовало «встреч» и «проводов» с возлияниями, банкетов и пикников с обслуживанием и прочими забавами, каменных вилл и «охотничьих домиков» и т. д. Помимо той деформации, которую подобная широко распространившаяся практика вносила в общественное сознание, она приводила еще и многих гостеприимных «в интересах дела» хозяев к вынужденному отдыху на казенный счет, а многих неустойчивых чиновников из «верхов» — к грубой, прямой коррумпированности.

Таким образом, в чем-то конструктивные личные взаимоотношения внутри командной экономики с неизбежностью — под влиянием всей совокупности действующих в ней факторов — наполнялись безразличным к интересам общества содержанием, а порой и того хуже. План при этом вовсе не обязательно занижался: он, наоборот, мог и повышаться до любых, удобных производителю размеров. И выполняться потом «любой ценой», даже если для этого пришлось бы загубить окружающую среду.

Например, какое-нибудь ведомство могло бы осушать какое-нибудь болото, копать в колхозе или кишлаке канавы — что пыльно, непрестижно, плохо оплачивается, и результаты к тому же требуются немедленно. И оно же могло бы осуществить «проект» века — что-то в истории человечества небывалое и ни с чем, естественно, не сравнимое; с миллиардными капиталовложениями и премиями, конечно, «по затратам»,— так как первые мыслимые результаты обнаружатся лет этак через 20—30...

Легко понять, какая перспектива ближе к сердцу ведомства.

Более скромной и, если смотреть «изнутри», отвечающей реальным запросам хозяйствования была суета неформальной экономики вокруг карточного снабжения.

Известно, например, что вплоть до сегодняшнего дня лишь очень немногие, в основном стратегические, отрасли народного хозяйства получали необходимые им фонды материалов полностью и требуемого качества; нужды большинства все годы обеспечивались на 50—60 процентов (например, отраслей, выпускающих товары массового потребления), а коекаких и того менее.

Но также известно, что предприятия в целом по стране имеют сверхнормативные запасы сырья, оборудования и прочего дефицита на сумму, приближающуюся к 200 миллиардам рублей. Причем «излишек» не сам собой свалился на голову: его ожесточенно выбивали, пробивали и доставали, как по «чистым», так и по беззаконным (с дачей взятки) неформальным каналам бойкие снабженцы.

Часть его, конечно, хранится «на черный день», а еще часть обменивается. Простой, как в детстве,— «ты мне куклу, я тебе паровозик» (или как на заре человечества — корову на горшок) — обмен по формуле «товар — товар» составляет значительное количество от общего объема неформально-экономических операций.

И неформальная экономика в этой своей части, как попытка наладить простейший экономический товарообмен в условиях фондового голода, целесообразна. И даже оправданна, хотя и требует огромных непроизводительных усилий и материальных затрат. На командировочные, может быть, в конечном счете и зряшные — не удалось поменяться — расходы; денег на «представительство», «угощение» и, что уже непорядок, взятки; «придерживаемое» оборудование при этом ржавеет, портится, морально устаревает... Как адаптивный минимум, иначе говоря, она закономерна, особенно в «аварийных» ситуациях, но как долговременное средство неприемлема. И вообще смешно в развитой стране пользоваться первобытной экономической формулой.

Меры по преодолению сектора неформальной экономики в целом взаимосвязаны и состоят в полной и последовательной, бескомпромиссной перестройке соответствующих основополагающих особенностей дореформенного планирования, финансирования и снабжения. Аналогично тому, как «обменные операции» станут ненужными, когда Госснаб из верховного «карточкораспределителя» превратится в систему государственных фирм, где платежеспособные предприятия смогут по реабилитированной, цивилизованной формуле «товар — деньги — товар» приобретать нужные им машины, оборудование, приспособления и сырье, так и при полноценном осуществлении плановой ориентации не на «галочку», а на нужды потребителя, отомрут и «личные связи», как источник преуспевания, за ненадобностью. Иначе говоря, в «неформальных» подпорках нуждалась больная экономика; здоровая экономика обойдется без костылей, своими силами.

КАК ВОЗНИКАЛИ МИРАЖИ!

Производиться может не только реальная, но и фиктивная стоимость — то, чего нет в природе, а есть только на бумаге, то есть мираж, натуральная «мертвая душа»—приписка: хлопка, кубометров древесины, квадратных метров ошпаклеванной площади и т. д. «Сверхплановая» приписка оплачивается не только через зарплату, премию, но и морально: уважением, признанием, почетными грамотами введенного в заблуждение начальства и окружающих. Возникает она отчасти по объективным причинам — более того, в отдельных случаях без нее не обойтись.

Первая из них — чрезмерная централизация планово-управленческих решений. Она породила множественность показателей и форм статистической отчетности. Наряду с директивными показателями существовало большое количество расчетных, которые также доводились до предприятий. В условиях жесткой регламентации хозяйственной жизни реальное проявление самостоятельности зачастую вынуждало администрацию предприятий идти на нарушения отчетности (все равно невозможно соблюсти все инструкции, где-то можно и слукавить).

Другой причиной нарушения отчетности может выступать стремление к поддержанию стабильности условий жизни коллектива, и прежде всего стабильности поощрений и процента выполнения плана. «Потребность» в приписке возникала, например, в период адаптации предприятий к новым спускаемым сверху показателям, при невозможности выполнить производственную программу в рамках декады, месяца, квартала, года (при фактическом переходе производственной программы на следующий временной период, она может быть показана в отчетности выполненной, поскольку в начале следующего года... декады ее легче, спокойнее довести).

А практика «выводиловки» заработков? Нередко для привлечения и закрепления работников предприятия использовали не вполне «достойные» методы ее повышения — занижение норм выработки, завышение разрядов, нецелевое использование различного рода доплат и систем премирования. В одном ряду — и завышение объема работ или фонда отработанного времени, неоформление прогулов, простоев, отпусков за свой счет и с разрешения администрации. С другой стороны, стимулирование особо выдающихся результатов в труде могло вызывать приписки в силу существования различного рода «потолков» на зарплату. Особенно наглядно это проявилось на примере бригад сезонных строительных рабочих, где зачастую выплата зарплаты в соответствии с трудовым вкладом вела к припискам отработанного времени и привлечению подставных лиц.

Таким образом, приписки и другие нарушения отчетности в известной мере выступали компенсатором недостатков в планировании и управлении, расхождения между фактическими методами хозяйствования и закрепленными в формах отчетности. При этом они не всегда связаны с извлечением непосредственной материальной выгоды. В криминологических исследованиях для обозначения подобных явлений было даже введено понятие «производственно-престижная мотивация» экономических преступлений. Конечно, все это не мешает перерасти этим «бескорыстным» припискам в прикрытие хищений, «черной» экономики, прочей корыстной преступности.

Недаром банальные на первый взгляд истории, из которых вроде бы и самого простенького детектива не состряпаешь,— приписки к плану, к зарплате, к объему выполненных работ и т. п., обернулись самыми громкими процессами, первенство среди которых занимает «хлопковое» дело, давшее всего за несколько лет около шестой части показанного в отчетах объема производства хлопка.

«Фиктивная» экономика производит не только «голую» фикцию: она производит и то, что как бы и есть,— его можно пощупать,— но употреблять по назначению нельзя: фиктивную потребительскую стоимость. Это те сапоги, у которых подошва на ходу отваливается, платья, на которые нельзя смотреть без содрогания, мужские костюмы, незаменимые бы для пугал,— легкая промышленность, несомненно, производит самые жуткие «миражи». Ежегодно бракуется, возвращается на доделку производителям от 8 до 12 процентов обуви, швейных и трикотажных изделий, тканей. Не случайно госприемка без привычки к кошмарам выбраковывала на первых порах своей деятельности по ряду предприятий Минлегпрома до 80 процентов продукции.

Хотя и в более благообразных формах (в смысле внешнего вида товаров: стереорадиолы — блестящие и с ручками, холодильники непоцарапанные и т. п.) не отставали от нее и другие отрасли промышленности. Госприемка увеличила выбраковку в полтора-два раза. Но все равно очень много брака доставалось и достается покупателю. Конечно, на такую прорву брака не хватало (и не хватает) никаких сил сферы бытового обслуживания. Поэтому, думается, «фиктивная» экономика, объективно вызывая к жизни нелегальных «спецов», косвенно производила еще один мираж — иллюзию общественного сознания о том, что причин для их существования у нас нет. Причины проявляются сейчас (при попытке их легализовать и контролировать), в бурном возмущении части граждан: мол, «никогда такого не было!» и «это шаг назад!» и т. п.

Предпосылками, обусловившими возможность многолетнего функционирования «фиктивной» экономики в области производства товаров массового спроса, были ненормальное положение торговли, бывшей вопреки всем экономическим нормам не равноправной производительной отраслью хозяйства, а перевалочной базой ширпотреба. И совсем уже отчаянное, бесправное положение покупателя, который, согласно заложенной в систему идее, должен был «брать, что дают». (Выхода, как изначально предполагалось, у него нет: человек не Робинзон, в шкуре ходить не будет, за телевизором в Японию или, наоборот, в Швецию не махнет и т. п.)

Но покупатель тоже был не без хитрости и обманывал обманутую поставщиками торговлю: он предпочитал купить втридорога, но хорошую, качественную, модную и долгосрочного пользования вещь на «черном» рынке; или обшивался и обувался у «частника» и т. п.

В других отраслях промышленности сплавлять некачественную продукцию помогали жесткое прикрепление потребителя к поставщику и властные мотивации в системе управления. С прикреплением в общем-то все ясно, а вот властные мотивации до сих пор недооценены. Например, когда сейчас некоторые производственники сетуют: «вот, вал отменили, а «хозяин» опять требует: «вал!», «вал!». При этом они забывают добавить, что «хозяин» не только требовал «вал!», «вал!», но и помогал его пристроить, а во многих случаях и бескорыстно помогал, ничего предварительно не требуя. Иначе говоря, работники различных уровней, чтобы обеспечить выполнение планово-отчетных показателей (района, города или области, отрасли или подотрасли), в отдельных случаях, по престижной или иной мотивации, обеспечивали сбыт полновесно-авральной, на опыте уцененной или возвращенной поставщику продукции. И если в своей области, городе или районе доставало «законной» собственной власти, то в местах отдаленных вступали в силу уже личные неформальные контакты и связи, то есть каналы теневой экономики.

Создавать видимость все возрастающего производства товаров и услуг неуклонного, из года в год перевыполняемого рынка удавалось с помощью самых удобных, легальных приписок к цене на те или иные виды продукции. Эти приписки были не то чтобы прямо зловредно ориентированы против интересов покупателей — на покупателей часто было как раз наплевать, а на интересы выполнения и перевыполнения плановых заданий, на наращивание объемов производства. Последние зависят от двух параметров: количества и стоимостного выражения (цены) продукции. В опыте Минлегпрома эта практика выразилась в выпуске товаров с индексом «Н» — новинок «улучшенного качества». Какая-нибудь, например, рубашка с объективно существующей, но не видной глазу «строчкой» или «планочкой» подпрыгнула от пяти рублей до семнадцати; страшненькие, но из перманентно «улучшающейся» ткани или с небрежно подшитым неуклонно дорожающим воротником, ядовитых расцветок пальто «улучшилось» на 120 рублей и т. д. и т. п.; в совсем уже фантастическую группу особо модных товаров попали, удесятерившись в цене, немодные штаны — джинсы и т. д.

Как-то — наверное, по инерции — цены повышались и на даже формально не улучшенные товары; повышению среднего уровня товарных цен способствовали также вымывание дешевого ассортимента, ухудшение качества товаров при сохранении прежних цен, завышение сортности, принудительно навязанные населению «прогрессивные» сдвиги в товарообороте и т. д. Немудрено, что при перевыполнении плановых объемных показателей фактическое потребление товаров на душу населения недотягивало до рекомендуемых наукой норм потребления, ситуация на рынке не улучшилась.

Производство фиктивных стоимостей активно велось во всех отраслях дореформенной экономики. В результате с 1970 по 1985 год доля ценового фактора в приросте товарооборота составила половину, а средние розничные цены выросли на 35 процентов.

Думается, что радикальная перестройка деятельности предприятий на основе неурезанного хозрасчета и самофинансирования, зависимость оплаты от конечного результата, то есть от реального удовлетворения нужд потребителей, а также конкуренции со стороны сектора индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности — меры, способные очистить экономику как от бестелесных миражей, так и от химер во плоти. Хотя автоматизма здесь не следует ожидать. Могут появиться новые формы приписок: надо предприятиям платить за привлеченные ресурсы — может появиться желание уменьшить (в отчетах) их объем и качество; усилится контроль потребителей за качеством (а преодолеть диктат производителя само по себе непросто — потребуется время) — не исключена активизация деятельности предприятий по навязыванию (с помощью рекламы, например) товаров, удовлетворяющих мнимые псевдопотребности. Что касается инфляционных тенденций в экономике, то новый хозяйственный механизм, перекрывая одни каналы, может открыть другие. Так, развитие системы договорных и свободных цен, погоня за прибылью, появление возможностей финансовой игры в условиях растущих цен, необходимость пересмотра уровней и соотношений цен могут подпитывать инфляционные тенденции. Так что нужна разработка специальных мер антиинфляционной политики, нужны и система мер, механизм социальной защиты населения от этого негативного явления. А для этого его надо «вскрыть» — только тогда и можно будет наладить действенный контроль в этой области.

Начало на стр. 18.

— Ты, вижу, с утра пораньше начал. Тебе за баранку нельзя, в витрину въедешь. Бери такси,— командовал Ося.

— Обязательно. И к тому же у меня покрышки лысые, как коленки.

— Тогда так. Через час на проспекте Мира против Банного переулка. Знаешь?

— Ну еще бы!

— Если от центра — с правой стороны.

— Понял. Но, Ося, дорогой, через час не могу. Побриться надо, то да се. Давай через два, а?

Юра разговаривал с Осей точно так, как научил его заранее Барышев. Надо было дать время Баскову.

— Ладно,— согласился Ося.— Ровно в двенадцать. Но без опозданий. Бабки не потеряй.

— Ося, ты меня не уважаешь!

— Не трепись. Чао! — И Ося повесил трубку. Барышев тут же позвонил Баскову.

Басков приехал на служебной машине через полчаса.

Юра, побрившийся и освежившийся французским одеколоном, одетый в дорогой светлый костюм, выглядел все-таки не лучшим образом. Баскова он принял в своем доме как старого доброго знакомого.

— Присядем,— сказал Басков.

Они сели в гостиной на мягкие стулья, стоявшие в ряд у стены, и это напоминало театральную ложу, только без барьера.

— Где деньги? — спросил Басков.

Юра встал, подошел к пианино и взял с него кейс, потом вернулся, положил его на свой стул и открыл. Кейс был полон бумажными кирпичиками одинаковых размеров. Лишь один отличался от других, был побольше, но потоньше.

— Сколько? — спросил Басков.

— Тут три с полтиной,— сказал Юра.

— И все трешками?

Юра показал на большой и тонкий кирпичик.

— Робби всегда платит крупными. А остальные отдают и рублями.

— Робби — это Роберт Рзаевич?

— Да.

— Теперь слушайте. Мы подъезжаем, вы садитесь к Осе в машину и отдаете деньги, так?

— Ну!

— Надеюсь, он не пересчитывает?

— Ха! По тротуару народ ходит.

— Перекладывает деньги в свою тару?

— У Оси есть такой же кейс.

— Ну да, как в шпионских фильмах. Это понятно. Так вот, когда поменяетесь чемоданчиками, открывайте дверцу и выходите.

— И на этом моя миссия закончена? — с надеждой спросил Юра.

— Пока — да. Вернетесь в такси, поедете домой. Но с уговором надолго не отлучаться, вы нам понадобитесь. И мой вам совет: кончайте пить. Посмотрите, на кого вы похожи.

— Мерси! — без особой обиды поблагодарил Юра.

В такси Юра сидел рядом с водителем, Басков и Барышев — сзади. Служебная машина, в которой ехали Фокин и эксперт Михайлов, держалась метрах в пятидесяти за такси.

Когда миновали станцию метро «Проспект мира», Басков сказал:

— Смотрите внимательно. Нам надо не доехать до него шагов на полсотни.

Впереди не было стоящих у тротуара легковушек, лишь одинокий продовольственный фургон. Обогнув его, они увидели вдали белые «Жигули».

— Еще немножко, и стоп,— сказал Юра водителю.

Выйдя из такси, он зашагал неторопливо, помахивая кейсом.

Как только Юра сел в машину Оси, Басков тоже вышел на тротуар. Когда он поравнялся с белыми «Жигулями», дверца машины распахнулась, Басков ухватился за нее, Юра поразительно ловко выскочил на тротуар с кейсом в руке. Басков сел рядом с Осей и захлопнул дверцу.

— Что такое? Вон отсюда! — закричал Ося.

Басков зажал себе ладонями уши.

— Потише, Ося, оглохнуть можно.

Ося завел мотор и чуть повернул руль влево.

— Я вас сейчас первому милиционеру сдам!

Басков ткнул его в бок локтем и кивком показал на заднее сиденье, где лежал кейс.

Ося посмотрел ему в лицо. Жгучий это был взгляд, но что-то как бы подрагивало, пульсировало в нем, мешаясь с ненавистью.

— Кто вы такой? — спросил Ося нормальным голосом и выключил зажигание.

Басков показал служебное удостоверение.

— Так что не надо милиционера.

Басков оглядел Осю. Тот чем-то напоминал Роберта Рзаевича Ситпаева — такой же упитанный, холеный, ухоженный, может быть, немного покрупнее. Даже злоба и испуг не согнали румянца с его тугих щек.

— Что вы должны делать с деньгами? — спросил Басков.

— С какими деньгами? — попробовал удивиться Ося. Но это было и наивно, и слишком запоздало: минутой раньше, когда Басков жестом напомнил ему о лежавшем на заднем сиденье кейсе, он вполне выдал себя.

— Не надо так грубо, Ося,— посоветовал Басков.— Кстати, как ваше полное имя-отчество? А то как-то неудобно.

— Иосиф Георгиевич,— сказал Ося и почему-то насмешливо усмехнулся, похоже, в собственный адрес.

— Так что с деньгами, Иосиф Георгиевич?

— Отдать.

— Кому? Когда? Где?

Ося молчал; казалось, он не слышал Баскова. Можно было догадаться, как усиленно работает сейчас его мысль.

— Значит, вы вроде инкассатора? — спросил Басков громко.

Ося дернул плечом, словно стряхивая оцепенение.

— Если вам так угодно.

Басков открыл дверцу, махнул рукой. Барышев покинул служебную машину, подошел.

— Давай-ка за руль,— сказал ему Басков и предложил Осе: — Пересядем, Иосиф Георгиевич.

Басков поместился сзади, Ося подвинулся, уступив руль Барышеву.

— На Петровку,— сказал Басков.

...Машину поставили во дворе дежурной части. Пока Барышев искал понятых для процедуры с деньгами, пока разъяснял им их права и обязанности, Басков позвонил Степанову, чтобы приезжал на допрос Оси. Но можно было и не спешить, потому что из первого допроса ничего путного не получилось.

Степанов поставил Осю в известность, что в связи с пакетами «Мальборо» возбуждено уголовное дело, и начал задавать вопросы.

Сообщенные Осей чисто анкетные данные можно было узнать из паспорта, который оказался при нем: Гольдманян Иосиф Георгиевич, год рождения — 1943, место рождения — Ереван, прописан в Москве, невоеннообязанный, женат. Сверх того, он сообщил, что работает начальником отдела снабжения на заводе химических товаров бытового назначения. На главный же вопрос — кому, где и когда он собирался передать деньги? — Ося ответил, что должен отвезти чемодан в поселок по названию Совхоз, в сорока двух километрах от Москвы, оставить в доме, где живет Егор Друкин.

— Кто такой Друкин? — спросил Степанов.

— В совхозе работает.

— Деньги ему передать? — уточнил Басков.

— Его нет. Я же сказал — оставить в тайнике.

— А когда?

— Сегодня. Как стемнеет.

Степанов пытался начать разговор о происхождении пакетов «Мальборо», но Ося, сославшись на головную боль, попросил дать ему отдохнуть и подумать.

— А кто заберет деньги? — спросил Басков.

— Кто-нибудь,— раздраженно сказал Ося.

— Друкина, вы говорите, нет. Как вы войдете в дом?

На столе, среди вещей, отобранных при личном обыске, лежали ключи на брелоке. Брелоком служила пачечка разнокалиберных пластинок — они изображали американские банкноты, от долларовой до тысячедолларовой. Ося показал на связке два ключа.

— Вот ключи от дома.

— Хорошо, Иосиф Георгиевич. Вы всего лишь инкассатор. Кто же хозяин? Друкин? — спросил Степанов.

— Дайте отдохнуть,— повторил свою просьбу Ося.

— А в доме может оказаться кто-то другой? — задал вопрос Басков.

— Может, да, а может, нет,— уже вяло ответил Ося.

Отправив его в камеру, Басков вызвал Фокина, объяснил задачу. Фокин поехал в поселок под названием Совхоз.

Басков со Степановым пошли к начальнику управления уголовного розыска. Тот пригласил своего первого заместителя, и Басков доложил обстановку. Совещались до шестнадцати часов. Было выработано два варианта действий. Выбор зависел от того, что скажет Ося, поразмыслив в камере.

Басков отправился домой, на Новослободскую, а Степанов — в прокуратуру.

Окончание следует.

АКТЕРЫ НА ЛЬДУ

Начало на центральной вкладке.

дней, проверяя смехом на доброту и человечность. Сможет ли он сохранить свою мечту, свою любовь в современном мире — об этом первый спектакль театра «Немое кино».

Не правда ли, странно звучит слово «актер» по отношению к человеку на коньках? Многие, вероятно, помнят еще давние дискуссии о том, искусство фигурное катание или спорт? Тогда, кажется, дело кончилось компромиссом. Однако театру Игоря Бобрина пришлось сегодня решать этот вопрос заново и всерьез.

Мы все любили Бобрина на спортивных аренах, пожалуй, больше всего за его особенный артистизм, открытость, образность.

— Однако, приступив к работе,— говорит Игорь,— мы сразу же почувствовали недостаток именно актерского мастерства, просто школы. Ведь все мы бывшие спортсмены, а в спорте прежде всего ценится отточенность, чистота исполнения элементов, их сложность. Для нас же элементы перестают быть самоцелью. Они интересуют нас лишь как средство выразительности. Поэтому мы не собирали в коллективе мировых чемпионов и обладателей высших званий. Вот, например, Елена Васюкова — обладательница Кубка СССР. Это не самая большая награда в фигурном катании, однако ту пластичность и артистизм, с которыми Лена исполняет, скажем, роль цветочницы в «Немом кино», мы все очень ценим. Прошлые спортивные достижения отходят у нас на второй план и со временем, может быть, потеряют свою значимость. А вот пластике, актерскому мастерству нам сейчас приходится постоянно учиться. Мне пришлось поступить в ГИТИС на режиссерский факультет, и мы слушаем сейчас лекции, которые читает Вячеслав Анатольевич Шалевич.

Как оказалось, очень непросто стать актером. Часто это связано с настоящей ломкой психологии. Например, в нашем коллективе танцует известная пара Ирина Воробьева и Игорь Лисовский. Представьте, им поначалу было очень трудно разъединиться. Игорь должен был танцевать роль шарманщика, и это стало большим психологическим испытанием — сбросить спортивные узы, принесшие успех...

Нужно сказать, что театр существует год, но даже за это время он прошел через серьезные испытания. Трудности были буквально во всем: костюмы, свет, звук, репетиционные площадки. И вот теперь, когда большая часть неурядиц уже позади, актеры выступили с инициативой: в Советском фонде культуры открыт особый Фонд помощи творческой молодежи, в который театр намерен вносить сборы с каждого премьерного спектакля. Труппа надеется, что и многие другие молодые коллективы, испытавшие тяготы становления, последуют ее примеру.

Что ж, может быть, благодаря такой преданности коллектива избранному делу с ним согласились сотрудничать известные мастера. Например, Илья Резник написал сценарий первого спектакля, Наталья Волкова, работающая сейчас с Валовой и Васильевым, стала балетмейстером коллектива.

— Искусства, которое мы, вероятно, с некоторой заносчивостью пытаемся нащупать,— говорит Бобрин,— до сих пор не существовало как такового, здесь очень сложно работать. Илья Владимирович, человек смелый и талантливый, с готовностью согласился на эксперимент, а Наталья Александровна, очень хорошо знающая балет и прекрасно чувствующая лед, часто одаривает нас неожиданными решениями. Но и им многое приходится делать впервые.

Еще бы, ведь работа только начинается. И, как мне показалось, второе отделение представления, называющееся «Ледовый дивертисмент», во многом пока напоминает традиционные танцы на льду.

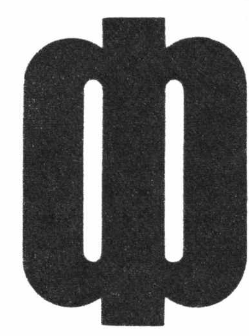
Но все равно лед тронулся!

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ЧЕМ

УЧЕНЫЕ МУЖИ ГОВОРЯТ, ЧТО КАЖДЫЕ 25 СЕКУНД В МИРЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЧТО-ТО НОВОЕ В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ. ПОЯВЛЯЕТСЯ НОВОЕ И В СПОРТЕ. В МЕТОДИКЕ ТРЕНИРОВОК, СНАРЯЖЕНИИ АТЛЕТА, ЕГО МЕДИЦИНСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ, КОЛИЧЕСТВЕ И КАЧЕСТВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ БИТОВ, ПОЛУЧАЕМЫХ СПОРТСМЕНОМ ОТ НАСТАВНИКА.

СТАДИОН

**Юрий ВАНЬЯТ,
почетный член
Федерации футбола
СССР**

Футбол — эта необъяснимая привада человечества — не только не является в этом смысле исключением, а, наоборот, концентрирует многие новинки физической культуры быстрее иных, тоже престижных, видов спорта.

В то же время колоссально возросли психические нагрузки на совсем еще молодых, пусть и вполне здоровых людей. Вспомним очень долгий и напряженный сезон, длящийся нынче 8—9 месяцев. Возросшую остроту конкуренции за то, чтобы стать первым. Либо завоевать другие медали. Или (что не менее тяжко психологически) за то, чтобы избежать ухода из высшей лиги в низшую. Плюс (вернее, минус) давно изживший себя ничейный лимит, создающий дополнительные нагрузки.

Все это создает в той или иной команде свою стрессовую ситуацию, которая может длиться достаточно долго и — хочешь не хочешь — сказываться на качестве самой игры. Это лишний раз и подтвердилось в минувшем сезоне.

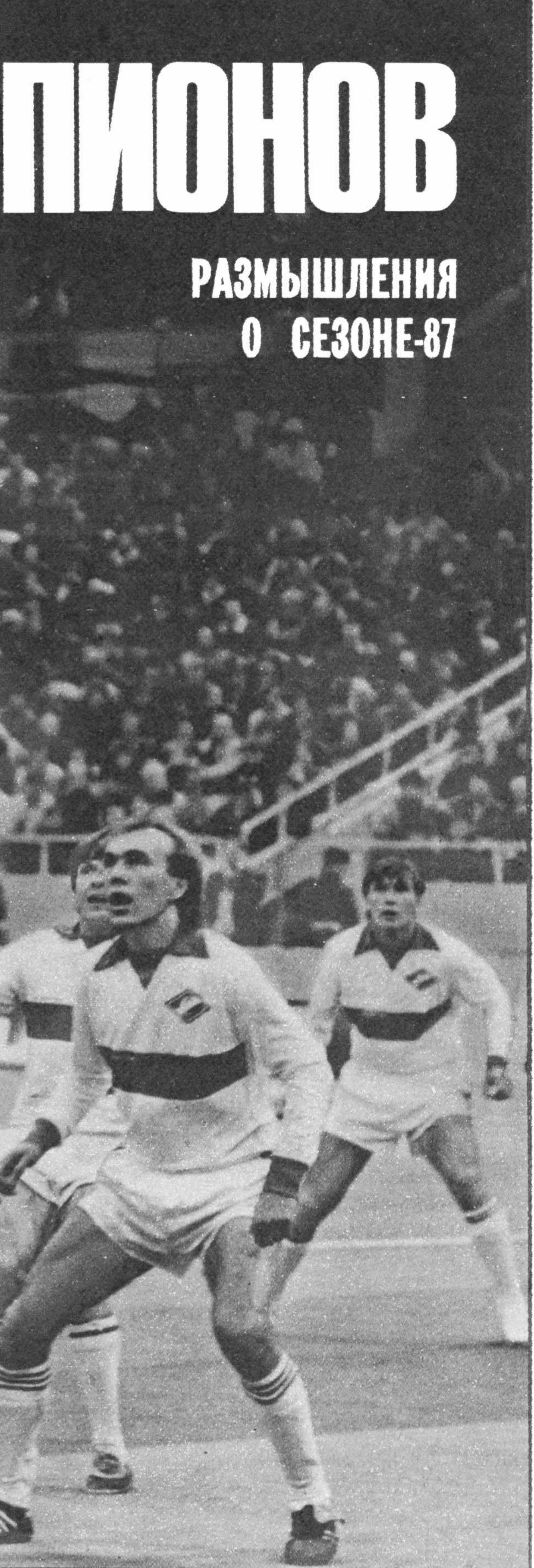
Уже летом мы увидели группу клубов, которым, думалось, не пережить футбольную осень. Для аутсайдеров, среди которых были экс-чемпионы страны «Зенит», ЦСКА, московское и тбилисское «Динамо», не говоря уже о футбольном «калифе на час» — сельской команде «Гурия» из Ланчхути, солнечный июль глядел промозглым концом ноября.

И коли японцы верят, что человеку угрожает 108 напастей, то не исключен приход этих неприятностей и в футбольную жизнь любой страны. В нашем футболе, помимо его перманентных напастей — болезней и травм игроков, удалений с поля, отставок тренеров (таковые поменялись за сезон в «Нефтчи», «Гурии», «Зените», московском, тбилисском «Динамо» и уже «за занавесом» чемпионата — в ЦСКА), сезон минувший обострил две весьма существенные проблемы. Это — качество судейства и поведение советских «тифози» на стадионе и вне его.

С чисто спортивной, турнирной стороны, подчеркивая закономерную викторию «обреченной на популярность» команды столичного «Спарта-

ПИОНОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕЗОНЕ-87

Фото Анатолия Бочинина

ка» и яркую «бронзу» своеобычного «Жальгириса», нельзя пройти мимо провала грузинских команд в высшей и первой лигах. Как и мимо заминки талантливого коллектива киевского «Динамо», оставшегося хотя и с хрустальным Кубком СССР, но без привычных медалей. И вообще за пределами первой пятерки, что сегодня делает проблематичным старт киевлян в грядущих европейских клубных турнирах. И, наконец, огорчает новый нырок вниз молодой, вроде бы неплохой по подбору исполнителей команды ЦСКА.

Нельзя быть удовлетворенным тем, как, за исключением минского «Динамо», защитил честь советского футбола секстет наших клубов в европейских турнирах. Тяжкие поражения «Зенита» — 0:5 — в Бельгии и особенно «Спартака» — 2:6 — в ФРГ, выбытие уже на старте «турнира № 1»— Кубка европейских чемпионов — динамовцев Киева, невыразительная игра московских динамовцев в Барселоне — все это дает пищу для размышлений об истинно профессиональном уровне даже известных наших клубов.

Мне думается, что подлинный профессионализм предполагает нечто большее. Иначе может получиться не мастер, а ремесленник.

Да, есть, конечно, в футболе вполне добротные ремесленники. Имеются, в частности, они и в «золотом» составе нового чемпиона — «Спартака». Но все же в коллективе благодаря тренерскому ясновидению К. Бескова больше мастеров.

Ибо все они обладают чувством клубной принадлежности. Даже Александр Бубнов, долгие годы отдавший динамовскому клубу. Или экс-торпедовец Юрий Суслопаров, великолепно и самоотверженно отыгравший 8—10 последних туров чемпионата. Или изгнанный в Одессе Виктор Пасулько, после спартаковского горнила ставший осенью кандидатом в сборную страны. Я уже не говорю о бывшем астраханце Ринате Дасаеве — умном, тонком человеке и вратаре мирового уровня.

Кстати говоря, очень обидно, что в целом набело написанный Дасаевым сценарий своей игры в 87-м году, включая выступление за сборную ФИФА (читай: сборную мира), в самом конце сезона был подпорчен большой кляксой в Бремене. Но тут же вспомнились непонятные срывы таких всемирных современных авторитетов вратарского искусства, как бельгиец Пфафф или Шумахер из ФРГ. Вспомнилось, что грубо ошибались и великие в прошлом стражи ворот — испанец Заморра, чех Планичка, итальянец Зофф, бразилец Жильмар. Ведь не случайно говорят, что «ошибка игрока — ошибка. А ошибка вратаря — гол».

Но закончим разговор о профессионализме. Как знают любители футбола, первым изъявил желание перейти на хозрасчет, то есть стать «профи»-клубом, днепропетровский «Днепр» — вице-чемпион 50-го юбилейного первенства СССР. Прорабатывают такую же возможность флагманы нашего футбола — киевское «Динамо» и «Спартак», правда, каждый в своей интерпретации.

Конечно, вопросов больших и малых здесь еще уйма. И все это быстро, во всех деталях решить непросто. Но, вероятно, сама жизнь подскажет новые организационные формы в советском футболе, дабы ему уйти от застоя многих прежних лет.

При этом хочу напомнить о том, что в нашем футболе, хоккее, баскетболе, волейболе жизнь не раз подсказывала: неудачные организационные и кадровые перемены могут быстро и почти безвозвратно развалить сильную, классную команду. А восстанавливать ее нужно годами.

Яркий тому пример — команда ЦСКА. Уже выросло поколение любителей футбола, не ведающее того шока в 52-м году, когда после неудачного олимпийского дебюта в Хельсинки была расформирована великолепная тогда армейская команда столицы. А «виновна» она оказалась лишь в том, что дала в сборную СССР больше игроков, чем тогдашние «Динамо», «Спартак», «Зенит».

Не случайно с той поры команда ЦСКА, за исключением двух-трех сезонов, вот уже три десятилетия далека от лидеров нашего футбола.

Теперь, нащупывая новые организационные рамки, мы не должны в угоду двум-трем суперклубам (если таковые задумано создать) принести в жертву другие команды. Ибо за каждой из них — миллионные города, огромные заводы, симпатии людей во всех концах страны.

В то же время думается, что 6—8 лучших команд, имеющих давние и добрые традиции, систематически выходящих на международную арену, зарабатывающих советскому спорту солидные средства, в том числе и в зарубежной валюте, должны иметь возможность приоритетного комплектования.

Может быть, иным любителям спорта это мое суждение покажется скособоченным. Но надо смотреть на прозу футбольной жизни реально. Переходы, усиление ведущих клубов неизбежны. Однако в разумных пределах — без «раздевания» того или иного клуба. Увы, мы это долгие годы наблюдали в хоккее. Что в итоге и привело к определенному кризису этой суровой, но прекрасной игры во многих регионах.

Теперь о ЧП с судейством. Сразу скажу, что это не только «наш вопрос». Проблема неквалифицированного, а то и предвзятого арбитража возникла во всем мире. И во многих видах спорта — хоккее, баскетболе, гимнастике, фигурном катании. Так что футбол не исключение. Просто он на виду, поскольку привлекает миллионы зрителей. В частности, 240 матчей минувшего чемпионата СССР в высшей лиге привлекли 6 376 030 человек. То есть в среднем 26 567 на игре. Это один из лучших показателей в Европе. Чего, к сожалению, не скажешь о результативности. В среднем она нынче равна 2,12 мяча за игру. И наш лучший бомбардир Олег Протасов из «Днепра» со своими 18 забитыми голами будет в борьбе за «Золотую бутсу» в Европе в лучшем случае где-то в конце второго десятка.

Но вернемся к футбольным арбитрам. Первая половина сезона прошла, можно сказать, под девизом «суди меня, судья неправедный»... Просто диву даешься, сколько грубейших ошибок допустили многие известные и опытные судьи.

Нагремевшая игра «Спартак»—«Днепр» при помощи судьи оказалась ничьей «со взломом». Хорошо еще, что то судейство не повлияло в итоге на конечную табель о рангах. А вот для команды ЦСКА промашка арбитра в игре первого круга с «Зенитом» оказалась роковой. И вместо «Зенита» высшую лигу приходится покидать армейцам, о чем я уже сказал выше. Если б не странные ошибки судей в матчах с «Металлистом» и «Гурией», у московского «Динамо» было бы не 28 очков, а 30. Это подняло бы команду места на три выше и, возможно, не вывело бы из тренерского строя Э. Малофеева, которого теперь сменил А. Бышовец.

Естественно, что общественность и печать молчать об ошибках футбольной Фемиды не могли. Но вместо принятия действенных мер по улучшению качества судейства тогдашние (теперь уже снятые) руководители Всесоюзной коллегии судей начали, как говорит американская присловица, «искать черного кота в темном подвале». Искали довольно долго. Не нашли. Жаловались устно и письменно на строптивых журналистов в самые высокие инстанции. И лишь к осени судейство, которое, быть может, стóит в высшей и первой лигах перевести на профессионализм, стало достаточно четким и спокойным.

Зато некстати разбушевалась «торсида» — болельщики ряда команд. Последовали безобразные действия раздосадованных поражениями «фанатов» киевского «Динамо» и «Гурии».

Первые, как известно, устроили драку на перроне киевского вокзала, разбив стекла экспресса, на котором возвращался домой «Спартак». Вторые после матча пытались разгромить прекрасный стадион, который зимой они же и помогали строить. Причина — недовольство... своей командой. Следствие этой причины — дисквалификация поля в Ланчхути на шесть матчей.

Если вспомнить менее громкие инциденты в Вильнюсе, Донецке, Баку, а также в Степанакерте, Абовяне, станет ясной серьезность этой проблемы и для будущих футбольных турниров. Уповать только на создание «Клубов любителей футбола»— значит недооценивать ситуацию, связанную с отдельными хулиганствующими группами юнцов на стадионах. Нужна тонкая и длительная система воспитующих мер. Добрый пример уже показал ереванский комсомол, гостеприимно встретивший группку спартаковских болельщиков, показавший им город, обеспечивший билеты на выезд.

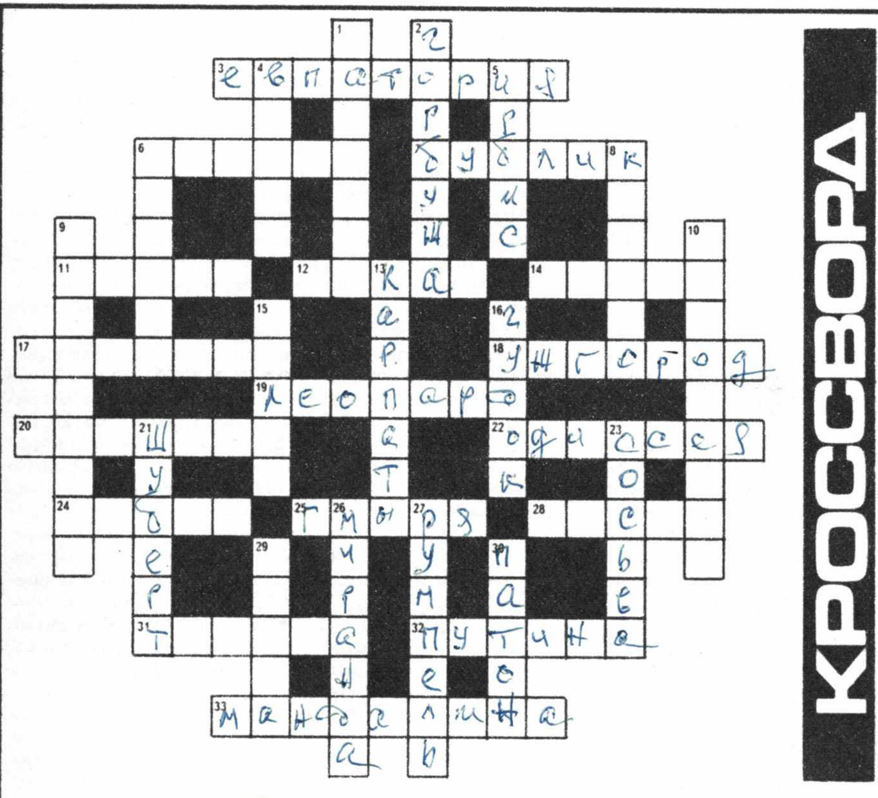
Конечно, в целом советский футбол здоров и крепок. Об этом свидетельствует уверенный выход национальной сборной в финал первенства Европы. Хорошие шансы на успех и у олимпийской сборной СССР. Чемпионами мира нынешнего года стали наши юноши.

Сейчас мы имеем как минимум шестерку очень опытных и сильных клубов. И особо приятно, что они отличаются «лица необщим выраженьем». Разве что минское «Динамо» роднит со «Спартаком» любовь к изящной комбинационной атаке. Но даже этим шести, включая и нового чемпиона, есть над чем пролить пот в тренировках. Мы, как правило, проигрываем борьбу в воздухе. Мал коэффициент полезного действия ворот соперников. Порой не хватает «волевой мускулатуры». Даже «Спартаку», если вспомнить его фиаско в Бремене.

Но все это поправимо, если сама команда проникнется истинно профессиональным отношением к делу, будет помнить, что зритель идет на стадион, чтобы увидеть поистине Большие, а не Жестокие Игры.

И последнее: о заголовке обзора. За 50 первенств страны мы имели 11 чемпионов. Все они, кроме ворошиловградской «Зари», участвовали и в юбилейном чемпионате. Эта десятка в итоге разбилась на две пятерки. Одна из них заняла первое («Спартак»), второе («Днепр»), четвертое («Торпедо»), пятое (минское «Динамо») и шестое (киевское «Динамо») респектабельные места. Другая чувствовала себя в общем-то не очень уютно, оставшись на восьмом («Арарат»), десятом (московское «Динамо»), тринадцатом (тбилисское «Динамо»), четырнадцатом («Зенит») и пятнадцатом (ЦСКА) местах.

Так что взлеты и падения наших футбольных чемпионов были, есть и будут. Впрочем, может быть, и в этом факте своя прелесть. Прелесть и интрига непредсказуемой борьбы.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Курорт в Крыму. 6. Крупная морская птица, обитающая в тропиках. 7. Баранка. 11. Традиционная одежда населения Латинской Америки. 12. Нотный знак. 14. Приток Днепра. 17. Певчая птичка. 18. Областной центр на Украине. 19. Хищник семейства кошачьих. 20. Народный художник СССР, передвижник. 22. Древнегреческая эпическая поэма. 24. Инструмент для отделочной обработки поверхности для точного сопряжения деталей. 25. Народный артист СССР, певец, выступавший в Украинском театре оперы и балета. 28. Соленое озеро в Одесской области. 31. Роман О. Гончара. 32. Сезон промышленного рыболовства. 33. Струнный музыкальный инструмент.

По вертикали: 1. Результат деления. 2. Лососевая рыба. 4. Азербайджанский поэт XVIII века. 5. Снежный барс. 6. Украинский писатель, публицист. 8. Предмет мебельного гарнитура. 9. Рассказ А. П. Чехова. 10. Опера П. И. Чайковского. 13. Горная система в Европе. 15. Кондитерское изделие. 16. Центральная газета советских железнодорожников. 21. Австрийский композитор XIX века. 23. Приток Вычегды. 26. Спутник Урана. 27. Рычаг на руле малого судна. 29. Приспособление, страхующее акробата, гимнаста в цирке. 30. Ученый в области металлургии и сварки, академик, дважды Герой Социалистического Труда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 5. «Баядера». 7. Аничков. 9. Петропавловск. 11. Атрек. 12. Кварц. 13. Арцимович. 15. Былина. 16. Сидней. 17. Данко. 19. Куликов. 20. Мелисса. 22. Аорта. 23. Штопор. 25. Сланец. 27. Ведомость. 28. Этика. 30. Вилкс. 31. Автобиография. 32. Водород. 33. Антонио.

По вертикали: 1. Масштаб. 2. Терек. 3. Киоск. 4. Солярий. 6. «Аврора». 7. Адонис. 8. Таймень. 9. Перламутровка. 10. Квинтэссенция. 13. Андрианов. 14. Числитель. 17. Диона. 18. Опера. 21. Тромбон. 23. Шаталов. 24. Рекорд. 25. Страна. 26. Цикорий. 29. Аверс. 30. Вирта.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Василия **ДУБОВА**

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЭМАНСИПАЦИЯ!

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

СТАРИННЫЙ ГОЛИЦЫНСКИЙ ОСОБНЯК В САМОМ ЦЕНТРЕ МОСКВЫ, У САДА БАУМАНА, ОБРЕЛ НОВУЮ СУДЬБУ. В ЭТОМ ЗДАНИИ СОЗДАН ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ СОВЕТСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ. ЗДЕСЬ ТЕПЕРЬ УЖЕ РЕГУЛЯРНО БУДУТ ПРОХОДИТЬ ВЫСТАВКИ-АУКЦИОНЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ СТОЛИЦЫ.

Так уж сложилось, что традиционным местом общения с искусством для нас стали выставочные залы, галереи и музеи. Именно туда, особенно после «музейного взрыва» конца шестидесятых годов, тянутся совершенно разные люди, объединенные интересом и любовью к искусству. Но всегда оставалась еще и потребность в постоянном, ежедневном общении с искусством. Вот одна из причин оживающей традиции личного собирательства. В малых формах работ, предназначенных для домашних интерьеров, должны быть сохранены профессионализм, подлинная духовность, традиции высокого искусства. Именно такими принципами и руководствовались в своем отборе произведений организаторы коллекции для аукциона.

Кто входил доныне в число главных покупателей на столичном художествен-

аукцион

ном рынке! Работы из мастерских и с выставок приобретались министерствами культуры, Художественным фондом и Союзом художников. Затем их распределяли по музеям и иным организациям. А дальнейшая их судьба зачастую плачевна: они оседают в различных запасниках и складах. Индивидуальные же покупатели, которые приобретают картины и рисунки для своего дома, пока что очень редки.

Развитие художественных аукционов в нашей стране — назревшая потребность. Поле деятельности тут огромно — продажа работ мастеров разных поколений, аукционы тематические, антикварные, по заявкам зрителей, в рамках клуба коллекционеров. Сам факт свободной продажи художественных произведений, несомненно, способен изменить многое в отношении людей к искусству. Хорошо, что этот аукцион станет доброй московской традицией.

Михаил КАМЕНСКИЙ

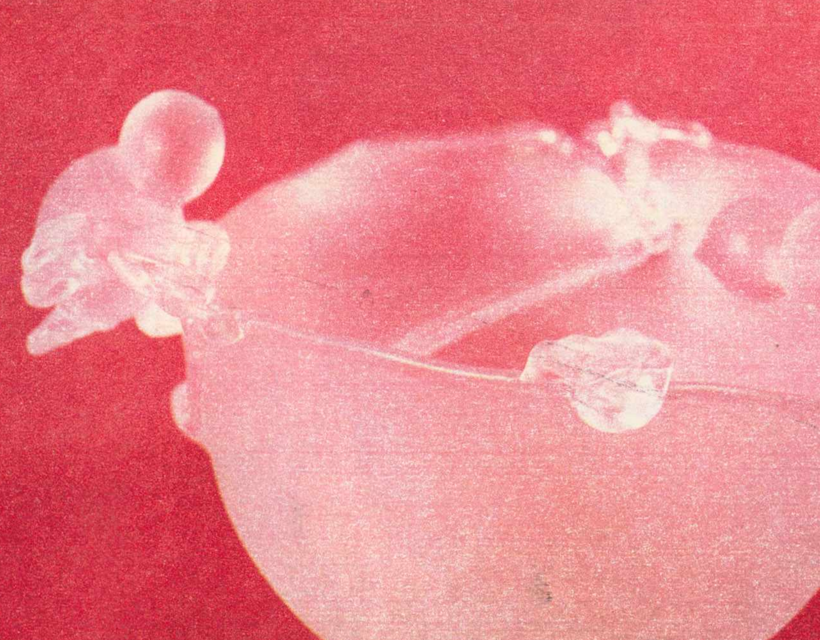
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

НЕМАНСКОЕ СТЕКЛО

В Белоруссии, на Гродненщине, славится завод «Неман». Здесь выпускают десятки различных изделий из цветного накладного, расписного и резного стекла всевозможных форм и расцветок. Витражи, декоративные композиции из неманского стекла украшают театры, стадионы и станции метро многих городов страны.

Творчество ведущих художников завода Л. М. Мягковой и В. С. Мурахвера внесло в производственную практику новые представления об эстетике бытовых изделий, утвердив современный стиль, лаконичность форм.

Фото Михаила САВИНА

ISSN 0131—0097 Индекс 70663

Цена номера 40 коп.